

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

На правах рукописи

МАМОНОВА Юлия Олеговна

**ДЕАКТУАЛИЗАЦИЯ СОВЕТИЗМОВ
В СЕМАНТИКО-ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор
Шипицына Галина Михайловна

Белгород – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. ПРОЦЕСС ДЕАКТУАЛИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА И ЕГО ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	15
1.1. Понятие смысловой структуры слова.....	15
1.2. Статус деактуализированной лексики в контексте языковых изменений.....	20
1.2.1. Теоретико-методологические основы изучения процесса деактуализации лексико-семантических единиц.....	20
1.2.2. Разные подходы к изучению уходящей лексики в современной лингвистике.....	24
1.2.3. Место и роль лексико-семантической деактуализации в ряду динамических процессов современного русского литературного языка.....	33
1.3. Источники и причины деактуализации лексико-семантических единиц.....	43
1.4. Языковые изменения в составе устойчивых сочетаний слов.....	53
Выводы по главе 1.....	60
Глава 2. СИСТЕМНО-СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕАКТУАЛИЗИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ	61
2.1. Общий состав деактуализированной лексики в аспекте системности.....	61
2.2. Структурно-семантический анализ деактуализированной лексики.....	62
2.3. Парадигматические и синтагматические отношения внутри группы деактуализированных лексем советского периода.....	85
2.3.1. О понятии мифологема.....	85
2.3.2. Системные связи репрезентантов советских мифологем.....	87
Выводы по главе 2.....	103

Глава 3. ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ СОВЕТИЗМОВ.....	104
3.1. Эксперимент как способ проверки знания семантики и прагматики слов носителями языка.....	104
3.2. Методика проведения экспериментальной части исследования.....	106
3.3. Анализ результатов эксперимента.....	110
Выводы по главе 3.....	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	153
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	159
Список научных работ.....	159
Список использованных словарей и их условные обозначения.....	175
Список источников языкового материала.....	177
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	179
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	201
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.....	203
ПРИЛОЖЕНИЕ 4.....	204

ВВЕДЕНИЕ

Современный русский язык представляет собой динамически развивающуюся систему, в которой все составляющие элементы взаимосвязаны. С течением времени лингвистами было зафиксировано множество языковых метаморфоз, но причины этих изменений не всегда лежат в области внутренних законов самого языка. Так, характеризуя современное состояние лексики, следует отметить, что предпосылки большинства семантических процессов имеют внелингвистическую природу, иными словами, находятся в тесной связи с историко-культурной, социально-политической и экономической ситуацией в жизни общества.

Данное исследование посвящено изучению семантических процессов деактуализации лексики и фразеологии советского, отчасти и постсоветского периодов. В основе этого процесса лежит постепенный переход языковых единиц из активного словарного запаса в пассивный, а также деактуализация¹ отдельных значений слов, бывших в активном употреблении в советский период развития русского языка. Время деактуализации тех или иных слов, фразеологизмов и даже отдельных лексико-семантических групп не во всех случаях можно установить абсолютно точно, хотя и такая возможность для отдельных лексико-семантических единиц может существовать.

На данный момент в отечественной науке существует множество работ, посвященных глобальным изменениям в лексике и их причинам: например, работы Р.А. Будагова, В.В. Виноградова, Г.Ч. Гусейнова, М.Б. Геращенко, П.Н. Денисова, А.Д. Дуличенко, О.В. Загоровской, Е.А. Земской, Н.Г. Комлева, В.В. Колесова, Н.А. Купиной, Л.И. Плотниковой, Н.Г. Складневской, И.А. Стернина, Ф.П. Филина, В.К. Харченко, А.П. Чудинова, Г.М. Шипицыной и др. В работах этих авторов рассмотрено множество аспектов реагирования лексико-семантической системы языка на изменения ее бытования в социальной среде. Интерес лингвистов к проблеме языковых изменений сосредоточен, в частности, на определении места и роли этих процессов в истории языка, определении того или иного лексико-

---

¹ Латинская по происхождению приставка «де-» реализует в русском языке два значения: 1) отсутствие, отмена, устранение чего-либо; 2) движение вниз, понижение. В слове *деактуализация* эта приставка имеет первое значение.

семантического варианта как «уходящего» и выявлении социокультурной детерминированности изменения статуса конкретного значения. Стоит обратить внимание и на тот факт, что учеными до сих пор не определены четкие границы терминов «пассивизация» и «деактуализация», нет единого мнения по вопросу об их соотношении.

Актуальность обусловлена уже тем, что изучение различных сторон лексико-семантических изменений всегда было и остаётся важнейшей задачей лингвистики. Существует необходимость комплексного лингвистического описания процесса деактуализации лексики и фразеологии советского периода в конце XX – начале XXI вв. с учетом особенностей их функционирования в недавнем прошлом.

Эта необходимость продиктована тем, что современное поколение взрослых людей еще помнит семантический объем и коннотации уходящих из активного словарного запаса семантических единиц, а сегодняшние школьники и будущие поколения россиян, находясь уже в иной социально-культурной среде, могут ошибаться в их семантизации под влиянием изменившейся картины мира. Появляется опасность модернизации прошлого путём перенесения семантики языковых средств и их коннотативных значимостей с новой эпохи на старую, поскольку слово или оборот речи могут восприниматься под влиянием уже новой лексико-семантической парадигмы и нового ореола их смыслов и прагматики. К сожалению, такая тенденция в описании семантики языковых единиц прошлых периодов скорее закономерна, чем случайна, о чём предупреждали выдающиеся лингвисты: «история чаще всего осмысливает действительность прошлого под влиянием господствующих идей современности» [Виноградов 1995: 27]. Надеяться на успехи будущих этимологов тоже не приходится, поскольку «...этимология меньше всего способна раскрыть все разнообразие смысловых изменений, переживаемых словом в разной социальной среде и в разные эпохи» [Там же: 11]. Дело в том, что когда слово «продергивается через разные языковые слои», которые оставляют на его значении свои следы, и изучается в изоляции от семантической среды, возникает реальная опасность перенесения смыслов и прагматики этого слова с одной

эпохи на другую в полном искажении его бывшей в прошлом семантики [Виноградов 1995]. Опираясь на предупреждение академика об опасности модернизации прошлого, мы полагаем, что изучение самых разных сторон лексических изменений всегда было и остается важнейшей задачей лингвистики.

Объектом нашего исследования является деактуализированная лексика и фразеология советской эпохи.

Предметом изучения служит динамика семантико-лексикографического представления смысловой структуры советизмов, а также отражение этой смысловой структуры в языковом сознании современных россиян разного возраста.

Цель исследования заключается в выявлении причин, языковых механизмов и степени деактуализации советизмов.

Данная цель обусловила решение ряда **задач**:

- 1) установить статус деактуализированной лексики и фразеологии в контексте языковых изменений;
- 2) определить основной состав деактуализированных языковых средств и выявить его внутрисистемную организацию;
- 3) исследовать источники, причины и пути создания советизмов;
- 4) проследить перемещение языковых средств из активного словарного запаса советской эпохи в пассивный запас языка XXI века;
- 5) выявить остаточные знания семантики советизмов у современной молодежи на фоне знаний семантики советизмов людьми среднего и старшего возраста;
- 6) проанализировать языковые механизмы изменений в смысловой структуре советизмов на лексемном и семемном уровнях анализа.

Материал исследования. Исследовательская база уходящих в пассивный фонд языка слов и фразеологизмов составила около 500 единиц. Источниками для формирования картотеки исследования послужили «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» под редакцией Г.Н. Складневской (1998), «Толковый словарь языка совдепии» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (1998), другие словари и словарные материалы (список использованных словарей

прилагается), текстовые фрагменты, извлеченные из партийных документов ВКП(б) и КПСС, примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), публицистической и художественной литературы советского и постсоветского времени, записи современной живой спонтанной речи жителей г. Белгорода и Белгородской области.

Специфика предмета исследования и круг поставленных задач обусловили его междисциплинарный характер. В связи с этим **теоретическую основу** представленной работы составили:

– труды ученых-лингвистов в области лингвистической семантики: Н.Ф. Алефиренко, Т.Г. Ашурковой, Л.М. Васильева, А. Вежбицкой, Е.М. Вольф, В.А. Звезгинцева, М.Б. Геращенко, Г.Ч. Гусейнова, Л.С. Кацнельсона, И.М. Кобозевой, В.В. Колесова, Э.В. Кузнецовой, О.А. Михайловой, Ю.А. Найды, Л.А. Новикова, А.А. Пихуровой, Б.А. Плотникова, М.М. Покровского, З.Д. Поповой, Ж.П. Соколовской, И.А. Стернина, А.А. Уфимцевой, Ф.П. Филина, Н.В. Черемисиной, Г.М. Шипицыной, Д.Н. Шмелева и др.;

– труды специалистов по проблеме внутренней и внешней обусловленности языковых изменений: Р.А. Будагова, В.В. Виноградова, В.К. Журавлева, В.В. Колесова, Г.В. Колшанского, Н.Г. Комлева, О.А. Корнилова, В.Г. Костомарова, Л.П. Крысина, И.А. Стернина, М.В. Панова, Е.Д. Поливанова, В.М. Солнцева, И.С. Улуханова и др.;

– работы лингвистов в области теоретической и прикладной лексикографии: Ю.Д. Апресяна, В.Г. Гака, А.Л. Голованевского, Ю.Н. Караулова, В.А. Козырева, З.И. Комаровой, Н.А. Купиной, Н.В. Пятаевой, Г.Н. Склярёвской, Ю.С. Сорокина, Л.В. Щербы;

– труды, посвященные изучению различных тематических групп лексики русского языка постсоветского и новейшего периода: Т.Г. Ашурковой, А.Д. Васильева, Л.М. Васильева, О.И. Воробьевой, Г.А. Заварзиной, О.В. Загорюнской, Г.А. Крюковой, З.С. Санджи-Гаряевой, М.И. Шкредовой;

– исследования, посвященные описанию механизмов семантических трансформаций: Г.Г. Виноград, М.Б. Геращенко, Е.В. Падучевой, Г. Пауля, А.А. Пихуровой, Н.В. Пятаевой, Г.М. Шипицыной;

– научные труды в области экспериментальной психосемантики и изучения обыденного языкового сознания: Е.Ю. Артемьевой, И.Т. Вепревой, А.Д. Васильева, Т.К. Веренич, А.А. Залевской, А.П. Клименко, З.И. Комаровой, О.А. Корнилова, Н.И. Кулаковой, В.Ф. Петренко, Л.И. Плотниковой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Н.В. Уфимцевой;

– работы отечественных и зарубежных специалистов в области исторической антропологии, философии и культурологии: Р. Барта, М.М. Бахтина, К. Кереньи, К. Леви-Строса, В.П. Руднева, А.Дж. Тойнби, П.А. Флоренского, Г.Г. Шпета, К.Г. Юнга.

Методологической базой для изучения деактуализированной лексики и фразеологии послужили:

- 1) принцип системности языковых явлений и единиц;
- 2) принцип взаимосвязи и взаимообусловленности языка, истории и культуры общества;
- 3) принцип историзма в сочетании с принципом синхронного описания лексической системы языка;
- 4) принцип движения «от фактов языка к социальным причинам»;
- 5) исследование семантики слова с точки зрения её восприятия носителями языка – словарноцентрический и антропоцентрический подходы к изучению лексики.

Методы и приемы исследования. Для того, чтобы исследовать состав, структуру значения советизмов и характер их отражения в сознании современных носителей русского языка, мы использовали разнообразные методы.

Из общенаучных методов: индуктивно-дедуктивный метод (для осмысления и систематизации теоретического материала, почерпнутого из научной литературы); методы наблюдения, сравнения, синтеза и анализа (при сборе исследуемого материала и его систематизации); экспериментальный метод (для определе-

ния степени знания семантики и прагматики деактуализированной лексики носителями языка); сравнительно-сопоставительный метод (при сопоставлении дефиниций деактуализированной лексики в словарях различного типа и разного времени создания с целью выявления изменений в осмыслении семантики и прагматики советизмов различными поколениями носителей русского языка).

Из частнонаучных, лингвистических методов: этимологический анализ (для выявления исходной семантики и происхождения слов); компонентный анализ в его дефиниционной разновидности (для углубленного выявления компонентного (семного) состава смысловой структуры отдельных значений слов (семем); парадигматический анализ в аспекте тематических групп; словообразовательный и морфемный анализы (для определения словообразовательной структуры и морфемного состава советизмов); контекстуальный анализ (при осмыслении семантики и прагматики употребленных в речи советизмов); дефиниционный анализ различных словарей и ответов испытуемых; описательный метод (для представления результатов исследования в виде структурированного текста диссертации).

Приемы обработки и представления языкового материала: картографирование и классификация при сборе языкового материала; количественный подсчет данных при обработке материалов эксперимента; компьютерное и графическое моделирование, прием лингвистического интерпретирования наблюдений за функционированием советизмов в речи и др.

Новизну нашего исследования видим в следующем:

- 1) в уточнении понятия деактуализации и определения его специфики как самостоятельного динамического процесса, отличного от пассивизации и деидеологизации;
- 2) в выявлении системных отношений и закономерностей развития внутри самого пласта деактуализированной лексики;
- 3) в установлении путей и способов создания советизмов;
- 4) в выделении языковых механизмов изменений в смысловой структуре ключевых для языка советской эпохи слов;

- 5) в уточнении состава деактуализированной лексики (в сравнении с данными новейших (конца XX – начала XXI веков) словарей), в частности, за счет номинаций устаревших технических средств и устройств;
- 6) в определении степени забвения и уровня знания советизмов современной молодежью.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит определенный вклад в развитие теории исторической и современной лексикологии и фразеологии. Исследование может способствовать выявлению глубинных причин устаревания лексики разных периодов и теоретическому осмыслению места данного явления среди других динамических процессов в области лексикона русского языка на фоне социокультурных перемен в жизни его носителей. Материалы диссертации также обогащают теорию и методику определения зон востребованности деактуализированной лексики и фразеологии в современной коммуникации различных возрастных и профессиональных групп населения, в том числе на периферийных зонах его функционирования, отличных от официального дискурса публичной речи, что расширяет лингвистические параметры описания национального русского языка и способствует созданию более точных концепций в области прогнозирования путей его дальнейшего развития.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов для более глубокого осмысления актуальных проблем лексикологии, фразеологии, лексикографии и семантики в процессе преподавания и изучения этих предметов в учебных заведениях. Материалы исследования могут быть востребованы и при составлении словарей и справочников, пропагандирующих нормы современного русского литературного языка, а также учебных пособий, наиболее полно отражающих состав уходящей лексики и адресованных филологам, журналистам, преподавателям предметов гуманитарного цикла, а также учащимся общеобразовательных учебных учреждений.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Деактуализация представляет собой явление, отличное от процесса пассивизации лексики активного словарного состава русского языка. Его сущность

выражается в постепенной утрате всей лексемой или одним из ее лексико-семантических вариантов актуальности в данный исторический период с сопутствующими семантическими, стилистическими и оценочными изменениями, что обусловлено рядом внеязыковых факторов и, как правило, поддержано отношениями в соответствующих ячейках этой системы.

2. В смысловой структуре многих советизмов присутствуют особые лимитирующие семы (термин О.А. Михайловой). Находясь на периферии, они фиксируют значимые черты конкретной исторической эпохи, могут отражать языковую политику государства, поскольку многие семы-ограничители идеологически мотивированы. В ходе исследования словарных дефиниций отобранных нами советизмов было установлено, что такие компоненты как «*в буржуазном обществе*», «*в капиталистических странах*», «*в эксплуататорских государствах*» имеют высокую частотность употребления в толковых словарях советской эпохи. Наличие данных сем представляет собой временную идеологическую надстройку, так как результаты проведенного нами эксперимента показали, что в обыденном языковом сознании молодых людей до 30 лет эти семы не отражены. При сопоставлении лингвистического материала современных толковых словарей с советскими изданиями было выявлено, что структурные изменения в смысловой структуре большинства советизмов начинаются с её периферии за счет утраты именно ограничительных компонентов.
3. К основным экстралингвистическим факторам, повлиявшим на семантические изменения в современном русском языке, можно отнести следующие:
  - 1) исчезновение реалий советской действительности во всех сферах жизни общества;
  - 2) отказ от советских политических и экономических реалий и понятий в пользу западной модели государственного устройства и экономической деятельности;
  - 3) переоценка ключевых идеалов, верований и ценностей в обществе, пропаганда западной модели человека как «идеального потребителя», с одной стороны, и возврат к некоторым досоветским понятиям и реалиям жизни общества (социальные отношения, государственные

институты, религия) – с другой; 4) ускорение темпов развития науки и техники, связанных с растущей потребностью общества в потреблении материальных благ.

4. Образование советизмов осуществлялось разными путями: заимствованием, словообразованием (наиболее частотна аббревиация), а также путем омонимизации имеющихся в языке слов через присоединение к смысловым (семным) структурам новообразований идеологических и оценочных компонентов (сем). На рубеже XX – XXI веков актуальные прежде в социалистическом обществе слова и фразеологизмы деидеологизируются, поскольку они перестают выполнять свои функции, однако в ментально-языковой картине мира российского народа они все еще присутствуют как отголоски прошедшей эпохи.
5. Парадигматические и синтагматические отношения внутри класса деактуализированных лексем мы рассматриваем через призму процесса политического мифотворчества. Обнаруженные закономерности в системной организации данного лексического класса позволили нам утверждать, что язык советского официоза строился на простейших бинарных оппозициях аксиологически значимых мифологем. Политические мифологемы представляют собой психосоциальный когнитивный образ, намеренно создаваемый в соответствии с мифологической системой государства и имплицитно формирующий языковую картину мира народа. Представляется важным разграничить понятия *мифологема* и *идеологема*. Под *идеологемой* мы подразумеваем *лозунг* – особую коммуникативную конструкцию, содержащую приказ или призыв, репрезентирующую идеологию и ее директивные установки.
6. Слово имеет свойство приспосабливаться к новым условиям языковой среды. В связи со сменой историко-культурной парадигмы оно адаптируется к новому типу ментально-языкового сознания. Механизмом (или способом) адаптации слова является способность конкретного носителя языка определять его значение путем поиска внутренней формы или по внешнему сходству языковых знаков. Таким образом, исследование деактуализации, с од-

ной стороны, должно включать в себя определение степени забвения языковых единиц и механизмов их устаревания, а с другой стороны, нужно исследовать показатель адаптации слова к новой для него культурно-языковой среде и новому типу мышления носителей языка.

7. Для оперативного осмысления востребованности деактуализированной лексики и её возможностей выражения дискурсивных смыслов современности необходимо продолжить составление словарей и справочников, наиболее полно отражающих состав, семантику и прагматику уходящей лексики. Это вызвано не только подвижным характером лексико-фразеологической системы русского языка, но и историко-культурными факторами, в том числе постепенным «стиранием» советизмов из генетической памяти носителей языка, что может привести к образованию *культурных лакун*. Для интеллектуального развития личности это крайне нежелательное явление, поскольку оно приводит к постепенному угасанию интереса к культуре недавнего прошлого, к появлению трудностей при восприятии художественных текстов предшествующего исторического периода жизни нашего общества. В результате этих процессов происходит резкий разрыв поколений, нарушаются законы культурной преемственности нации.

Апробация работы. Основные результаты данного исследования были представлены в докладах на конференциях различного уровня: «XVIII международной научно-практической конференции, посвященной проблемам общественных и гуманитарных наук» (г. Москва, 29 марта 2014 г.), Всероссийской конференции, посвященной 115-летию со дня рождения профессора И.А. Фигуровского «Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка» (г. Елец, 24 апреля 2014 г.), международной научно-практической конференции «Современные проблемы языкознания, литературоведения, коммуникации и лингводидактики» (г. Белгород, 12 – 14 мая 2014 г.), международной научно-практической конференции «Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства»: материалы (г. Белгород, 19 – 21 мая 2014 г.), международной научной конференции, приуроченной к юбилею Заслуженного деятеля

науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Белгородского государственного национального исследовательского университета Н.Ф. Алефиренко (г. Белгород, 11 – 12 января 2016 г.). Результаты исследования были опубликованы в зарубежном научном издании: сборник «Научные работы Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенко» (г. Каменец-Подольский, 2013 г.), а также в российских научных изданиях, входящих в перечень ВАК: «Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова», 2015 г., «Научные ведомости БелГУ», 2016 г., Международный научно-исследовательский журнал «Успехи современной науки», 2016 г.

Структура работы. Диссертация включает в себя Введение, три главы, Заключение, Библиографический список и четыре Приложения, содержащие словник деактуализированной лексики в соответствии с разработанной нами тематической классификацией уходящих слов, компонентный анализ слова *пролетарий*, выполненный по материалам Толкового словаря В.И. Даля (1880 – 1882), а также две содержащие числовые характеристики диаграммы, наглядно иллюстрирующие общие результаты проведенного нами лингвистического эксперимента.

Глава 1. ПРОЦЕСС ДЕАКТУАЛИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА И ЕГО ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

1.1. Понятие смысловой структуры слова

Термин **слово** многозначный, он обозначает и всё многозначное слово, и отдельное его значение (*семему или лексико-семантический вариант*), и словоформу слова. Для достижения большей точности нашего метаязыка, определимся с терминологией, что особенно важно в наших рассуждениях о семантике слова.

Итак, в понимании современных семасиологов **семантика слова** имеет иерархический характер и подразумевает несколько взаимосвязанных уровней деления. На первом уровне деления слово может быть представлено как сложное единство лексико-семантических вариантов – семем. Этот уровень деления отражен в практике описания значения слова в толковых словарях, и совокупность, а точнее – систему семем одного слова, мы называем *лексемой*. Система семем лексемы образует ее *семантическую структуру*.

На втором уровне деления семема, являясь единицей структурной, делится на компоненты – *семы*, которые, в свою очередь, классифицируются по различным основаниям. Определяя значение понятия **семема**, мы идем вслед за Г.М. Шипицыной и трактуем её как структурную смысловую единицу, которая «образуется взаимодействием ряда элементов языкового качества с элементами, не являющимися собственно языковыми, например, с отражающимися в значении слова связями с соответствующими понятиями, с обозначаемыми предметами, а также с рядом прагматических характеристик слова» [Шипицына 1975: 50]. *Смысловая структура* для нас – это структура значения не лексем, а семем, поскольку семема, в отличие от лексем, функционирует в речи, тексте, поэтому ее семантика реализуется в смыслах, в основном порождаемых реализованных в тексте сочетаемостью слова (как семем) с другими словами. Мы, как и многие другие исследователи, различаем понятия *семантическая структура* (она у лек-

семь) и *смысловую структуру* (она у семемы), а также *значение* слова (это словарная единица, языковая) и *смысл* слова (он создается контекстом).

Семантическую структуру слова (лексемы) мы понимаем как иерархически организованную систему, в которой все элементы связаны между собой определенными типами системных отношений, а именно, - парадигматическими и эпидигматическими (по Д.Н. Шмелеву). Однозначная лексема состоит из одной семемы, в этом случае у нее наблюдается только смысловая структура семемы. На уровне отдельного лексико-семантического варианта (семемы) его смысловая структура понимается нами как системное объединение разнообразных по функции и качеству *сем* – структурных элементов (компонентов) смысла семемы (по И.А. Стернину, З.Д. Поповой).

В смысловой структуре семемы выделяется три зоны: **ядро** – сигнификативные семы, **центр** – денотативные семы, и самая большая часть этой структуры – её **периферия** (ее семы – социокультурные, историко-культурные, этнокультурные, прагматические, в свою очередь состоящие из оценочных, эмоциональных, экспрессивных, модальных). Такой состав смысловой структуры семемы существует только как модель этой структуры (она изображена далее на рисунке 1), в реальности же далеко не все семемы имеют в наличии полный состав сем всех перечисленных типов.

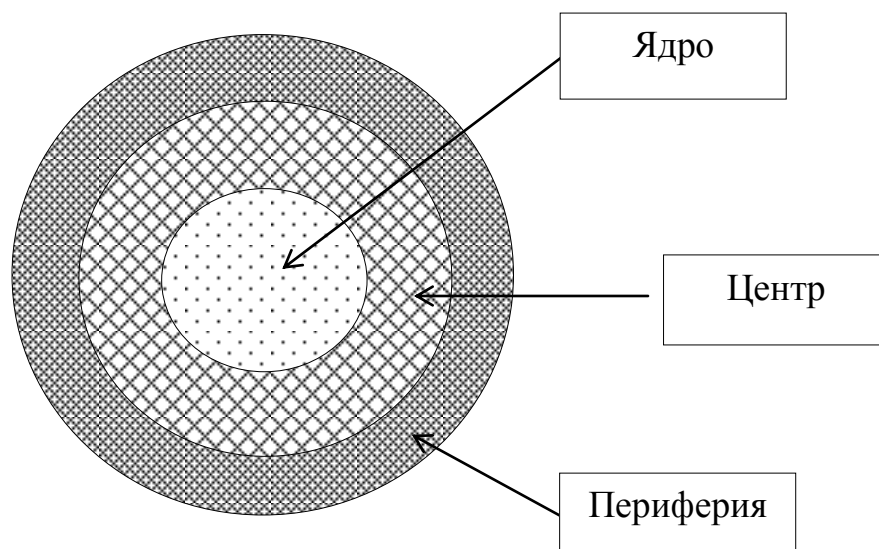
Периферийная зона смысловой структуры в нашем исследовании приобретает особую значимость: результаты исследования деактуализированной лексики показали, что ведущая роль в процессе изменения смысловых структур анализируемых семем принадлежит именно периферийным семам.

Попытки классифицировать группировки сем предпринимались многими лингвистами. Так, Д.Н. Шмелев (1973) выделял дифференциальные, интегральные и категориальные семы; по классификации Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова (1980) разграничивались личностные социальные «семантические доли»; Л.М. Васильевым, И.А. Стерниным и З.Д. Поповой выделялось гораздо больше типов сем, в частности, лексические и грамматические, эксплицитные и имплицитные, синтагматические и парадигматические, доминирующие и зависимые,

ядерные и периферийные, идентифицирующие и дифференцирующие, категорические и идеосинкретические, обязательные и факультативные и потенциальные семы.

Рисунок 1. Смысловая структура семемы

В изучении и описании смысловой структуры семемы многое сделано И.А. Стерниным. С опорой на его исследования Г.М. Шипицына в статье «Структура значения слова и отношения между образующими ее компонентами» (1993) представляет типологию сем, которая базируется на компонентном анализе и отражает их основные виды: архисемы, категориальные, грамматические, лексико-грамматические семы; интегральные и дифференциальные денотативные семы; комплексы ассоциативно-деривационных, функционально-стилистических, модальных и прагматических сем.

Признавая качественное разнообразие сем в принципе и не ставя целью выделение всех возможных типов сем в смысловой структуре семем, мы ограничимся теми видами сем, которые в наибольшей степени «задействованы» в языковых механизмах деактуализации лексики.

В соответствии с задачами, поставленными в данном исследовании, и особенностями анализируемого материала, кроме особого нашего отношения к семам

периферийной зоны смысловой структуры, обратим внимание на семы, видоизменяющие смысловую структуру семем и входящие в словарные дефиниции в виде маркеров-ограничителей семантики, сферы употребления, стилистики слова, его коннотации и т.п.

Обобщенное понимание такого рода семантических компонентов было дано О.А. Михайловой, обозначившей их термином «**лимитирующие семы**» и выделившей в «особую, лимитирующую, часть семантики слова, обращенную в реальную действительность, связанную с типовыми представлениями коллективного языкового сознания о денотате или ситуации и отражающую особенности национального мировосприятия» [Михайлова 1998: 5]. Представляется важным отметить и тот факт, что подобные ограничительные семы, являясь частью смысловой структуры слова, играют важную роль в понимании его прагматики. Используя метод сравнительного анализа семантики конкретного значения слова по данным толковых словарей разных эпох, можно детально восстановить путь его развития. Появление в семантической структуре сем-маркеров свидетельствует о времени бытования конкретной семемы, об изменении в отношении говорящих к денотату в тот или иной исторический период. Особенно интересна в данном отношении судьба группы слов, относящихся к лексике советского идеологического кода. Фиксация *идеологически мотивированных лимитирующих сем* в наиболее значимых справочных изданиях эпохи Страны Советов – академических словарях (БАС и МАС), а также в словаре С.И. Ожегова и словаре Д.Н. Ушакова – является неотъемлемой чертой советской языковой политики, направленной на корректировку уже сложившихся и прочно закрепившихся в бытовом сознании русскоговорящего населения страны отдельных значений слов. В ходе выборочного анализа семантики политических советизмов нами было установлено, что такие ограничительные компоненты, как «*в буржуазном обществе*», «*в эксплуататорских государствах*», «*в капиталистических странах*», «*с оттенком пренебрежительности*», «*презрительное*», «*неодобрительное*» и др. довольно часто встречаются в словарных дефинициях семем, представляющих особую важность для формирования благонадежного отношения к политике государства. Высокая частотность

их употребления в советском политическом дискурсе создавала идеологический шум, способствующий нежеланию простых людей интересоваться жизнью, текущей по ту сторону железного занавеса. В толковом словаре С.И. Ожегова издания 1953 г. находим следующие определения: *благотворительность* – «**В условиях буржуазного общества**: оказание частными лицами материальной помощи бедным из милости, унижительной для человеческого достоинства», *буржуазия* – «**Господствующий класс капиталистического общества**, являющийся собственником орудий и средств производства и живущий капиталистическим доходом, получая прибавочную стоимость эксплуатацией наемного труда», *дивиденд* – «**В капиталистическом обществе**: прибыль, получаемая участниками предприятия пропорционально вложенному капиталу», *индивидуализм* – «**Свойственное буржуазным воззрениям** противопоставление интересов отдельной личности интересам общества с преобладанием индивидуального, личного, своекорыстного начала над общественным (в образе мыслей и поступках)», *импрессионизм* – «**Буржуазное упадочническое** направление в искусстве, отвергающее реализм и стремящееся только передавать возникшие в личных переживаниях и настроениях впечатления в отрыве от действительности и общественной жизни», *милиция-1* – «**В СССР**: административное учреждение для охраны общественного порядка и безопасности, социалистической собственности, а также личной безопасности граждан и их имущества», *лишонец* – «**До принятия Сталинской Конституции**: человек, принадлежавший к эксплуататорским классам, политический противник советской власти, лишенный избирательных и других гражданских прав», *отщепенец* – «**(неодобр.)**. Человек, отколовшийся от какой-нибудь среды, отступник». Мы предположили, что появление политически ориентированных семограничителей является надстройкой, идеолого-оценочным коннотативным приращением и не может прочно закрепиться в генетической памяти народа. Результаты проведенного лингвистического эксперимента и данные толковых словарей начала XXI в. подтвердили нашу гипотезу, о чем подробно рассказано в главе 3 настоящей работы.

1.2. Статус деактуализированной лексики в контексте языковых изменений

1.2.1. Теоретико-методологические основы изучения процесса деактуализации лексико-семантических единиц

Современный русский язык как живой язык, выполняющий множество функций, является открытой системой, в которой все составляющие его взаимосвязанные элементы подвержены изменениям.

Интерес лингвистов к проблеме языковых изменений не ослабевает и фокусируется, в частности, на таких проблемах, как определение места и роли этих процессов в истории языка, установление судеб того или иного лексико-семантического варианта (семемы) или фразеологизма, а также устойчивого сочетания слов, тяготеющего к фразеологизму, уходящих из активного словарного запаса, выявление социокультурной детерминированности изменения в структуре значения или прагматики анализируемой единицы. И это неслучайно. Исследование различных изменений в семантике и прагматике слов и их устойчивых сочетаний было и остается наиболее актуальной задачей лингвистики. Это вызвано необходимостью изучения подвижного характера лексико-фразеологического запаса русского языка, обусловленного историко-культурными факторами, а именно, – постепенным «стиранием» из генетической памяти народа многих слов и устойчивых сочетаний, отражающих реалии отечественной истории и культуры. Данный процесс может привести к образованию культурных лакун нации. Для интеллектуального развития личности такое явление крайне нежелательно, поскольку оно приводит к постепенному угасанию интереса к национальной истории и культуре недавнего прошлого, к появлению трудностей при восприятии художественных текстов предшествующих периодов жизни нашего общества. В результате этих процессов может произойти резкий разрыв ментальности у поколений, разрушится тенденция их культурной преемственности.

Не подлежит сомнению, что слова в нашей жизни играют большую роль, называя предметы и явления, которые окружают человека с самого рождения. Если мир вокруг изменяется, изменяется и его номинативный арсенал – лексика и фразеология – одни языковые единицы уходят из употребления, другие приходят (заимствуются из иных языков или образуются с помощью средств национального языка). Таким образом, «...зависимость изменений от внешних причин в лексике проявляется в гораздо большей степени, чем в какой-либо другой области языка» [Серебренников 1970: 282]. Изменения в лексиконе конца XX – начале XXI века ученые связывают не столько с внутренними закономерностями развития самого языка, сколько с влиянием внешних социокультурных факторов. Этот период в новейшей языковой истории назван исследователями «периодом языковой нестабильности» (Ревзина, 2000; Складарская, 2002; Ашуркова, 2006).

Как справедливо отмечают исследователи изменений в языке постсоветского периода, в настоящее время из повседневной практики общения исчезла жесткая регламентация жизни членов общества со стороны административно-командной системы государства. «Мышление и политическая деятельность человека раскрепощены, существуют возможности для самостоятельной и независимой общественной и политической деятельности всех членов общества» [Стернин 2000]. Вместе с исчезновением контроля за поведением личности со стороны власти из нашей жизни уходят многие понятия, которые составляли «коммуникативное ядро» (термин И.А. Стернина) советского лексикона. Этот тезис как нельзя лучше доказывает утверждение Н.Ф. Алефиренко: преобладание «разного рода социальных факторов над внутривидовыми закономерностями развития словарного состава являются очевидным, в отличие от фонетики, морфологии и синтаксиса, где ведущая роль принадлежит внутривидовым закономерностям» [Алефиренко 2005а: 243].

В связи с исчезновением с политической арены Советского Союза и, как следствие, уходом некоторых жизненных реалий, к началу нового века произошло масштабное изменение лексики русского языка. Большинство исследователей (Т.Г. Ашуркова, М.Б. Герасченко, Е.А. Земская, Л.П. Крысин, А.А. Пихурова,

Г.Н. Складаревская и др.) выделяют следующие типы лексических процессов на рубеже веков: 1) вхождение новой лексики (включая заимствования); 2) актуализация части словарного состава языка, выразившаяся, по словам Г.Н. Складаревской, в «семантических, стилистических, сочетаемостных, оценочных и других изменениях» [Складаревская 2001]; 3) активизация лексики, «вернувшейся с периферии общественного сознания» [Там же]; 4) уход из активного употребления в пассив целых пластов лексики, номинирующих важнейшие явления советской эпохи [Чавыкина 2014: 75 – 78]. В рамках данной работы для нас наибольший интерес представляет последний процесс, по отношению к которому мы применяем термин «деактуализация», предложенный О.П. Ермаковой [Ермакова 2000]. Исследования в области уходящей лексики представляют несомненную важность, так как «со сменой государственной идеологии в российском социуме конца XX в. происходит обновление политической концептосферы, идеологические оценки советского периода пересматриваются и корректируются...» [Шипицына, Герасченко 2010: 86], из ежедневного употребления россиян исчезают слова, бывшие символами целой эпохи. В лингвистической науке широкое распространение получила точка зрения, согласно которой проникнуть в мировоззренческую систему прошлых веков можно через изучение языка конкретной эпохи. Академик В.В. Виноградов писал по этому поводу: «Формы мировоззрений также эволюционируют, и едва ли воспроизведение идеологических систем прошлого возможно без помощи лингвистического анализа» [Виноградов 1995: 6].

Было бы хорошо, если бы каждому новому поколению лингвистов удавалось зафиксировать семантику и прагматику архаизирующихся на их глазах языковых средств, в том числе и современному поколению лингвистов, ставших свидетелями серьёзной перестройки лексико-фразеологической системы языка под воздействием социально-экономических, духовных и политических преобразований в обществе. Поколение людей второй половины XX в. – начала XXI в. еще помнит семантический объем уходящих из активного словарного запаса слов и устойчивых конструкций. Сейчас еще понятно концептуальное, культурное и ментальное наполнение смыслов уходящих из активного употребления языковых

средств. Но если мы, современники этих процессов, не опишем их, наши потомки (лексикологи и фразеологи будущего) могут и не разобраться в нюансах смыслов утраченных языковых единиц. Семантика слов и устойчивых сочетаний проистекает из социокультурной среды исторических мгновений, а они ускользают, уходят и не вернутся в том же самом виде. По прошествии же некоторого времени появляется опасность перенесения понимания семантики единицы новой эпохи на старую, поскольку она может восприниматься в изоляции от прошлой культурной и семантической среды и оказаться под влиянием уже иной лексико-семантической парадигмы для слова и фразеологизма, оборота речи или нового ореола их смыслов и прагматики.

Для отечественной лингвистики весьма ценной, по нашему мнению, является мысль о том, что современные изменения в русском языке обусловлены, прежде всего, экстралингвистическими факторами – коренными преобразованиями в укладе жизни российского общества. На это в своих работах указывали О.П. Ермакова (2000), Г.А. Заварзина (1998, 2000), В.В. Колесов (1999), В.Г. Костомаров (1999), И.А. Стернин (2000).

Не подлежит сомнению, что судьба каждого слова уникальна. Идя по пути «от социальных причин к фактам языка» (социолингвистический подход), мы рассмотрим далее некоторые примеры актуализации лексических единиц, считавшихся ранее перешедшими в пассивный языковой фонд. В этом плане по-прежнему справедлива мысль академика В.В. Виноградова о том, что «далеко не всегда непрерывность истории слова состоит в последовательном переходе его от одного поколения к другому в границах того же общества. Слово может блуждать по разным диалектам. Оно может быть законсервировано в памятниках письменности и затем возобновиться в общественной практике, как бы возродиться к живому, активному употреблению» [Виноградов 1995: 23]. Прогнозирование подобных случаев представляется маловероятным, однако можно с уверенностью сказать, что лингвистическая наука должна уделять внимание подобным языковым фактам и фиксировать их, ведь состояние умов и направление мыслей народа нигде не отражается так явственно, как в его языке. По утверждению В. фон Гум-

больдта, «язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт 1984: 68].

Интересна мысль П.А. Флоренского о том, что «...слова и правила их соединения отнюдь не абстракции от деятельности нашего духа, но, напротив – реальности, стоящие перед ним, его обуславливающие» [Флоренский 1990: 159]. Философ считал, что должно изучать живой язык, функционирующий «здесь и сейчас», исходя из понимания языка как деятельности. Обращаясь к ежедневной речевой практике, мы осуществляем в данной работе попытку приблизиться к пониманию языковой картины мира народа, находящей закономерное выражение в лексиконе последних десятилетий. Данный принцип синхронности был положен в основу нашего исследования при анализе отражения знаний о лексике советского периода в обыденном сознании русскоговорящей молодежи.

1.2.2. Разные подходы к изучению уходящей лексики в современной лингвистике

В истории функционирования и развития русского литературного языка советский период был ознаменован существенными для его судеб процессами, породившими изменения в его лексико-семантической системе, осмысление которых остается важной задачей современной лингвистики. В отечественной науке существует множество работ, посвященных глобальным изменениям в лексике и их причинам. Это работы Р.А. Будагова (1971), В.В. Виноградова (1955), М.Б. Геращенко (2009), О.П. Ермаковой (2000, 2011), Е.А. Земской (2000), Л.П. Крысина (2000), Н.А. Купиной (1995), Л.И. Плотниковой (2000, 2003), С.А. Свистельниковой (2010), Н.Г. Складневской (1998, 2006), А.П. Чудинова (2005), В.К. Харченко (2016), Г.М. Шипицыной (2010 и др.) и многих других. В работах этих авторов рассмотрено множество аспектов реагирования лексико-

семантической системы языка на изменение ее функционирования в социальной среде и различных жизненных ситуациях.

Так, Г.М. Шипицына в статье «Аспекты системного анализа лексических единиц различных языков», обобщая идеи, так или иначе выраженные представителями русской классической лингвистики, пишет о том, что «семантическое развитие слова осуществляется при воздействии собственно языковых законов и тенденций, которые или непосредственно, или через цепь факторов опосредованно обусловлены эволюцией ментальных мыслительных процессов и коммуникативными потребностями носителей языка в семантических единицах определенного содержания» [Шипицына 2001: 156]. С автором невозможно не согласиться и в том, что лексика является поистине ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете народа – носителя языка.

После кризиса советской политической системы и установления в стране нового капиталистического строя (середина 80-х – начало 90-х годов XX века) в русском языке одновременно происходило столь много разнонаправленных лексико-семантических процессов, в основе имеющих внелингвистическую природу, что ученые не успевали своевременно фиксировать эти изменения. Из национальной картины мира россиян стремительно исчезали реалии действительности, а вслед за ними номинации и понятия, относящиеся к концептосфере советского образа жизни, имплицитно выражающие надежды и чаяния поколений людей, выросших в условиях тоталитаризма и «диктатуры пролетариата». Переворот в общественно-политических взглядах, непонятные широким массам населения социально-экономические условия, в которые народ оказался поставлен в «эпоху безвременья», стали катализатором перегруппировки и обновления базовых установок ментальности. Вслед за этими глобальными процессами в жизни людей из актуального словаря в пассив стали массово перемещаться бывшие ранее активными в употреблении языковые средства. С другой стороны, ярко проявил себя и противоположный процесс – появление огромного количества новых слов и значений, изучение которых составило целое направление в современной лингвистике – неологию (эти процессы представлены в работах, в частности, Л.И. Плотни-

ковой [2000, 2003]). «В тот или иной исторический период каждый из путей пополнения языка средствами номинации оказывается наиболее востребованным для выражения соответствующих духу времени семантических особенностей обозначений, а также для передачи прагматических и коннотативных нюансов отражения в словах отношения носителей языка к обозначаемым объектам» [Шипицына, Геращенко 2011: 81].

Лингвистическая наука старалась реагировать на происходящие в языке процессы, вследствие чего «революционные потрясения» [Ермакова 2000], произошедшие в языке постперестроечного периода, фиксировались учеными и нашли отражение в создании толковых словарей нового типа: «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» под редакцией Г.Н. Складневской (1998), «Толковый словарь языка совдепии» составители В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина (1998), «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» (2007) под редакцией Г.Н. Складневской, «Жизнь российского города в лексике 30 – 40-х годов XX века: Краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений» под редакцией О.П. Ермаковой (2011).

Уже начиная с 90-х годов XX века в русисте появляются исследования, отражающие объективную картину лингвистических динамических процессов. В 1994 году в Германии выходит книга А.Д. Дуличенко «Русский язык конца XX столетия», в которой много внимания уделяется смене лексических парадигм, началу масштабной *десоветизации*, снятию лексических табу, что в свою очередь привело к неконтролируемому использованию англицизмов, а также грубой, сниженной лексики в средствах массовой информации и художественной литературе. Автор был абсолютно прав, указывая на проблему отсутствия в речевой практике россиян этикетных форм обращений – проблема, которая за время бытовая новой страны так и не была однозначно решена. Об этом же пишет С.А. Кошарная, проанализировав в исторической перспективе смену номинаций обращений к мужчинам и женщинам разных возрастов в практике речевого общения русскоязычного населения страны [Кошарная 2012].

Проблемы лексической *десоветизации* (термин А.Д. Дуличенко) и *деидеологизации* (термин О.П. Ермаковой), выражающейся в утрате языковой единицей идеологического компонента смысла, нашли отражение в трудах исследователей языка постсоветской эпохи. Так, Г.М. Шипицына и М.Б. Геращенко прослеживают «меняющийся ореол коннотативного и прагматического, в том числе идеологического, содержания слова как важной добавки к сигнификативному и денотативному компонентам значения» и утверждают, что «при изменении социальной среды может изменяться и наполнение семной структуры слова, в том числе и прежде всего в семном блоке коннотативных смыслов слова как специального средства для выражения эмоций, оценок, то есть прагматики определенной эпохи» [Шипицына, Геращенко 2009: 89 – 90].

Содержательное описание советского политического языка на основе данных словарей и корпуса текстов различной идеологической ориентации представлен в монографии Н.А. Купиной [Купина 1995]. Следует обратить внимание на то, что в данной работе по отношению к советскому политическому языку Н.А. Купиной применяется термин *тоталитарный язык*, использующийся в трудах отечественных лингвистов, как и словосочетание *язык совдепии*.

В отечественной науке о языке не сложилось единого мнения о том, как точнее определить язык советского периода и каким термином его обозначить. Используются разнообразные термины: *советский квазиязык* [Земская 1996], упомянутые выше *тоталитарный язык* [Купина 1995] и *язык совдепии* [Мокиенко, Никитина 1998], *советский дискурс* [Ашуркова 2006], *советский языковой стандарт* [Пихурова 2005] и другие термины. Проанализируем самые частотные по употреблению в специальной литературе, осуществляя выбор терминологии для нашего исследования.

Язык советской эпохи. Это, во-первых, слишком длинное название, неудобное, удлиняющее текст. Во-вторых, оно лингвистически неточное, поскольку лексический и фразеологический состав, который обычно рассматривается в трудах данной тематики, в совокупности не исчерпывает более объемного понятия *язык*.

В реальном употреблении входящее в него слово *язык* не актуализируется в подлинно терминологическом смысле.

Термин *тоталитарный язык*, весьма звучный и эмоциональный, однако не особенно подходит для нашей работы, поскольку в нем заложена оценка языку Советов: *тоталитарный* означает «основанный на тоталитаризме» – то есть на «насилии, диктате, полном контроле государства за всеми сторонами жизни личности при отсутствии демократических прав, свобод и т. п.» (ТСРЯ XX). Кроме того, по сигнификативному и денотивному содержанию смысловой структуры термин *тоталитарный язык* не охватывает всего состава языковых форм и средств советского периода, поскольку в этом составе кроме номинаций политико-административных и партийных реалий было много слов и выражений, обозначающих объекты иных сфер жизнедеятельности народа – науки, техники, производства, культуры, образования и т.п.

Термины *совдеп*, *совдепия*, использованные в названии словаря В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, мы также не употребляем, поскольку они нагружены стилистическими и прагматическими коннотациями: *разг.* и *пренебр.* В этом же словаре его составители пишут: «Лексические единицы, отражавшие советские реалии, получили название советизмов ...» [Мокиенко, Никитина 1998: 5]. Полагаем, что *советизм* – более удачное наименование для нашего исследования, исходя из следующего. Современное описание языка советского периода должно быть спокойным и объективным, освобожденным от обвинительного ёрничества, поскольку оценка и самого этого периода сегодняшним общественным сознанием теряет пафос резкого осуждения и неприятия его абсолютно во всем. Как справедливо отмечает Г.Н. Складневская, «к началу XXI столетия можно говорить если не о заметной стабилизации лексической системы русского языка, то, во всяком случае, об обретении ею равновесия: сейчас мы наблюдаем уже не столь бурные и разнообразные языковые явления, какие происходили в 90-х годах минувшего века, а скорее интенсивное развитие двух разнонаправленных процессов: «онаучивание» языка, проявляющееся в освоении общим языком терминологии, и потоки иностранных заимствований, с одной стороны, и встречное

движение жаргонизации языка – с другой» [Скляревская 2006: 5]. Подтверждающие эти факты примеры высказываний самых разных людей в спонтанном общении россиян можно найти в богатейшем собрании образцов современной речи в пятитомном труде В.К. Харченко (2016). Термин *советизм* оказывается удачным еще и потому, что он соответствует по словообразовательной структуре иным обозначениям в той же терминологической парадигме (*анахронизм, архаизм, историзм, варваризм, неологизм, окказионализм* и т. п.).

В последние годы интерес к процессу масштабной архаизации лексики советской эпохи усилился. В современной русистике более или менее четко выделяются два подхода к изучению указанного явления. Лингвисты по-разному определяют принцип исследования, в одном случае реализуется подход «от общего к частному», т. е. от процесса к лексическим единицам, группирующимся по семантическому или структурному признаку, в другом – «от частного к общему», т. е. от лексических единиц советского периода к описанию связанных с ними семантических процессов.

Охарактеризуем основные подходы к осмыслению уходящей лексики русского языка конца XX – начала XXI веков.

Представители **первого подхода** рассматривают уход слов, актуальных для советского времени, в пассивный словарь в рамках более общего процесса *архаизации* лексических единиц, номинирующих понятия эпохи социализма, который представляется вполне закономерным на заре нового века. Центральным понятием для данного подхода является понятие «деактуализации», предложенное О.П. Ермаковой [Ермакова 2000]. Вслед за ученым в нашей работе мы будем использовать данный термин как наиболее отвечающий нашим представлениям об исследуемом явлении. Стоит отметить, что интересующий нас семантический процесс отличается от пассивизации лексики активного словарного состава русского языка, его сущность выражается в «постепенной утрате всей лексемой или одним из лексико-семантических вариантов слова актуальности в данный исторический период с сопутствующими семантическими, стилистическими и оценочными изменениями, что обусловлено рядом внеязыковых факторов и, как прави-

ло, поддержано системными отношениями в соответствующих ячейках этой системы» [Шипицына, Мамонова 2016: 22-23].

В данном случае динамические процессы постепенной деактуализации и в дальнейшем пассивизации распространяются на различные тематические группы слов: номинации лиц, учреждений, экономических и политических понятий и т.д. Несмотря на то, что о переходе лексики из активного словаря в пассив говорят многие русисты (О.П. Ермакова (2000); Е.А. Земская (1996); Л.П. Крысин (2000); Н.А. Купина (1995, 2009); И.А. Стернин (2000); Г.М. Шипицына (2009) и др.), исследований в данной области пока очень немного. В этом отношении большой интерес представляет диссертационная работа Т.Г. Ашурковой, в которой обстоятельно и подробно рассматривается одна из самых многочисленных деактуализированных групп слов, а именно названий лиц. На материале публицистики второй половины XX – начала XXI века исследователь составила словник деактуализированных номинаций лиц советского времени и выделила 6 тематических групп данных наименований, основываясь на их идентифицирующей функции, и выявила 3 группы в соответствии с семантическим критерием. Т.Г. Ашуркова определяет деактуализацию как «сложный динамический процесс, в котором совместно действуют внеязыковые и собственно языковые факторы» [Ашуркова 2006: 17]. В этой работе диссертантом выдвинут тезис о том, что процесс деактуализации «манифестирует изменение в языковом сознании» [Там же: 16]. С таким утверждением можно согласиться: действительно, языковые изменения являются не причиной, а следствием изменений в сознании носителей языка, которые, в свою очередь, обусловлены изменениями в общественной жизни, поэтому языковые процессы именно манифестируют, то есть представляют своими средствами изменения в сознании и ментальности народа.

Второй подход к изучению динамических процессов в лексико-семантической системе современного русского языка представлен в работах Н.А. Купиной [Купина 1995, 2009], М.В. Панова [Панов 1962; Русский язык 1968], А.П. Романенко [Романенко 2003, 2012]. Обращает на себя внимание диссертационное исследование А.А. Пихуровой «Судьба советизмов в русском языке

конца XX – начала XXI веков (на материале словарей и текстов)». Автор иначе понимает значение термина *советизм*, определяя его более широко: это «вербальный или невербальный знак любой сложности как факт советской культуры» [Пихурова 2005: 7]. Раскрывая сущность понятия *советизм*, А.А. Пихурова предлагает различать лексические, семантические и коннотативные советизмы на основе того, какая именно структурная единица архаизируется. Для **лексических советизмов** характерен уход слова целиком в связи с отсутствием номинируемого предмета и явления советской действительности (*обезличка, подкулачник, перегибщик* и т. п.). **Семантическими советизмами** признаются только отдельные лексико-семантические варианты многозначных слов, ставшие актуальными в советское время и впоследствии ушедшие из языка (*вредитель* в значении «враг народа», «тот, кто умышленно наносит вред советскому строю, подрывает его основы», *достать* в значении «раздобыть, приобрести» и т.д.) В случае **коннотативных советизмов** наблюдается уход лишь идеолого-прагматических сем из семной структуры лексико-семантического варианта (например, *авангард* в значении «авангард рабочего класса, лучшая, передовая его часть, ведущая за собой народные массы»). Однако в работе А.А. Пихуровой не уделяется внимания процессу деактуализации и деидеологизации, так как, по мысли автора, в судьбе советизмов выделяется только два семантических процесса – архаизация и нейтрализация.

Итак, согласно и первому, и второму подходам в описании новейших динамических лексико-семантических процессов в русском языке рубежа веков не подлежит сомнению факт ухода обширных пластов лексики, номинирующей реалии советской эпохи, из активного словарного состава в «лексическую кладовую», хранилище устаревших слов. Оба подхода к изучению этого важнейшего, на наш взгляд, явления представляются важными для его всестороннего охвата и фиксации.

Бурные процессы в русском языке и русской жизни в конце XX столетия не остались незамеченными и зарубежными исследователями.

Проблему советского политического дискурса разрабатывает Петр Червиньски (Польша). В многочисленных работах по данной тематике ученый особое место уделяет рассуждениям о ритуальности языка советского *официоза* (термин употребляется Петром Червиньски) как одному из важнейших свойств бытования данного феномена, тесной связи его с патетикой и пафосом революции, эксплицирующим его модулятивную семантику. Вместе с тем, понятие *тоталитарный язык*, уже закрепившееся в русистике, не вполне соответствует, по мнению ученого, природе изучаемого явления и «носит скорее коннотативный характер» [Червиньски 2012: 65]. Примечательны размышления исследователя о том, что советский политический дискурс представляет собой своего рода «язык в языке», «кодую ментально-языковую систему, со своими ограничениями, выборами, семантическими сужениями, расширениями и пр., внутри системы систем – национального русского языка» [Там же: 66].

Джон А. Данн (Великобритания) в статье «Трансформация русского языка из языка советского типа в язык западного образца» выделяет два ведущих направления, по которым происходят семантические изменения в лексиконе того времени: это процесс стремительной и обширной *вестернизации* (к нему Джон А. Данн относит в том числе реактивизированную лексику по причине того, что подавляющее большинство слов, относящихся к этой категории, являются дореволюционными заимствованиями из английского языка, например *парламент*, *спикер*, *либерализм* и т. п.) и параллельный процесс *десоветизации*, заключающийся в устранении «таких языковых черт, которые появились под влиянием советской системы или были так или иначе с ней связаны» [Данн 2008: 49], а именно свойственной советскому образу жизни и в целом политической ситуации той эпохи «языковой изолированности» [Там же: 57]. Интересна мысль ученого и о том, что «одновременно с так называемым «обычным, нормальным» языком существует специальный «политический» язык» [Там же: 50]. Рассуждая о судьбе советского политического языка, Джон А. Данн акцентирует внимание на его «живучести», появлении советизмов в современной речевой практике россиян, но также отмечая присутствие «определенной доли иронии» [Там же: 51] в подобных

словоупотреблениях: *Чего вы базарите? Только коммунисты избавят нас от этого бардака, – вмешался мужчина в кепке, чем-то напоминавший вождя мирового пролетариата* (Л. Винникова. Про Думу гадаю..., Аргументы и факты, № 49, 1993 г.).

Данное утверждение ученого во многом созвучно выводам российских лингвистов. Например, С.А. Свистельникова пишет: «в исследуемой газете «Слово коммуниста» элементы советского бюрократического языка употребляются в обычных стилеобразующей и текстообразующей функциях и без всякой иронии. Так реактивизируется актуальная для советского периода лексика, ранее архаизировавшаяся и перешедшая в пассивный запас словарного состава» [Свистельникова 2010: 97]. Стоит отметить, что в публицистике и художественной литературе последних лет встречаются разнообразные случаи употребления советизмов как с измененной коннотативно-прагматической функцией (иронизация, высмеивание, стеб), так и без изменений, в подлинно «советском» значении. Наряду с речью политиков и государственных служащих (не только идеологов КПРФ), изобилующей советизмами и официально-деловыми клише, которые не менялись на протяжении десятилетий, наблюдается «пародирование, выщучивание, травестирование официальной фразеологии, лозунгов, призывов, всем известных цитат, названий марксистско-ленинских статей и книг» [Земская 1996: 24]. Этот факт, как нам представляется, играет важную роль для пояснения сущности самого процесса деактуализации, который существенно отличается как от пассивизации, так и от архаизации, одновременно с этим являясь их частью.

1.2.3. Место и роль лексико-семантической деактуализации в ряду динамических процессов современного русского литературного языка

Общеизвестно, что конец XX – начало XXI вв. является переходным периодом отечественной истории, эпохой «перестройки». Произошел крах тоталитар-

ной системы, «вдруг некому и нечему стало противостоять, ибо партийная риторика стала частным делом отставных специалистов по «научному коммунизму» [А. Агеев. Цит. по: Земская 2000: 23].

Огромный пласт общественно-политической лексики сегодня подвергается деактуализации, уходя вместе с той действительностью, частью которой он был. «Лексика первой реагирует на социально-исторические преобразования, отражая их, называя и объясняя словами, поэтому в разных политически ориентированных контекстах... одни и те же слова часто меняют свою стилистическую окраску...» [Крюкова 2005: 45]. Интерес лингвистов к проблеме языковых изменений не ослабевает и фокусируется, в частности, на определении места и роли этих процессов в истории языка, определении того или иного лексико-семантического варианта как «уходящего» и выявлении социокультурной детерминированности изменения статуса конкретного значения (в частности, см. Шипицына Г.М., 2010; Шипицына Г.М., Геращенко М.Б., 2012). Именно поэтому сегодня перед научным сообществом стоит задача комплексного лингвистического описания процесса деактуализации лексики в конце XX – начале XXI вв., представленного в современных лексикографических источниках, с учетом особенностей ее употребления в советский и постсоветский периоды.

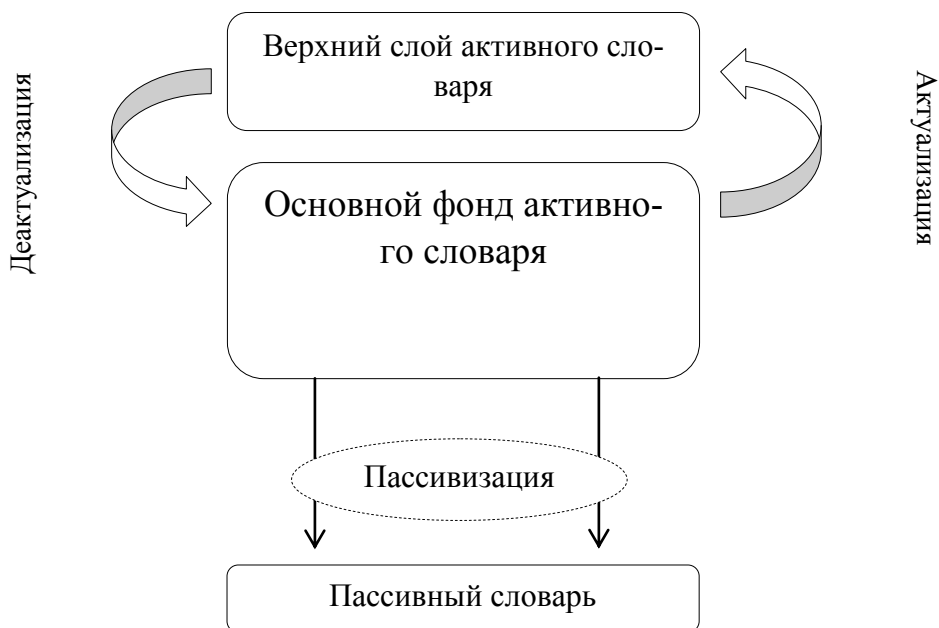
Употребляя термин **деактуализация**, мы подразумеваем утрату словом или одним из его лексико-семантических вариантов актуального содержания по ряду причин. В первую очередь процессу деактуализации подвергаются отдельные значения многозначных слов, отражающие чисто советские реалии, например словосочетание *коммунистическая партия* в современном русском языке утратило компонент «коммунистическая», который в те годы не всегда назывался в речи, но всегда подразумевался, например: *вступить в партию, член партии, партия наш рулевой* и т. д. Стоит также упомянуть и о таких словах, как *выездной / невыездной, проходной / непроходной* и др., принадлежащих к неофициальному, разговорному языку советской эпохи. В данном случае уходит не одно значение, а все слово целиком по причине исчезновения из действительности понятия, то есть

здесь мы наблюдаем утрату сигнификативного содержания в смысловой структуре этих слов.

В основе семантического процесса деактуализации лексики советского периода, происходящего в современном русском языке на рубеже XX и XXI вв. лежит постепенный переход некоторых лексических пластов из активного словарного запаса в пассивный, а также исход отдельных значений слов, бывших в активном употреблении в советский период. Хронологически время деактуализации тех или иных слов и даже отдельных лексико-семантических групп (ЛСГ) не во всех случаях можно установить абсолютно точно, хотя и такая возможность для некоторых слов может существовать.

Но правомерно ли утверждать, что процесс деактуализации связан с переходом слова или отдельной его семемы в пассивный словарный запас? Чтобы ответить на этот вопрос, разберемся сначала с исходными терминами нашего мета-языка. Прежде всего нам необходимо определиться с основными понятиями, составившими объект нашего исследования – **деактуализация** и **пассивизация**. Конечно, эти слова лингвисты употребляют и как синонимы, и отождествляют их, но, по нашему мнению, эти понятия должны быть разграничены: *деактуализация* нами признается частью более масштабного процесса – *пассивизации*, его начальной ступенью. Такой подход позволяет исследователю учесть тот немаловажный факт, что лексика, составлявшая верхний слой активного словаря и функционировавшая в рамках советского дискурса («слова особой и широкой семантической значимости» [Будагов 1971: 242]), несмотря на мощнейший процесс деактуализации все еще остается в основном словарном фонде современного русского языка, хотя и не является общеупотребительной. Это положение отражено на рисунке 2. Необходимо отметить, что под **деактуализированной лексикой** мы понимаем те коммуникативно и культурно значимые единицы верхнего слоя активного словаря, которые в определенный исторический момент (конец XX – начало XXI вв.) преимущественно под влиянием экстралингвистических факторов, остаются в основном фонде активного словаря (с последующим возможным переходом в пассивный словарный фонд), несколько видоизменив свою семантику.

Рисунок 2. Деактуализация и пассивизация в ряду лексических процессов современного русского языка

На данном этапе исторического развития лексика советского периода не может окончательно пассивизироваться по причине того, что она еще жива в сознании людей, языковая картина мира которых сформировалась в СССР. В этом отношении справедливо суждение О.П. Ермаковой, писавшей: «...антикоммунистическая идеология в настоящее время, обретя официальный статус и, соответственно, возможность выражения в печати, имеет противостояние. И опять наблюдается существование двух «языков». Поэтому в прессе антидемократического направления многие слова из сферы политики и идеологии могут сохранять свое прежнее советское звучание...» [Ермакова 2000: 33]. Этот факт подтверждает также диссертационное исследование С.А. Свистельниковой (2010).

Процесс деактуализации в некоторых случаях следует отличать от сходного по сути процесса – **деидеологизации**. Мы присоединяемся к мнению О.П. Ермаковой, которая выделяет деидеологизацию в качестве самостоятельного лексического процесса и определяет его как освобождение «значений некоторых слов от идеологических смысловых приращений» [Ермакова 2000: 36]. Отметим, что процесс деидеологизации может протекать в двух направлениях: во-первых, это снятие резко пейоративной окраски некоторых слов и устойчивых сочетаний, кото-

рая была продиктована коммунистической идеологией (к примеру, *благотворительность, индивидуализм, интеллигенция, коммерсант, меценат, собственник* и т. д.); во-вторых, это появление неодобрительной, ироничной эмоциональной окраски у слов и устойчивых сочетаний, ранее имевших сильную идеологическую коннотацию: *большевистский, доблестный* («доблестные работники прилавка»), *заветы Ильича, завоевания Октября, коммунистическое завтра, ленинец, народный избранник, пламенный патриот, светлое будущее, слуга народа, товарищ* (как основное обращение к собеседнику) и т. д. В сущности, оба процесса можно назвать **вторичной идеологизацией**, так как советский идеологический компонент здесь заменяется современной, антисоветской коннотацией с элементами иронии. Причины этого кроются в глубоких изменениях социально-политической жизни россиян, произошедших в конце XX века, и повлекших за собой перестройку общественного сознания.

Интересно, что язык как самодостаточная и саморазвивающаяся система в девяностые годы двадцатого века отказался от «насажденных сверху» идеологических надстроек в пользу актуализации дореволюционных значений (подробнее см. Шипицына Г.М., Чавыкина Ю.О., 2015). Это положение рассмотрим на примере слов и возможных фразеологизмов родственного гнезда слов с вершиной *интеллигент* (*интеллигентный, интеллигенция* и др.), опираясь на данные различных словарей соответствующего фактам времени.

Слова эти для русского языка относительно молодые. В русском языке они стали употребляться только с последней трети XIX века. В словарях слово *интеллигент* отмечается с 1904 года, а *интеллигентский* только с 1935 года. Образовано слово *интеллигент* на базе латинского *intelligens* со значением «узнающий, воспринимающий, понимающий, знающий, рассудительный, разбирающийся» (СФ). Слово *интеллигенция* в русском языке приобрело собирательное значение «люди умственного труда, обладающие образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры» (СФ). *Интеллигентность* – «умственная развитость, подготовленность к пониманию теоретических вопросов, к усвоению научных знаний и культурных навыков, культурность» (СИС). Анало-

гичная дефиниция есть и в МАС в качестве толкования основного значения этих слов.

В результате победы пролетариата в октябре 1917 года на поверхности общественной жизни утверждается класс рабочих и крестьян, в основном малообразованная и неграмотная часть населения страны, не готовая «к пониманию теоретических вопросов, к усвоению научных знаний» (МАС), но вдохновленная большевистскими идеями и лозунгами, принимающая их на веру безоговорочно и весьма агрессивно к тем, кто пытался их осмыслить. По отношению к тем, кто пытался осмыслить происходящее (а это именно образованные, думающие люди, интеллигенты), появляется негативное отношение, закрепленное ироничным словом *интеллигентщина* для обозначения «старой, буржуазной интеллигенции, а также особенностей её мировосприятия» (МАС). Слово это стало выразителем негативных идейных оценок эпохи, поскольку даже сам В.И. Ленин его употреблял в этой функции (а может быть, он и положил начало этому употреблению?!): *Изгоевы и Милюковы рассуждают: трудовики и рабочие депутаты в наших, к примеру скажем, Государственных думах, это меньшинство, ... сбитое с толку «интеллигентщиной»* (В.И. Ленин. Заметки). И В.И. Ленин же употребил (а может, и создал?!), еще одно интересное производное слово – *интеллигентик*: *Большинство народа начнет производить ... контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами, сохранившими капиталистические замашки* (В.И. Ленин. Государство и революция, 1918 г.). *Интеллигентик* – слово усиленной коннотации осуждения, презрения, в котором суффиксом *-ик* выражает коннотацию ничтожности, мелкости, презренной слабости (сравн.: *офицерик, солдатик, студентик*).

Все слова этого родственного гнезда получили эмоционально-экспрессивную окраску не просто неодобрения, а осуждения, насмешливого разоблачения тех, кто пытается осмыслить происходящее или задумывается о выборе своих поступков, оглядываясь на законность, мораль, этику и прочие категории толерантного общества. В начале тридцатых годов прошлого века новая коннотация у этих слов окончательно закрепилась и свободно используется в письменной

речи. Примеры: *Мы произвели обыски и реквизируем у шкурников все товары... Товарищ Игнатьева предупреждает, чтобы мы не перегнули палку. Это, я скажу, у нее **интеллигентская мягкотелость***. (Н. Островский. Как закалялась сталь, 1932 – 1934 гг.). [*Спивак*] *скучно сказала: «Кажется, вы занимаетесь **интеллигентской возней с самим собою?**»* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина, 1927 – 1936 гг.). Интеллигентскую возню с самим собой надо вытравить из души и, не задумываясь, решительно действовать по указке партии (впрочем, эта «интеллигентская возня с самим собой» продолжала многие годы мучить добропорядочных людей в ситуации так называемых острых вопросов: *Та старая интеллигентщина, порождавшая то колебания, то слабость при решении острых вопросов, иногда проявлялась ещё в нем самом, и он больше всего не любил это в себе* (В.Г. Лидин. Две жизни, 1950 г.). В результате частотного употребления новых смыслов у слов анализируемого гнезда в советском разговорном коде формируется вполне официальное вторичное значение с презрительной коннотацией, которое даже фиксируется в авторитетных толковых словарях 30-х годов XX века: *интеллигент* – «человек умственного труда, социальное поведение которого характеризуется нерешительностью, безволием, колебаниями, сомнениями» (ТСУ).

Семантическое гнездо со значением «интеллигентность» продолжает обогащаться и после первых послереволюционных десятилетий. Оценка неодобрения, неприятия интеллигентности (в основном, исконном значении этого слова – как стремления к осознанию происходящего, следованию нравственным принципам, идеалам высокой культуры и пр.) становится социально значимой настолько, что языку (в обязанность которого входит обеспечение коммуникативных потребностей его носителей) понадобился и специальный фразеологизм *гнилая интеллигенция*. В этом словосочетании основная прагматика осуждения, агрессивного неприятия интеллигентности заключена в слове *гнилая*, употребленном в значении № 3 (по МАС): *гнилой-3 (перен.)* – «Порочный в каком-либо отношении». Это значение имеет и отдельное употребление со смыслом «общественно вредный, нездоровый, упадочнический» (МАС-2). *Сенин почувствовал себя мальчишкой, идеалистом, **гнилым интеллигентом*** (В. Попов. Обретешь в бою, 1969

г.). Данный фразеологизм сформировался на базе этого фразеологически связанного лексического значения слова *гнилой*, в компонентном составе которого денотативно активными оказываются семы «устаревший», «не соответствующий настоящему времени», «вредный», «не пригодный к использованию», «опасный».

Значение слова *интеллигент* «человек умственного труда, социальное поведение которого характеризуется нерешительностью, безволием, колебаниями, сомнениями» (ТСУ) в русском языке XXI века деактуализировалось, его идеологический ореол утратился. Бывшее основное значение слово укрепило свои позиции, но при этом его семантическое содержание претерпело значительные изменения, что подтверждается данными толковых словарей последнего десятилетия: *интеллигент* – «человек, отличающийся стремлением к знаниям, культурой поведения и твердыми нравственными принципами (независимо от уровня образования, рода занятий и социального положения); человек, профессионально занимающийся интеллектуальным трудом» (ТСРЯ XXI). Современники так и воспринимают значение этого слова: *Гаспаров возражает прозвучавшему в научной публицистике мнению о некой «элитарности» интеллигенции, подчеркивая, что **интеллигент** в первую очередь есть человек, несущий в себе больше хороших качеств, чем только воспитанный, и несет их глубже, чем только образованный* (М. Кузин. Красные пути. Об альманахе «Красные холмы» // Октябрь, 2001 г.).

Сравним с дефиницией этого слова в МАС: *интеллигент* – человек, принадлежащий к социальной группе, «состоящей из людей, обладающих образованием и специальными знаниями в области науки, техники, культуры и профессионально занимающихся умственным трудом». Содержание дефиниций этих словарей различно. Деактуализировалась сема «умственный труд», её заменила семантический конструкт «интеллектуальный труд», основной объем которой занимает сема «творчество, новаторство в любой деятельности». Утрачена сема «принадлежность к социальной группе» в связи с утратой характерного для советского времени особого интереса к сословному происхождению человека, поскольку выходцы из рабочих и крестьян могли пользоваться полным социальным доверием как люди физического труда, а выходцы из других сословий (люди умственного тру-

да, священнослужители и т.п.) вполне полноценными (с политической точки зрения) могли и не быть (не случайно до 1936 года большую группу населения составляли так называемые *лишенцы* – люди непролетарского происхождения, лишенные гражданских прав). Отношение к ним выражено типичным для того времени примером: *Интеллигенты всегда безответственные ослы в партии: они постоянно чувствуют себя пришибленными и виноватыми* (Ф. Гладков. Цемент, 1925 г.).

Деактуализировалось слово *интеллигенщина*. Так, в «Национальном корпусе русского языка» (НКРЯ) оно не зафиксировано. В значении «о старой, буржуазной интеллигенции», а также особенностей её мировосприятия» (МАС) это слово архаизировалось, его можно считать историзмом.

А вот слово *интеллигентик* продолжает жить, но также с изменившимся значением. Если для В.И. Ленина это *господа интеллигентики, сохранившие капиталистические замашки*, то для современных носителей русского языка *интеллигентики* – это физически слабые, изнеженные люди, не подготовленные к трудностям жизни. Например: *Ну что с этого Альфреда взять – романист-идеалист, французский мыслитель середины прошлого века, попади он, этот интеллигентик в современную армию – швабры из рук не выпускал бы, мыл бы полы в казарме и обдумывал свое неуместное поведение, мысли свои несвоевременные* (В. Астафьев. Затеси // Новый мир. 1999 г.). Или: *Профессор твой ничего, девка на переправе с узкими глазками тоже ничего, а генерал – совсем не в дугу, интеллигентик он у тебя, таких не было* (Ю. Бондарев. Берег, 1975 г.).

Фразеологизм *гнилой интеллигент* также оказался живучим и продолжает употребляться в значении «в чем-то ущербный по сравнению с волевыми, сильными личностями, не боящимися трудностей». Идеологические семы, составлявшие в прошлом ядерную и центральную зоны смысловой структуры фразеологизма утратились, а их место заняли бывшие периферийные семы этой структуры со значениями, характеризующими в основном физические данные человека. Характерный пример из НКРЯ: *В армии меня избегали повышать в должности, так как я подавал команды, как гнилой интеллигент* (так оценил мое командование

командир полка), хотя в других отношениях я был образцовым солдатом и офицером. (А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца, 1988 – 1998 гг.). Живучести этого фразеологизма способствовала его повышенная экспрессия – качество, характерное для всех фразеологизмов, компоненты которых объединяются на основе семантико-стилистического парадокса, при котором основные лексические значения объединяющихся слов не соответствуют принципу лексико-семантической сочетаемости.

Процессы изменений в лексико-семантической системе языка происходят в результате перестройки и самой этой системы, но эта перестройка – результат изменений в сознании носителей языка, вызванных обновлением коммуникативных практик под воздействием социально-культурных преобразований в обществе. Действительно, лексический материал подтверждает этот тезис. Например, перестала быть актуальной еще в эпоху так называемого развитого социализма в СССР лексическая оппозиция *большевик – меньшевик – эсер – анархист*, поскольку три ее последних компонента сохранились лишь в партийных документах и литературе по истории КПСС. Общественное бытовое сознание исключало озабоченность судьбой номинируемых социогрупп, уничтоженных в первые десятилетия советской власти. Слово же *большевик* после распада СССР поменяло свою прагматику в сторону негативно оценочной. Так, например, в прессе 90-х годов можно встретить ироничные высказывания о «большевистской прямоте»: *Бывший зам. зав. отделом ЦК КПСС с большевистской прямотой сокрушает заразу инакомыслия...* (Огонек, № 27, 1991 г.). Таким образом, можно сделать вывод о том, что социальные события вызывают перестройку общественного сознания, изменение идеологических ориентиров и ценностей, следствием чего и являются преобразования в лексико-семантической системе языка.

Итак, определив место и роль деактуализированной лексики в системе современного русского языка, а также выявив его отличия от других лексических процессов, в частности, пассивизации и деидеологизации, перейдем к анализу источников и причин интересующего нас семантического процесса.

1.3. Источники и причины деактуализации лексико-семантических единиц

Языковая реальность последнего десятилетия свидетельствует о том, что процесс деактуализации советизмов и в настоящее время не является завершённым. Ученые-лингвисты фиксируют «зыбкость» этого пласта лексики и частые вхождения в современный российский политический лексикон советских патетических идеологем [Купина 2009], особенно в предвыборный период. Это подтверждается, например, в частотном употреблении семемы *партия-1* в значении «Политическая организация, выражающая интересы какого-либо класса или слоя населения, объединяющая наиболее активных его представителей и руководящая им в достижении определенных целей» (ТСРЯ XX), при этом к структуре семемы *партия-1* присоединяются некоторые коннотативные семы, ранее принадлежавшие семеме *партия-2*, актуальные для советского времени: «В советск. время: Коммунистическая Партия Советского Союза (монополизировавшая государственную власть, идеологическую и политическую жизнь страны)» (ТСРЯ XX). Таким образом актуализируется советская идеологическая эстетика, партия мыслится уже не просто как политическая организация, а высшая инстанция, указывающая единственно верный и правильный курс развития страны, на что указывают следующие примеры из НКРЯ:

И старое, и новое поколение в партии исповедуют одни и те же ценности (Андрей Андреев. Будущее принадлежит нам! (2003) // «Завтра», 2003.08.22);

Партии надо смелее делать ставку на новое поколение, в будущем это принесёт свои результаты (Андрей Андреев. Будущее принадлежит нам! (2003) // «Завтра», 2003.08.22);

Мы хотели как можно быстрее создать активно действующий исполнительный комитет партии, без которого серьёзное партстроительство невозможно (Александр Градов. «Медведи» залили партийный фундамент (2003) // «Аргументы и факты», 2003.01.22).

Сравним данные примеры с примерами употребления семемы *партия-2*, приведенными в Толковом словаре под редакцией Г.Н. Складневской (1998):

Опираясь на теорию научного коммунизма, .. партия в своих программных документах определяет политический курс на целый исторический период (Обществоведение, 1975);

Партия способствует идейно-политически и организационно упрочению единства всех поколений советских людей, преемственности материальных и духовных ценностей, идей, знаний, социального опыта и традиций (Молодой коммунист, № 1, 1977 г.).

Анализ показал, что в приведенных выше современных контекстах слово *партия* вновь приобретает идеолого-прагматические коннотативные семы, свойственные советскому аксиологическому коду, активно ретранслируемому на российской политической арене. Эту мысль подтверждает и использование устойчивых коммуникативных клише, свойственных языку советского официоза: *делать ставку на новое поколение, активно действующий исполнительный комитет партии, серьёзное партстроительство.*

Интересна также судьба лексемы *съезд*, широко употребляющейся в медийном дискурсе последних лет в устойчивых словосочетаниях типа *съезд партии (о партии «Единая Россия»)*.

При советской власти регулярные съезды КПСС были непременным атрибутом политической жизни. Для проведения партийных съездов на месте снесенной исторической застройки было воздвигнуто отдельное здание в Кремле – Дворец Съездов. Нет никаких сомнений, что данное слово занимало важную нишу в идеологической системе СССР. В словарях, отражающих языковую ситуацию того времени, приводятся следующие дефиниции: *съезд-2* – «Собрание представителей каких-либо организаций, категорий населения, деятелей в какой-либо области и т.п., обсуждающее и решающее общественно-политические, научные или другие вопросы. Такое собрание как верховный орган какой-либо организации, общества, партии и т.п.» (БАС); «Собрание представителей большой общественной организации. *Верховным органом ВКП(б) является съезд ВКП(б). Съезд Советов. Съезд Профсоюзов*» (ТСУ).

В языке официальной советской пропаганды широкое распространение получили устойчивые идеологически маркированные словосочетания *съезд партии* (подразумевается Коммунистической Партии Советского Союза), *съезд строителей коммунизма*, *съезд победителей* и др. В.М. Мокиенко в «Толковом словаре языка совдепии» приводит следующие случаи их употребления: *И руку над партийным съездом Ильич напутственно простер* (Б. Рахманин. Юность, №11, 1961 г.); *Съезд призовет партию, народ, а народ горы свернет* (Материалы XXII съезда КПСС, 154); *Прямая речь ее простерта в земную даль и синь небес. Откроется двадцать четвертый весенний съезд КПСС* (С. Васильев. Огонек, №13, 1971 г.); *Наш съезд войдет в историю как съезд строителей коммунизма* (Материалы XXII съезда КПСС, 121). После развала Советского Союза слово *съезд* породило множество языковых каламбуров, что, несомненно, является свидетельством деидеологизации его семантики, а также стало источником новообразований с ярковыраженной отрицательной коннотацией, например, участников съезда в народе стали именовать шуточным эвфемизмом *съездюки*: *Съездюки! Перестаньте трахать конституцию!* (из плакатов на митинге) [см. Толковый словарь языка совдепии, 1998].

В современной России к семеме *съезд-2* возвращается утраченная часть идеолого-прагматических сем, о чем свидетельствуют некоторые случаи ее употребления в публицистических текстах новостных изданий. Рассмотрим некоторые примеры подобных словоупотреблений: *Партия «Единая Россия» готовится к своему IX съезду. Повестка дня уже известна – главной темой для обсуждения партийцев станет реализация стратегии развития России до 2020 года. Единороссам предстоит решить, какие конкретные законы и проекты необходимо принять, чтобы выполнить поставленные Владимиром Путиным задачи. Съезд обещают провести в новом формате – с масштабным привлечением к обсуждению именитых экспертов* (Ю. Малышева. «Дорожная карта» для «плана Путина» // Деловая газета «Взгляд», 17.03.2008); примеры из Национального корпуса: *В эту субботу, спустя год с лишним, второй съезд партии пройдет в скромной гостинице «Космос», а не на кремлёвских территориях, и президент на трибуне*

не появится (Второй съезд (2003) // «Еженедельный журнал», 2003.03.24); *В кулуарах местные «медведи» мечтательно рассказывали обозревателю «НГ», что, по слухам, на съезд партии 20 сентября все-таки придет Владимир Путин – вот тогда, мол, ситуация изменится сама собой* (Светлана Офитова (2003) // «Независимая газета», 2003.03.12); *Высший свет Партии «Единая Россия» рекомендовал Генеральному совету собрать съезд Партии, посвященный во многом программе и идеологии Партии* (Обращение Б.В. Грызлова к ЦКС организации «Молодежное единство», 2002 г.).

Из сказанного выше можно сделать вывод, что «в центре агитационного общероссийского пространства оказался советский идеологический лексикон» [Купина 2009: 191]. Это подтверждается не только деятелями науки, но и культуры. Так, руководитель театра «Сатирикон» К.А. Райкин, выступая с речью по случаю 105-летия со дня рождения Аркадия Райкина, подчеркивал эту мысль, описывая непростые отношения искусства и власти: «И что сейчас происходит? Я сейчас вижу, как на это явно чешутся руки кого-то – это изменить и вернуть обратно. Причем вернуть обратно не просто во времена застоя, а еще в более давние времена – в сталинские времена. Потому что с нами разговаривают наши начальники непосредственные таким лексиконом сталинским, такими сталинскими установками, что просто ушам своим не веришь! Это говорят представители власти, мои непосредственные начальники, господин [первый заместитель министра культуры Владимир] Аристархов так разговаривает. Хотя его вообще надо переводить с аристарховского на русский, потому что он говорит языком, которым просто стыдно говорить, что от имени министерства культуры так человек разговаривает» (К.А. Райкин. Полная расшифровка речи на седьмом съезде Союза театральных деятелей России 24.10.2016 г.).

Как мы можем наблюдать, общественно-политические процессы в России вновь вызвали к жизни уже успевшие перейти в лексические запасники советские идеологемы. Корни данного динамического процесса в современном русском языке, несомненно, лежат в области истории данных слов, появления их в лексиконе на фоне революционной бури начала XX века, вхождения в речевой обиход в

20 – 30-е годы и активное использование вплоть до конца прошлого столетия. Иными словами, лексико-семантические процессы, происходящие сегодня, есть закономерный результат тех исторических событий, изменивших российскую действительность и повернувших русло развития страны в кардинально ином направлении.

Рассмотрим теперь интересующий нас процесс с точки зрения диахронии.

Весьма ценные для лингвистической науки наблюдения о языке первой половины XX века были сделаны Е.Д. Поливановым, который писал о «внедрении в массовое мышление новых понятий во время революции» [Поливанов 1968: 192]. Внедрение это, по утверждению ученого, может происходить тремя путями: 1) с помощью изменения значения уже бытующего в языке слова, то есть продуцирования новой семемы внутри многозначного слова; 2) путем калькирования иностранных слов, причем «слово берется из того самого языка, который был проводником и для самого данного понятия» [Там же]; 3) путем создания новообразований, словотворчества.

Перейдем к более подробному рассмотрению этих процессов.

Массовый характер в начале прошлого века приобретает появление у старых слов новых значений. Основные идеологические понятия официальной советской пропаганды образовывались, с учетом принципа экономии в языке, по этой модели, к примеру, идеологемы, составляющие ядро советского аксиологического кода и относящиеся к концепту «борьба»: *борьба за коммунизм, за интересы пролетариата, за светлое будущее; борьба с контрреволюцией, с буржуазными идеями, с тлетворным влиянием Запада, с вражескими шпионами, с вредителями советского строя, с врагами народа* и т.д. Интересно, что данные устойчивые сочетания заключают в себе не только идеолого-прагматические и эмоционально-оценочные семы, но и участвуют в создании своеобразного советского *мифотворчества*, одновременно являясь *мифологемами*, ключевыми словами эпохи, содержащими насаждаемую сверху идеологическую надстройку, ставшую впоследствии «обузой» для сознания русскоговорящих людей, для языковой картины мира целого народа. К этой же группе мы относим некоторые наименования

организаций и лиц, таких, как *партия, совет, секретарь, пролетарий, вредитель, интеллигент* и др.

Обратимся к семантической истории слова *секретарь*, используемого для наименования руководящей правительственной или партийной должности в СССР (*генеральный секретарь, секретарь ЦК КПСС, партийный секретарь, секретарь обкома, комсомольской ячейки*).

В Толковом словаре Д.Н. Ушакова (1934 – 1940) приводится следующее толкование этого слова: «**1.** Лицо, ведущее деловую переписку отдельного лица или какого-н. учреждения, а также ведающее делопроизводством. *Секретарь суда. Личный секретарь. Хоть умного себе возьми секретаря.* Пушкин. *Сам я областью не правил, а все дела секретарю оставил.* Крылов. **2.** Лицо, ведущее протокол собрания. *Выбрать секретаря.* **3.** Ответственный руководитель текущей работы учреждения или организации. *Секретарь ЦК коммунистической партии. Ученый секретарь института» (ТСУ).*

Похожее толкование дается в Толковом словаре С.И. Ожегова (1953): «**1.** Работник, ведущий деловую переписку отдельного лица или учреждения. *Секретарь народного суда. Личный секретарь.* **2.** Лицо, ведущее протокол собрания. **3.** Выборный руководитель организации. *Секретарь райкома.* **4.** Ответственный руководитель текущей работы учреждения или какого-нибудь органа. *Ученый секретарь института» (ОЖ).*

Как видно при сравнении двух приведенных нами словарных статей, в более позднем по времени издания словаре С.И. Ожегова фиксируется семема *секретарь-3* в значении «выборный руководитель организации», появление которой связано, вероятно, с разрастанием и усложнением советского бюрократического аппарата. Позже данная семема «обрастает» идеологически нагруженными семемами, что зафиксировано в словаре под редакцией А.П. Евгеньевой (1957 – 1961), где приведено такое определение: «Выборный руководитель партийной, комсомольской и другой общественной организации» (МАС).

В системе общественно-политических догматов СССР слово *секретарь* играет далеко не последнюю роль, являясь главным компонентом устойчивого соче-

тания *генеральный секретарь*, обозначающего высшую должность в партийной системе. Представляется важным обратить внимание на тот факт, что первоначально секретарем наименовали должностное лицо в дипломатическом ведомстве Речи Посполитой (СРЯХІ – XVII): *А приказаль де, государь, король послъ себя о всемъ говорить с нимъ маиоромъ духовному своему мудрому челоувьку секретарю, и что де онъ маиоръ говорилъ съ секротаремъ, и то де секротарь всъ его маиоровы рѣчи писалъ къ королю до Познани (1658); У великого государя въ верху в передней были польские и литовские послы ... рефендаръ и писарь Великого княжества Литовского ... и секретарь посольственный (1675)*. Приведенные нами примеры из Словаря русского языка XI – XVII вв. подтверждают несомненную социальную и политическую важность фигуры секретаря, ведущего переговоры с правителями других государств. Вместе с тем, секретарь или посол при дипломатическом ведомстве не мог иметь в государстве столько же полномочий, сколько имел сам правитель. Служившие в должности секретарей люди были высокообразованными, грамотными людьми, но не были обличены высшей властью, они эту власть обслуживали, фактически они являлись (зачастую так и было) по происхождению представителями народа, выходцами из духовного или купеческого сословия, реже дворянского. Близость этой должности к народу, возможно, повлияло на то, что именно словом *секретарь* в XX веке стали наименовать высшую руководящую должность в ЦК КПСС с присоединением зависимого компонента *генеральный*, что, видимо, является аллюзией на высший армейский чин. Как ядро фразеологической единицы *генеральный секретарь* слово продолжает употребляться и сегодня: *генеральный секретарь ООН (С приветственным словом к участникам форума обратится Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун (Первые итоги и новые ожидания «Селигера» // Комсомольская правда, 2014.07.23), генеральный секретарь РФС (Знаете, как отреагировал на выступление сборной генеральный секретарь РФС Анатолий Воробьев? (Михаил Шахназаров. Плохое место в хорошей компании // Известия, 2014.06.28) или в соответствующих (чаще иронических) контекстах при упоминании о прошлом страны советов. В НКРЯ находим следующие примеры: Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев*

приглашал на охоту в заповедно-охотничье хозяйство достаточно близких ему в Политбюро товарищей (Александр Гамов. «Живая история», где любили охотиться вожди... // Комсомольская правда, 2014.07.04); *А вам приходилось слышать стихи, которые сочинял генеральный секретарь?* (Алексей Богомолов. Андропов писал матерные стихи и не умел водить машину // Комсомольская правда, 2014.02.10); *Но генеральный секретарь смеялся в усы: стенографистка тук-тук-тук каблучками, и приносила ему обязательную копию.* (Александр Солженицын. В круге первом, т.1, 1968 г.) // «Новый Мир», 1990 г.).

Как покажет дальнейшее историческое развитие, особенно сталинская эпоха, подобное именование должности отнюдь не стало синонимом народности, а лишь способствовало росту недовольства советским режимом в кругах мыслящих людей и укреплению советских мифологических представлений среди народных масс, которые очень быстро, буквально за несколько лет (с 1985 по 1991 годы), разрушились и развеялись вместе с распадом СССР.

В доказательство данного выше тезиса отметим, что в Толковом словаре под редакцией Г.Н. Складневской (1998) лексема *секретарь* отмечена как деактуализированная, ей дается следующее словарное определение: «В советск. время: выборный руководитель партийной, комсомольской или другой общественной организации» (ТСРЯ XX).

По словарям новейшего исторического периода нами было установлено, что из структуры семемы *секретарь-3* исчезли лишь идеолого-прагматические компоненты «партийной», «комсомольской» с сохранением общей семной структуры: «Руководитель какого-либо органа или общественной организации» (БТС), «Выборный руководитель организации» (ОЖШ). Таким образом, в данном случае можно говорить не о полной утрате лексико-семантического варианта, а о процессе деидеологизации – утрате лишь определенных структурных компонентов.

Вернемся к разговору о лексических процессах в языке начала XX века. Наряду с заимствованиями из иностранных языков (в большей степени из французского и в меньшей из английского) слов и устойчивых словосочетаний революционной тематики (*интернационал, диктатура пролетариата, коммунизм,*

коммуна, комиссариат и др.), передающих идеалы и социально ориентированную эстетику революции, «массовым спросом» пользовалось модное в то время в искусстве **словотворчество** и создание **аббревиатур**. Е.Д. Поливанов выделял три главных типа сокращений: а) «абсорбция начального... произносительного отрезка... от каждого слова из сокращаемого словосочетания» [Поливанов 1968: 192 – 193], к примеру, *Совнарком* (Совет народных комиссаров), *колхоз* (коллективное хозяйство), *комсомол* (Коммунистический союз молодежи), *политрук* (политический руководитель), *юннат* (юный натуралист) и др.; б) «тип *эс-эр*, .. основанный на абсорбции инициалов от каждого слова из сокращаемого словосочетания» [Там же: 193]: *РСФСР* (Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика), *ЧК* (Чрезвычайная комиссия), *НКВД* (Народный комиссариат внутренних дел), *ОГПУ* (Особое государственное политическое управление) и др.; в) абсорбция инициалов (начальных букв) каждого элемента словосочетания, например, *неп* (новая экономическая политика). Для нас также представляет интерес мысль Е.Д. Поливанова о том, что все эти приемы сокращений исторически восходят к приемам телеграфного кода [Поливанов 1968: 192], что является немало важным в связи с тем, что подобный прием «урезания» слов отвечал требованиям времени, позволял экономить ресурсы и создать собственную сложную систему сокращений (кодирования информации) в военных целях. Вероятно, именно удобство этого способа словообразования позволило большевикам использовать его в целях создания нового языка (новояза) в противовес старому дореволюционному языку, на котором сложно изъясняться и тем более писать. Для нового государства рабочих и крестьян, с трудом осваивавших грамоту, был необходим простой, но запоминающийся язык. По замечанию Е.Д. Поливанова, именно в период революции мода на новояз распространилась даже на слоговую абсорбцию в русских ласкательных именах [Поливанов 1968: 193] типа *Шура* ← *Сашура* ← *Саша* ← *Алексаша* ← *Александр* или *Нюра* ← *Анюра* ← *Аня* ← *Анна*.

Социалистический дискурс в целом был оторван от жизни и непонятен человеку, сохранившему дореволюционное языковое сознание. Кроме того, идеологические основы марксизма-ленинизма подкреплялись превозносившимся тогда

нарочито враждебным, нетерпимым отношением к старому и ко всему несоветскому, о чем ярко свидетельствуют рассуждения М.А. Рыбниковой (цитата приводится в авторской редакции): «...факт прочного и крепкого усвоения советского языка есть результат политического роста масс, огромной культурной работы. Новые слова порождены новизною жизни, факторами революционной перестройки политических форм, новизной ряда организаций: военное дело, система образования, управление заводами и фабриками, причем ряд явлений и факторов абсолютно новы: пионерское звено, плановое хозяйство, фабком, трудодень, колхоз. Названные явления и факты не вызывают никаких аналогий из дореволюционного быта, тогда как слова красноармеец, декрет, милиционер вступают в какую-то определенную, враждебную, конечно, связь со словами солдат, указ, городской. По сути дела одинаково нов и революционен и факт планового государственного хозяйства и факт существования Красной армии, но нельзя не констатировать того, что в языке отсталых и главным образом старых людей бывают случаи замены красноармейца солдатом. «Не солдат, бабушка, а красноармеец». Или проговорится бывшая барыня, скажет: прислуга, и тут же поправится: домработница, приходилось слышать даже гимназия вместо школа» [Рыбникова 1937: 111]. Подобная дихотомия понятий «свое» – «чужое» приобрела небывалый размах и распространялась на все сферы жизни советского человека. Клише новояза постепенно становились все более высокопарными и приобрели константный, устойчивый характер. Патетизация языка официальной пропаганды сопровождалась процессом **десемантизации**. Раскрывая суть этого явления, А.П. Романенко пишет, что происходит «расширение денотативного репертуара знака до такой степени, что сигнификат, упрощаясь, по существу становится в коммуникативном акте нерелевантным» [Романенко 2012: 234], а «сигнификат как часть знака остается только в качестве оценочного значения» [Там же]. Происходило выхолащивание сигнификативного содержания слов и оборотов речи, они начинали выполнять лишь агитационную функцию, возложенную на них новоязом, – функцию управления массовым сознанием и формирования общественного мнения. Чем чаще советские идеологические клише использовались в

пропагандистских целях, тем скорее они обесценивались, как, впрочем, и сами идеи, обозначаемые ими на заре XX века, выродившиеся в формализм и пустословие советских партийных деятелей. В этом, по нашему мнению, и заключается источник и главная причина стремительного устаревания лексики советского периода в 90-е – начала 2000-х годов. В этой же плоскости лежит и актуализация некоторых утраченных в названный период идеологически маркированных компонентов в структуре многих советизмов, о чем уже говорилось выше.

В заключение необходимо отметить, что среди множества лексико-семантических единиц, подвергшихся на рубеже веков деактуализации, выделяются в отдельную группу слова и словосочетания, уход которых связан с ускорением темпов развития науки, техники и производства, с растущим желанием российского общества потреблять материальные блага (*аудиокассета, аудиоплеер, видеобар, видеобизнес, видеомагнитофон, видик (видак), дискета, магнитная лента, диафильм* и др.). Широко употреблявшиеся в 90-е годы XX века, сейчас эти лексические единицы на пути к историзации, так как обозначают технически устаревшие предметы. В Толковом словаре под редакцией Г.Н. Складневской (1998) они определены как актуальные, но, принимая во внимание давность указанного словарного издания, можно, по нашему мнению, говорить о начале процесса перехода данной группы слов в пассивный фонд русского языка. Этот тезис подтверждает и отсутствие в недавно изданных словарях толкований указанных слов (Е.Н. Шагалова. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века, 2011 г.).

1.4. Языковые изменения в составе устойчивых сочетаний слов

В лингвистической традиции закрепился тезис, ранее казавшийся незыблемым, о долгом, диахроническом, процессе создания устойчивых сочетаний слов разного типа – фразеологизмов, паремий и других форм народного языкотворчества, которые становятся таковыми в результате многократного тиражирования в речи сменяющих друг друга поколений носителей языка. Однако наблюдения за

состоянием фонда этих языковых средств на синхронных срезах лексико-фразеологической подсистемы языка, в частности, анализ их динамики развития, семантики и прагматики в советский и постсоветский периоды русского языка, этот тезис не подтверждают. При современных средствах передачи информации, в том числе технических устройств, устойчивые сочетания слов разного типа могут и образоваться, и стать широко употребительными в короткий срок. Исходя из этого очевидного факта теория порождения и общий статус устойчивых сочетаний слов в истории языка ведущими фразеологами пересматривается. Так, В.М. Мокиенко отмечает, что фразеологизм, с одной стороны, – единица ретроспективная, кумулятивная, поглотившая культурологическую и языковую информацию прошлого, поэтому многие поиски его когнитивного ядра диахроничны. «С другой же стороны, фразеологизм – единица синхронная, обладающая компликативной семантикой, относительно независимой и от значения ее компонентов, и от понятий того прошлого, которые ее породили» [Мокиенко 2008: 18].

В советский и постсоветский периоды в развитии фразеологического корпуса русского языка активизировались две тенденции. С одной стороны – это образование новых устойчивых сочетаний слов с признаками фразеологизма путем фразеологизации свободных словосочетаний и отдельных предложных словоформ. Например, *быстрые деньги, грязные деньги, отмывание грязных денег, внутренние беженцы, рассеянная практика* («практика у студентов, прикрепленных по одному человеку к разным школам»), *якорное учреждение* («базовое учреждение, координирующее действие остальных»). Фразеологизация свободных словосочетаний происходила и сейчас происходит довольно быстро, во всяком случае без многовековой эволюции, поскольку современный русский язык может очень быстро мобилизовать свои ресурсы для оперативного решения возникающих проблем обновления номинации и предикации. По мнению Н.Ф. Алефиренко, неологизация фразеологического корпуса языка – это результат лингвокреативной деятельности синергетически перестраивающегося языкового сознания, «его лингвопрагматическая адаптация к новым ценностно-смысловым приоритетам, своеобразная ономаσιологическая реакция языка на стремительные из-

менения социокультурного пространства» [Алефиренко 2008: 208]. В коммуникативной практике между отправителями и получателями новых устойчивых выражений единообразное понимание их смысла достигается за счет общности культурного и речевого опыта носителей языка, у них есть похожие представления о том, что бывает и чего не может быть в контекстном смысле прямых лексических значений слов (например, не может быть в действительности жареных фактов, тeneвых (серых) зарплат, железного занавеса, отделившего СССР от всего мира, падения рубля в буквальном смысле и только одного единственного рубля не является ни для кого катастрофой из-за незначительности потерь денежных средств). Неявная когниция, отраженная в семантике оборота, расшифровывается уже на интуитивном уровне, поскольку очевидная невозможность сообщенной информации в ее прямом, буквальном смысле заставляет получателей сообщения искать в ней другие, скрытые смыслы. Контекст обычно раскрывает денотативную ситуацию, подсказывая получателю сообщения подлинную семантику фразы в местах закодированного смысла, то есть то, что в действительности хотел сообщить отправитель информации, а не то, что манифестируют прямые лексические значения слов.

В противоположность тенденции к неологизации в сфере образования устойчивых сочетаний слов разного типа обращает на себя внимание и противоположная ей тенденция к деактуализации функционировавших в недавнем прошлом фразеологизмов. Деактуализация представляет собой явление, отличное от процесса пассивизации лексики и фразеологии активного словарного состава русского языка. Её сущность выражается в постепенной утрате языковой единицей (или одним из её лексико-семантических вариантов) актуальности в данный исторический период с сопутствующими семантическими, стилистическими и оценочными изменениями, что обусловлено рядом внеязыковых факторов и, как правило, поддержано системными отношениями в соответствующих ячейках этой системы.

Для иллюстрации вышесказанного обратимся к динамике фразеологического гнезда с общим компонентом *народ*. Данная микросистема имеет многовеко-

вой период развития, что обусловлено местом слова *народ* в лексико-фразеологической системе русского языка и его ролью в концептосфере русской нации. По происхождению это исконно русское слово праславянского периода: *народъ* ← *народити* ← *родити* ← *родъ* (КЭС). Им номинирован базовый концепт национального сознания, являющийся выразителем его генетической и ментальной основы, что и отразилось в функционирующих до сих пор в современном русском языке наиболее древних фразеологизмах, например, *глас народа* (*Гласъ народа – гласъ Божій* (Даль 1880 – 1882); *при народе, на народе* (в значении «публично»); *во весь народ* (в значении «во всеуслышанье»), а также *идти в народ* (в период политического движения народников) и в афористических выражениях, например, *Народъ – тѣло, Царь – голова* (Даль 1880 – 1882). В дореволюционное время рядом синонимичных фразеологизмов обозначалась эксплуатируемая часть населения, простолюдины, люди низкого звания, не относящаяся к знати – *простой народ, черный народ, подлый народ* (подлый – в значении «незнатный»). Например, *Горький, как никто, знал жизнь простого народа – грузчиков, ремесленников, крестьян, батраков, железнодорожников, рабочих, безработных, бродивших по широким дорогам России в поисках заработка* (Н.С. Тихонов. Горький и советская литература). Или: *Государь, надлежит нам вспомнить о мужиках. Подлый народ также должен благословлять священное имя вашего величества* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев). Или: *(Пугачев) был встречен не только черным народом, но духовенством и купечеством* (А.С. Пушкин. История Пугачева).

Из этого синонимического ряда в советский период активно используется только словосочетание *простой народ*, но уже в обновленном значении. *Простой народ* – это уже народ, «принадлежащий к трудовой части общества, трудящийся» (МАС). При этом его негативная прагматическая окраска утрачивается и коннотация меняется на противоположную: фразеологизм *простой народ* обозначает наиболее авторитетную часть населения, о которой говорят с уважением как о гегемоне всего общества; это класс рабочих и крестьян, передовой отряд правящей партии большевиков. Данное устойчивое сочетание слов становится весьма ча-

стотным, его употребляют во всех случаях, когда говорят о населении СССР как цельной монолитной массе единомышленников, думающей и чувствующей одинаково. Например, *Друга нет и быть не может, но зато простой народ любит своего Вождя, готов жизнь и душу отдать* (А.И. Солженицын. В круге первом. Т.1). Также в советский период появилось устойчивое сочетание *советский народ* и в варианте *простой советский народ* для обозначения населения великой державы. У этого словосочетания коннотативные значимости, как правило, положительные, даже с оттенком патетики, выражения некой гордости за создание новой общности электората – единый советский народ, для которого этнические, национальные признаки уже особого значения не имеют. Советский народ – это могучая сила, она всегда права, ее представляют как мерило правильности. Словосочетание приобретает силу номинанта ведущего концепта времени, к нему апеллируют для выражения оценки происходящего на предмет соответствия генеральной линии политического строя и духа времени. Например: *Вот Неудобовов и говорит, напрасно товарищ Новиков, которому советский народ и товарищ Сталин оказали высокое доверие, связывает свою жизнь с человеком неясной социально-политической среды* (В. Гроссман. Жизнь и судьба). Или (НКРЯ): *Тем большей неожиданностью стал жестокий разнос, учиненный ему в кабинете заместителя главного редактора, – ему, признанному специалисту по теории машин и механизмов. «Советский народ никогда не простит...», «Партия не позволит ...», «Это преступное легкомыслие ...», «Посягательство на самое святое ...», и еще какая-то белиберда, никакого научного значения не имеющая* (А. Азольский. Лопушок. «Новый мир», 1998 г.).

В постсоветский период устойчивое сочетание *простой народ* продолжает употребляться, но в иной ипостаси, и прежнюю, бывшую в советский период, то есть уже вторичную, стилистическую окраску утрачивает. В наше время фразеологизмом *простой народ* обозначается основной состав населения, то есть, во-первых, не относящийся ни к каким властным структурам, а, во-вторых, не относящийся к новому сословию олигархов, например: *Кудрину в очередной раз пришлось разьяснять, что рост государственных расходов должен ограничиваться,*

в частности, скоростью обращения в ней денег. «Простому народу это не объяснить!» – вступил в спор и.о. первого вице-премьера Сергей Иванов, считающийся одним из кандидатов в преемники президента (РБК Daily, 2007. 09. 24), В-третьих, простой народ – это народные массы, обычные наши граждане, не имеющие специальных льгот, особых привилегий в чем-либо перед остальными людьми, например, из-за обилия машин с мигалками простому народу не проехать (Комсомольская правда, 2006. 11. 02).

В советский период появляются и другие новые фразеологизмы со словом *народ*: *трудовой народ*, *во благо народа*, (человек, некто) *из народа*, *слуга народа* (последний – «иронично: о депутатах верховной и местной власти» (ТСРЯ XX). В том числе появляются и такие устойчивые сочетания слов, которые стали настоящими символами эпохи: *опиум для народа* (о религии), *отец народов* (о Сталине), наконец, самое пронзительное словосочетание – *враг народа* («о преследуемых законом в период репрессий по обвинению (обычно вымышленному) в антисоветской деятельности» [ТСЯИ]. Враги народа – это так называемые шпионы разных иностранных разведок (часто «разных» одновременно), вредители, расхитители социалистической собственности, оппозиционеры, контрреволюционеры, кулаки, либерально мыслящие люди, диссиденты и т. д. и т. д. Если в советское время фразеологизм *враг народа* имел стилистическую маркировку *презрительное* (ТСЯИ XX) (фразеологизм и был создан для выражения яростно непримиримого отношения к тем, кто попал в разряд так называемых врагов народа), то в современном русском языке он воспринимается только как ключевое выражение страшной эпохи советских репрессий. Фразеологизм ушел в прошлое, пассивизировался; толковые словари XXI века его уже не фиксируют в качестве современного языкового средства (как правило, толковые и фразеологические словари современного русского языка последнего десятилетия его вообще не фиксируют).

Таким образом, наблюдение за динамикой группы фразеологизмов с общим компонентом *народ* показывает, что во фразеологической подсистеме языка происходят живые процессы как неологизации, так и пассивизации отдельных устойчивых сочетаний. Их набор получает различную степень актуализации в тот или

иной период времени, сопровождаемую изменением прагматического содержания фразеологизма и его коннотативного наполнения. Исторически сложившаяся роль регулятора этих процессов принадлежит различным экстралингвистическим факторам. Одним из важнейших таких факторов оказываются экстралингвистические причины развития языка, в частности для перегруппировки набора устойчивых сочетаний с компонентом народ важнейшей движущей силой оказывается смена социально-политического устройства в обществе носителей языка, повлекшая за собой изменения в общественном сознании носителей языка, переоценку ценностей и ориентиров общества. В конечном счете непрерывное историческое развитие семантики и прагматики фразеологизма, как и отдельного слова, связано с прерывностью его активного употребления, с чередованием его пребывания в активном и пассивном словаре национального языка.

Выводы по главе 1

1. Лексическая система языка является ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете народа-носителя языка и претерпевает множество различных изменений в результате перестройки самой этой системы, но эта перестройка – результат модификаций в сознании носителей языка, вызванных обновлением коммуникативных практик под воздействием социально-культурных преобразований в обществе.

2. В рамках данной главы наиболее четко и последовательно изложены наши представления о смысловой структуре лексико-семантического варианта слова с использованием теоретических разработок отечественных семасиологов и общепринятого в лингвистической семантике терминологического аппарата. Особое внимание уделяется анализу идеологически мотивированных лимитирующих сем (термин О.А. Михайловой) – особых ограничительных компонентов в смысловой структуре семемы, представляющих собой коннотативное приращение.

3. Для обозначения класса уходящей лексики советского периода мы используем термин *советизм*, предложенный Н.А. Купиной. Под *советизмами* мы подразумеваем обширный пласт лексики, единицы которого номинируют реалии советской эпохи и отражают историко-культурные и политические события того времени.

4. Под термином «деактуализация» мы понимаем утрату одним из лексико-семантических вариантов слова актуального содержания по ряду причин. В первую очередь процессу деактуализации подвергаются отдельные значения многозначных слов, отражающие чисто советские реалии. Мы также попытались обосновать необходимость разграничения понятий *деидеологизация*, *деактуализация* и *пассивизация*. Такой подход позволит учесть тот немаловажный факт, что лексика, составлявшая верхний слой активного словаря в советский период, несмотря на мощнейший процесс деактуализации и избавления от коннотативно-идеологических приращений, все еще остается в основном словарном фонде современного русского языка, хотя и не является частотной в употреблении.

Глава 2. СИСТЕМНО-СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕАКТУАЛИЗИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ

2.1. Общий состав деактуализированной лексики в аспекте системности

Современное языкознание рассматривает словарный состав языка как постоянно развивающуюся систему лексико-семантических единиц (слов и фразеологизмов), способную к саморегулированию. Уходящая лексика является одним из важных элементов этой системы, так как отражает ее динамическую сущность.

В отечественной лингвистике проблемой системной организации лексики занимались Р.А. Будагов, В.В. Виноградов, Л.М. Васильев, Ю.Н. Караулов, Э.В. Кузнецова, Л.Н. Новиков, Б.А. Плотников, М.М. Покровский, З.Д. Попова, Г.Н. Скляревская, И.А. Стернин, Д.Н. Шмелев, в работах которых ясно просматривается положение о том, что, анализируя конкретное слово, исследователь должен опираться на изучение всей его лексико-семантической парадигмы. Это позволяет выявить внутренние «движения» в лексической системе языка и приблизиться к их пониманию.

Одним из методов **системного анализа** лексики является классификация анализируемых слов по тематическим группам. Вслед за классиками отечественной семасиологии, такими как Ф.П. Филин и Д.Н. Шмелев, мы определяем **тематическую группу (ТГ)** как круг слов, объединяющихся на основе классификации обозначаемых этими словами реалий действительности по тематическому принципу.

Принцип деления изучаемой лексики по тематике мы находим подходящим для нашей работы ввиду того, что в подобной классификации «системность лексики отражает системность человеческих понятий» [Плотников 1984: 137]. Здесь мы исходим из следующего положения: лексико-семантический уровень через слово и его лексическое значение связан с реальной действительностью более, чем другие уровни системы языка, он апеллирует непосредственно к сознанию, мировосприятию и картине мира его носителей. Из этого следует, что тематиче-

ская классификация позволяет не только разграничить сферы жизнедеятельности, реалии которой номинируют эти слова, но и представить их взаимосвязь в историческом, социально-политическом и лингвокультурном отношениях.

Общий состав отобранных нами деактуализированных единиц представлен в Приложении 1 в виде таблицы. Конечное число лексем назвать сколь-нибудь точно не представляется возможным на данном этапе исторического развития языка, поскольку большинство слов этого лексического фонда находятся в постоянном движении и еще не завершили переход из активного словаря в пассивный.

2.2. Структурно-семантический анализ деактуализированных лексем

Возможности **структурно-семантического анализа** деактуализированной лексики советского периода мы видим в наблюдениях за семантической структурой лексем и фразеологизированных сочетаний слов на уровне их компонентного состава. Такое исследование мы намерены провести не только в синхронном, но и в диахронном аспектах. Последний из названных аспектов позволяет нам пронаблюдать динамику развития семантики слов в исторической перспективе, однако в пределах данного исследования мы ограничимся наблюдением за изменениями семного состава в структуре значения лишь отдельных семем, наиболее значимых для советской эпохи. В целях глубокого погружения в историко-культурную парадигму интересующего нас периода времени, а также для достижения максимально возможной объективности при описании исследуемых процессов, мы привлекали материал не только литературного языка, но и других его разновидностей, в частности, лагерного жаргона советского периода.

Итак, в словнике деактуализированной лексики, составленном нами на основе выборки из «Толкового словаря русского языка конца XX века» под редакцией Г.Н. Складчиковой и других словарных источников, мы выделили четыре **тематических класса (ТК)** – обширных пластов лексики, содержащих в себе две и более тематические группы (ТГ), представляющих собой единую группу особо

значимых номинаций, объединенных общностью концептуального (сигнификативного) содержания. Обозначим их:

I. ТК «Номинации понятий из сферы политики»:

1. ТГ «Общие политические понятия»;
2. ТГ «Наименования новых организаций и людей по отношению к ним»;

II. ТК «Номинации понятий из сферы общественной жизни»:

1. ТГ «Наименования общественных организаций»;
2. ТГ «Наименования лиц по социальной принадлежности»;

III. ТК «Номинации понятий из сферы экономики»:

1. ТГ «Наименования, связанные с бытовым сектором экономики»;
2. ТГ «Наименования, связанные с государственным сектором экономики»;

IV. ТК «Номинации понятий из сферы техники».

Обратимся к рассмотрению каждого класса слов более подробно.

К ТК «Номинации понятий из сферы политики» относятся две ТГ: «Общие политические понятия» и «Наименования политических организаций». **Первая ТГ «Общие политические понятия»** состоит из слов сугубо идеологического характера, обозначающих реалии политической жизни Советского Союза (*бесклассовый, большевик, директива, классовость, колониализм, комсомольско-молодежный, милитаризм, партийно-бюрократический, социалистический*), а также номинаций, обозначающих идеологически и политически значимые понятия, например: *железный занавес, коллективизм, народный избранник, политдень*.

Языковые средства этой группы в обозримом для одного поколения людей временном отрезке пережили большие изменения в семном наполнении коннотативного блока смысловой структуры семем: от сем с высоко положительной оценочностью (в советский период, особенно в его начальной фазе) к нейтрализации этих сем и приобретению резко отрицательной коннотации (высмеивания, издевки, издевательского ёрничества) в постсоветский период.

Каждое из этих слов и устойчивых словосочетаний имеет свою историю вхождения в активную часть советизмов и, безусловно, достойна специального анализа с учетом системности языка, но в данной работе мы приведем лишь отдельные примеры такого рода. С этой целью обратимся к слову *большевик*.

С середины XIX века в Российской Империи постепенно нагнетается революционная ситуация. Противоречия между царским правительством и радикально настроенной частью общества становятся неразрешимыми. К началу XX века в стране формируется активная политическая сила, которой в истории была уготована роль вершителей народных судеб. Образование Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) в 1898 г. в Минске, ее последующий раскол и появление большевизма приводят к трагедии 1917 года. «Красное колесо» революции (по выражению А.И. Солженицына) прокатилось по просторам бывшей империи. Новая власть остро нуждалась в поддержке со стороны простого народа. Чтобы закрепиться политически и не растерять добытое в борьбе с «царизмом» и предателями «дела революции», требовалась новая доступная всем коммуникативная среда, поддерживающая большевистскую пропаганду, распространяемую (или навязываемую?) любыми средствами повсеместно.

Рассмотрим историю появления в русском языке слова *большевик*. С синхронной точки зрения, слово *большевик* само является вершиной словообразовательного гнезда (Словообразовательный словарь под редакцией А.Н. Тихонова – Сл. Тихонова), поскольку по значению оторвалось от производящей базы, пережив полное опрощение семантики и частичное опрощение словообразовательной структуры (другими словами, пережив лексикализацию словообразовательной структуры и значения). Для понимания его исходного смысла и происхождения произведем этимологический анализ его структуры и значения. Слово *большевик* происходит, без сомнения, от прилагательного *большой / больший*. В этимологическом словаре М. Фасмера отмечено, что *большой* происходит от старославянского *болбши*, *болѣ* и имеет соответствия, например, в сербском и хорватском – *бѡљи* «лучший», в словенском – *bolje* «лучше». Корень также родственен древне-

индийскому *śālīyān* «сильнее» и *śālat* «сила», греческим *βελτίων*, *βελτερος*, *βελτατος*, *βέλτιστος* «лучше, лучший». Исходя из указанных соответствий, можно сделать вывод, что в данном корне исторически присутствует семантика силы и номинативно-оценочные коннотативные компоненты, указывающие на превосходство кого-либо или чего-либо. Уже с начала XVII века в памятниках русской письменности у слова *большой* фиксируется значение «старший, главный по положению» (СРЯ XI – XVII): «*А великий государь царь и великий князь Федоръ Ивановичъ, всея Росии самодержець, посылалъ на погребение его [ц. Дмитрия] болишихъ своихъ бояръ и съ ними дворянъ*» (1606), «*И того жъ числа старецъ Германъ в хлѣбню отведенъ и отданъ хлѣбному большому старцу Сасвѣну, и беречь ему приказано*» (Записки о взятии старца Германа, 1666 г.). Еще раньше, с середины XVI века, слово употребляется в значении «начальник, глава» (СРЯ XI – XVII): «*Приходили казаньские люди на Галицкие мѣста воевати многие люди, а въ болишихъ у нихъ былъ Аракъ богатырь*» (1549). В значении «глава семьи, хозяин дома» (СРЯ XI – XVII) слово *большой* стало употребляться и в народно-разговорной речи: «*Большой въ дому, что ханъ въ Крыму*» (пословица, XVII век). Таким образом, ко второй половине XIX века рассматриваемая нами лексема имела разветвленную систему значений и богатый семантический потенциал. В словаре В.И. Даля зафиксировано появление и таких значений: «старшій въ домѣ, хозяинъ и хозяйка, старшина въ семьѣ; вообще наибольшій, старшій въ общинѣ или артели; нарядчикъ, распорядитель, указчикъ; настоятель раскольничьей общины» (Даль 1880 – 1882), примеры словоупотреблений: «*Не великъ большак, да булава при немъ*», «*Нѣтъ большака супротивъ хозяина*», «*Кто подъ вѣнцомъ свѣчу выше держитъ, за тѣмъ болишина*» (Там же). Интересно, что у В.И. Даля дается толкование и однокоренного глагола *большинствовать* (*большинничать*, *большичать*), то есть «начальствовать, распоряжаться по праву. Быть головою дѣла», также «брать перевѣсъ, первенствовать властью, вліяніемъ или числомъ» (Даль 1880 – 1882).

Проведенный диахронический анализ позволяет нам говорить о неслучайности выбора социал-демократами названия для своей партии, так как в прагматике (и результаты исследования подтверждают это) лексем *большевик*, *большевизм* уже содержатся историко-культурные коннотативные семы, указывающие на главенство, предводительство, начальствование, которые в генетической языковой народной памяти могли еще отражаться (скорее всего, так и было). В языковой картине мира, а, следовательно, и в общественном сознании российского народа исторически закрепилось представление о том, что тот, кто больше, выше-стоящий, наделенный высшей, большой (по представлению наших предков) властью, несомненно, всегда прав и призван повелевать. В связи с этим приведем строки из известной песни В.С. Высоцкого:

Тут поднялся галдеж и лай, / И только старый Попугай / Громко крикнул из ветвей: / – Жираф большой – ему видней...! /

Как видно, старый попугай в африканском обществе почитался мудрым в связи с его преклонным возрастом. Из сюжета песни мы знаем, что закончились межвидовые браки в Африке печально, поэтому

В желтой жаркой Африке / Не видать идиллий. / Льют Жираф с Жирафихой / Слезы крокодильи. / Только горю не помочь – / Нет теперь закона. / У Жирафов вышла дочь / Замуж за Бизона. / Пусть Жираф был неправ, / Но виновен не Жираф, / А тот, кто крикнул из ветвей: / – Жираф большой – ему видней! /

Конечно, В.С. Высоцкий как гениальный поэт вложил в эту песню не только сатиру социальную, но и политическую, виртуозно с помощью аллегии передав многовековую беспомощность простого народа перед властью предрержащими, душевную мягкость и доверчивость, но отсутствие веры в свои силы, социальную пассивность.

Став советской идеологемой, лексема *большевик* приобрела множество патетических коннотативных сем, изменивших до неузнаваемости её прагматику. В Толковом словаре С.И. Ожегова (1953) дано такое толкование: «Стойкий последователь большевизма, учения Ленина – Сталина, коммунист» (ОЖ). От существительного *большевик*, имеющего грамматическую форму мужского рода, пу-

тем суффиксации образовалось новое слово женского рода – *большевичка*, что для новой власти играло значимую роль, ведь социал-демократы «проповедовали» равенство полов и женскую эмансипацию, отводя советским «дамам» достойное место в ряду трудящихся на благо революции (трудились советские женщины и на фабрике по пошиву мужских костюмов под названием «Большевичка»). Эта патетика отражается и в публикациях того времени: *Говорил я о честности, все о той же принципиальности, о том, что настоящий большевик не может слепо подчиняться* (Виктор Некрасов. Взгляд и Нечто, 1977 г.); *С портрета смотрит на ребят рабочий-большевик Дмитрий Васильевич Колюценко, имя которого с 1922 года носит завод* (Сергей Власов. Могут сдвинуть горы... // «Техника – молодежи», 1975); *В перерыве выясняет мое отношение к революции. Говорю – муж большевик. Мне кажется, что это определяет и меня* (С.С. Шамардина. Футуристическая юность, 1960 – 1970 гг., НКРЯ); *Начальником строительства, а затем директором опытного завода был назначен старый большевик, бывший матрос линкора «Марат» Григорий Васильевич Пеков (Первый в мире «СК» // «Химия и жизнь», 1967 г., НКРЯ); И сам он одним из первых пошел на фронт в звании полкового комиссара, опытный воин и военный журналист, большевик и писатель* (А.К. Тарасенков. Путь художника-большевика. Памяти Всеволода Вишневского (1951.03.03) // «Советское искусство», № 18 (1302), 1951 г., НКРЯ); *Вот полюбуйтесь: бывший офицер императорской армии, а сейчас, как видите, большевик* (М.А. Шолохов. Тихий Дон); *Председателем Совнаркома СССР избран верный соратник товарища Сталина, преданнейший сын партии и советского народа, непоколебимый большевик Вячеслав Михайлович Молотов, Заместителями Председателя — Влас Яковлевич Чубарь, Анастас Иванович Микоян, Станислав Викентьевич Косиор* (Воля советского народа (1938.01.20) // «Советское искусство» Орган Всесоюзного комитета по делам Искусств при Совнаркоме Союза ССР № 7 (413), 1938 г., НКРЯ); *Каждый такой счёт должна была подписать заведующая финансовым отделом, старая большевичка из ленинской гвардии ещё времён «Искры»* (В.П. Катаев. Алмазный мой венец, 1978 г.); *В эти дни странной гордостью звучало слово «большевичка», и скоро стало ясно, что сумерки «сегодня»*

скоро будут прорезаны выстрелами (Велимир Хлебников. Октябрь на Неве, 1918 г., НКРЯ); *(с некоторым подозрением:)*... «А вы, барышня, не большевичка будете?» Другой: «Какая большевичка, когда у них дом свой!» (М.И. Цветаева. Октябрь в вагоне, 1917 г.); *Потом вместе с нами и она прошла трудный путь, вынесла и выдержала испытанья тех дней, когда смерть стучала по нашим вискам, – Лидочка в эти дни была в грозе и буре восстанья вместе с нами... Она теперь тоже большевичка. Она заведует областным женотделом...* (Д.А. Фурманов. Мятеж, 1925 г.); *Латышей наши стали бить, так защищает их, бросается, а нашего раненого отказалась перевязать, я, говорит, убежденная большевичка, я белых не перевязываю* (Р.Б. Гуль. Конь рыжий, 1952 г., НКРЯ).

Большевизм признавался главенствующим учением наряду с марксизмом-ленинизмом. Его постулаты не поддавались обсуждению и тем более осуждению: *Известно, что Ленин ещё весной 1904 года, когда большевизм не являлся ещё самостоятельной политической партией, а работал вместе с меньшевиками в составе одной социал-демократической партии, – известно, что Ленин уже тогда звал партию к «самокритике и беспощадному разоблачению собственных мину-сов»* (И.В. Сталин. Против опошления лозунга самокритики // «Правда», 1928 г., НКРЯ); *Наоборот, именно потому, что большевизм пришёл к власти, именно потому, что большевики могут зазнаться благодаря успехам нашего строительства, именно потому, что большевики могут не заметить своих слабостей и тем облегчить дело своих врагов, – именно поэтому нужна самокритика особенно теперь, особенно после взятия власти* (Там же); *«Носителем и выразителем большевизма является партия нового типа, партия большевиков, созданная Лениным и Сталиным»* (ОЖ); *«Большевизм стал мировой теорией и тактикой международного пролетариата»* (ОЖ); *«Не большевизм самостоятельно родил то ужасное, что было в армии, не большевизм безответственный, но большевизм жандармский, потому что жандармы и городовые вступали в армию под лозунгом большевизма и были тем ферментом, который разлагал то настроение, которые создались в армии»* (С.П. Мельгунов. Мартовские Дни 1917 года, 1940 –

1954 г., НКРЯ); *Эти поют революционные песни, пропагандируют большевизм, – и носят в петлице значок, на котором изображен Ленин.* (В.А. Каверин. *Перед зеркалом*, 1971 г.); – *Сейчас такой момент истории, – сказал он далее, – когда нельзя ссылаться на свои убеждения, что они мешают принять большевизм* (Рюрик Ивнев. *У подножия Мтацминды*, 1973 г., НКРЯ); *Возникла пролетарская партия нового типа, партия большевиков, великая ленинская партия. Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года* [Ленин] (К. Черевков. *начало пути // «Огонек»*, 1973 г., НКРЯ); *Пленум ЦК и ЦКК, оценивая троцкизм в его общей форме, записал: «Совокупность выступлений Троцкого против партии можно охарактеризовать теперь как стремление превратить идеологию РКП в какой-то «модернизированный» Троцким – «большевизм» без Ленинизма. Это – не большевизм. Это – ревизия большевизма* (Л.М. Каганович. *Памятные записки*, 1991 г., НКРЯ).

После распада СССР и снятия железного занавеса идеология большевизма подверглась массовой критике. Начиная с середины 90-х годов медийный дискурс России наводняют разнообразные (местами гневные и разоблачительные) суждения и шутки об этом уродливом явлении нашей истории: *Большевизм – это сумасшедшая и преступная чепуха, измышленная и организованная евреями и масонами* (Василий Устюжанин. *Масоны. Кругом одни масоны? // Комсомольская правда*, 2001.11.21); *Многие попавшие в плен советские генералы на допросах совершенно искренне на чем свет стоит ругали и большевизм, и советскую власть, и Сталина лично* (Андрей Пуговкин. *Горечь исторической правды // «Звезда»*, 2003); *Большевизм, как некий перевертыш монархии, методично шел (и он к нему пришел) к установлению «красного рая на земле»* (Сергей Ткачук. *Троянский конь* (2003) // «Вслух о...», 2003.07.15); *Неуверенные, как все узурпаторы, большевики пытались подпереть свое шаткое право на власть авторитетами прославленных имен; ради собственного утверждения над живыми скликали на помощь великих мертвых, внушая массам: «вот кто за нас и с нами; вот кто наши предшественники и предтечи, провозвестники светлого будущего, имя которому большевизм!»* (Мария Чегодаева. *Соцреализм: Мифы и реальность*, 2003 г., НКРЯ); *При*

этом противники друг друга костерят умными словами, рвут на части, и, кабы людям, которые якобы либералы, дали власть, они бы противников в асфальт закатали. Большевизм рулит. Большевизм ведь – это не идеология, а набор приемов борьбы (Евгений Арсюхин. Выбор простой: или ты в стае, или ты изгой // Комсомольская правда, 2013.05.30); *Они сомневались: а вдруг все повернется вспять и в России вновь воцарится большевизм?!* (Николаус Кнауф: «Мы без работы не останемся» // Известия, 2013.09.10); *Большевизм победил своих противников и, примыкая к нему, можно было сделать неплохую карьеру* (Андрей Мартынов. Недостающее звено политической эволюции // Известия, 2014.03.10); *Настал удобный момент превратить большевизм в новую мировую религию, а тело покойного вождя – в ее главную святыню* (Евгений Черных. Ильича планировали воскресить // Комсомольская правда, 2014.01.23).

В современном русском языке возникло созвучное слову *большевик* ироничное обозначение бывшего члена партии КПСС – *бывшевик*, часто встречающееся в юмористических стихах на просторах сети Интернет: *Бывшевик уж так настроен – / Строй любить, где ходят строем* (Эрнест Стефанович). Причем иронизация коснулась не только *большевиков*, но и *сталинцев* (в некоторых контекстах с повышенной экспрессивностью, содержащих резко негативное отношение к советскому строю, буква «т» заменена на «р»): *Когда старые бывшевики и ... в политбюре слегка повымерли, стали возможны прогрессивные перемены, в частности, Катастройка* (по материалам сайта <http://absurdopedia.net>).

Последний пример требует от нас особого пояснения, так как он предоставляет весьма показательный материал для исследования отношения современной интеллигенции к прошлому нашей страны. Если в наименовании *бывшевики* содержится лишь ироничная оценка, то изменение лишь одной буквы в слове *сталинцы* порождает мощную отрицательную коннотацию. Экспрессия в данном авторском тексте выражается не только графически, но и на других языковых уровнях: морфологическом, лексическом и синтаксическом. К примеру, несклоняемое слово *политбюро* намеренно неверно употреблено автором с измененным окончанием в предложном падеже, с флексией –Е (*Политбюре*), словно бросая вызов

советскому агитационному языку. Обращает на себя внимание и появление неологизма *Катастройка* от соединения фрагментов слов *катастрофа* и *перестройка*. На ироничное отношение автора к событиям 1985 – 1991 гг. указывает употребление словосочетаний *слегка повымерли* и *прогрессивные перемены*. Стоит отметить, что в данном примере пародируется синтаксический строй, свойственный официальной речи того времени (в частности, речи Президента СССР М.С. Горбачева), и пристрастие советских публицистов к уточнениям и сложно-подчиненным предложениям:

Петроградский Обуховский завод, ныне «Большевик», еще в 1918 году получил от Наркомата продовольствия заказ на изготовление 2 тыс. колесно-гусеничных тракторов по типу американского «Холта» мощностью 75 л. с. (Леонид Евсеев. «Коммунар» // «Техника – молодежи», 1975 г.).

Анализ семантических процессов в ТГ «Номинации понятий из сферы политики» показал, что все слова этой ТГ обозначали идеологически и политически значимые понятия. Основные процессы в изменении их семного состава выразились в смене коннотативного сопровождения значений слов от положительных смыслов до отрицательных.

Представленный выше материал показывает еще и разнообразие мнений и оценок реалий советского времени. Как видим, в первые годы после распада СССР находилось немало людей, способных мгновенно перестроиться на новые оценки недавнего прошлого, в том числе идя от его прославления к высмеиванию в самой непристойной форме.

Вторую ТГ «Наименования новых организаций и людей по отношению к ним» из первого ТК составили разные слова, однако наше внимание в ней привлекает наиболее частотная в ней лексика – сложносокращенные слова, образованные по различным словообразовательным моделям: *ВС, ВЧК, ГКЧП, горком, исполком, комсомол, КПСС, крайком, ОГПУ, политбюро* и т.п. Причины возникновения и роль сокращений в новоязе мы подробно разбирали в предыдущей главе. Добавим к уже сказанному, что все эти слова не просто называют политические и «охранительные» организации того времени, они несут в себе очень важ-

ную, на наш взгляд, культурно-историческую информацию. Общеизвестно, что любой тоталитарный язык (так называемый *новояз*) обычно переполнен разного рода сокращениями. С точки зрения системных процессов показательно, что язык довольно быстро освободился от «пут новояза»: после распада СССР в активное употребление вернулись многие дореволюционные слова из сферы религии, экономики и государственного устройства (этот процесс всесторонне описала в своей диссертации белгородский исследователь М.Б. Геращенко (2009), которые в годы советской власти методически вытеснялись из активного словаря, а значит, и языкового сознания людей. Этот тезис косвенно подтверждается еще и огромным количеством аббревиатур, используемых во времена СССР не только в официальной публицистике, речах и выступлениях советских вождей, но и в художественной литературе разного толка, как прокоммунистической, так и в диссидентской: *Но ведь и у многих рабфаковцев тоже жизнь «всковырнутая». Что-то же задумала власть, когда потянула их в ВУЗы. Наверное ж такой вариант предусматривался. Администрация и открыто указывает: к рабфаковцам требования смягчить. Политика просвещения масс. Смягчать – но не до такой же степени? Прошли сегодня и рабфаковцы, Воздвиженский и был к ним снисходителен. Но – не до абсурда же! Как же ставить «уд», если этот – не знает вообще ничего? Что ж остается от всего твоего преподавания, от всего смысла? Начни он инженерствовать – быстро же обнаружится, что **сопромата** он и не нюхал. <...> Удачно свалив сопромат, Лёшка Коноплёв с охоткой подъединился к товарищам, шедшим в тот вечер в дом культуры **Ленрайсовета**. Собирали не только **комсомольцев**, но и желающий беспартийный молодняк: приезжий из Москвы читал лекцию «О задачах нашей молодёжи» (А.И. Солженицын. Молодняк); Шарик начал учиться по цветам. Лишь только ему исполнилось четыре месяца, по всей Москве развесили зелено-голубые вывески с надписью «**МСПО. Мясная торговля**». Повторяем, что все это ни к чему, потому что и так мясо слышно. <...> Далее пошло еще успешнее. «А» он выучил в «**Главрыбе**», на углу Моховой, а потом «Б» (подбегать ему было удобнее с хвоста слова рыба, потому что в начале слова стоял милиционер) (М.А. Булгаков. Собачье сердце, 1925 г.); Нет, не из*

сельсовета, а из рай... этого, как его, пенсии-то намеряют? – Райсобес? – Райсобес, да, из райсобеса, мол, проверяю условия жизни престарелых людей (Василий Шукшин. Калина красная); Ответ был благоприятный: исполком разрешил продолжать ремонт, хотя со всей строгостью предупреждал, что в случае повторного нарушения разрешение будет аннулировано, а дело передано в компетентные инстанции (Аркадий Львов. Двор, 1968 – 1972 гг.); Политика безраздельно торжествовала над экономикой во всех действиях Сталина, его Совнаркома, его Госплана, его Наркомтяжпрома, его наркомата сельского хозяйства, комитета заготовок, его Наркомторга (Василий Гроссман. Все течет (1955-1963) // «Октябрь», 1989); Она прозвучит так: «В условиях, когда комсомол наращивает свое влияние в обществе и приобретает все больший удельный вес, надо быть трижды внимательнее к подбору комсомольских кадров» (Валерий Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике, 1976 – 1999 гг., НКРЯ); Вот при регистрации в комендатуре задержали на целых два часа и удостоверение возвратили с каким-то двусмысленным замечанием; или главу знакомого семейства Ивашкиных, напоминающего степных помещиков Тургенева, неотесанного и презирающего книги, вызвали в НКВД и – хоть и брали там подписку о неразглашении, домочадцы проболтались – расспрашивали обо мне. <...> Уже на месте, в деревне, виновник, поначалу было заправившийся, во всем сознался. Однако такой исход не устраивал НКВД. Ухватились за «соцпроисхождение» убийцы: сельский активист пал жертвой кулацкого выродка! (О.В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца, 1988 г., НКРЯ); Арлен – Армия Ленина, Мэлор – Маркс, Энгельс, Ленин – организаторы революции, Оюшминальд – Отто Юльевич Шмидт на льдине, Даздраперма – Да здравствует Первое мая! (Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века, 2000 г., НКРЯ); Ремеслом я выбрал кражу, Из тюрьмы я не вылажу, Исправдом скучает без меня (Михаил Козаков. Актерская книга, 1978 – 1995 гг.); Нэповский делец, Бройде отсидел некоторое время в домзаке, вышел и решил описать советский исправдом (Варлам Шаламов. Начало).

ТК «Номинации понятий из сферы общественной жизни» объединяет три ТГ: во-первых, это обозначения социально-бытовых понятий советского вре-

мени и эпохи перестройки (*блат, бугор-1, воскресник, дружина, жутик, запись-2, зарница-2, магнитиздат, наставничество, недоносительство, общепит, обществоведение, папирасы, пельменная, получка, принудиловка, радиоголоса, членовоз, шейпинг*) (в образовании некоторых слов «сработала» тенденция к иронизации, свойственная стихии разговорной речи); во-вторых, это названия советских общественных организаций, например: *ВЛКСМ, ДНД, ДОСААФ, здравница*. Третью ТГ составили названия лиц по социальной принадлежности, например: *аллилуйщик, антисоветчик, безбожник, богатей, дружинник, массовик-затейник, индивидуал(ист), интеллигент, ленинец, октябренок, особист, плановик, пропагандист, спекулянт, юнармеец, юннат*.

В этих ТГ, так же, как и в первой ТГ, многие лексемы или отдельные их семемы в связи с глобальными изменениями в социально-политической жизни страны резко поменяли свой оценочный статус. Когда явление пропагандируется как положительно значимое, слово имеет положительную коннотацию и в массовых текстах публицистического характера порождает словосочетания высокого стиля. Если же отношение к денотату в обществе коренным образом меняется, то и слово соответственно тут же меняет свою оценочность. Так, слово *общепит* (*советский общепит*) сегодня употребляется с оттенком пренебрежения, даже брезгливости, ведь в новой стране, с новой рыночной экономикой, неведомой простому советскому человеку, люди имеют гораздо больше возможностей удовлетворить свои потребности, в том числе и кулинарные. Сравним:

Прекрасно, что общепит так принципиально борется за мое здоровье и нравственность (Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Я, следовательно..., 1968 г., НКРЯ); *Часа через два вернулся довольный Никитин: «Общепит» уже получил соответствующие указания и во всем шел навстречу* (Борис Левин. Блуждающие огни, 1995 г., НКРЯ); *Вместо чая общепит предлагал бурю мутную бурду, а «кофе с молоком» являлся натуральными помоями* (Евгений Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов», 1997 г., НКРЯ); *Некачественный общепит и ловкие несунуны были излюбленной мишенью советской сатиры, с ними можно было*

расправляться самыми изощренными литературными способами (Ольга Славникова. Капсула времени // «Октябрь», 2001 г., НКРЯ).

Процесс изменения коннотативных сем наблюдается и в прагматике лексемы *безбожник*. До революции 1917 года к безбожникам относились как к бездуховным людям, попирающим законы человечности, что отражено в словарном толковании «беззаконникъ, нечестивецъ, незнающій страха Божія, живущій завѣдомо во злѣ, во грѣхахъ; безсовѣстный, нечестивый, злодѣйный, беззаконный» (Даль 1880 – 1882). В романе Ф.М. Достоевского читаем: *О покойном Смердякове выразился, перекрестясь, что малый был со способностью, да глуп и болезнью угнетен, а нуще безбожник, и что его безбожеству Федор Павлович и старший сын учили* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы). Интересно, что в среде революционно настроенных молодых людей из обедневших дворян и разночинцев считалось признаком интеллигентности и склонности к научному миропониманию отрицать существование всего относящегося к религии, да и вообще всех жизненных устоев старого мира: *Разве вы не знаете, что он удален из службы по второму пункту?.. Ведь он против царя, безбожник!» Если есть такие персоны в городе, то почему же им не быть и в деревне?* (Народная воля. Социально-революционное обозрение. № 1 // «Народная воля», 1879 г., НКРЯ); *Примерная скотина! Непочтителен, груб, безбожник. Сидит за книжкой — молчит.* (Г.И. Успенский. Растеряевские типы и сцены).

Советская власть начала масштабную кампанию по уничтожению веками складывающихся религиозных и духовных основ жизни российского народа. Словари того времени также фиксируют появление у слова новых значений: «**1.** Человек неверующий в бога, атеист. || Член антирелигиозного общества; лицо, ведущее антирелигиозную пропаганду (нов.). **2.** Употреблялось как укор. бран. слово в значении *дурной, озорной человек* (устар.). *Ах ты, безбожник этакий! что ты наделал!»* (ТСУ). Обратим особое внимание на словарные пометы. Семема *безбожник-1* имеет помету *нов.* (новое), а семема *безбожник-2* помечена как *устар.* (устаревшее). Здесь представляется необходимым сравнить дореволюционное и советское значение.

В первоначальном значении семема *безбожник* имела следующий набор сем: «беззаконникъ», «нечестивецъ», «незнающій страха Божія», «живущій завѣдомо во злѣ, во грѣхахъ»; «безсовѣстный» (Даль 1880 – 1882). В советские годы толкование семемы *безбожник-2* свелось к определению «дурной», «озорной человек» (ТСУ). При этом семы «озорной» ранее в дефиниции не фиксировались, то есть создатели советских словарей, видимо, намеренно пытались «сгладить» отрицательную коннотацию слова, перечеркнуть всю культурно и исторически значимую информацию, заложенную в нем издревле. На Руси *безбожниками* называли «нечестивцев» (СРЯ XI – XVII), то есть иноземных захватчиков, пришедших на русскую землю грабить и убивать – монголов (или татар, как на Руси обозначали войска монголов, захвативших земли Татарского ханства, из-за этой исторической путаницы «незванный гость» оказался «хуже татарина»). *Безбожниками* также называли завоевателей, стремившихся насадить свою веру, в частности поляков. Это отражено в исторических памятниках: *Тогда же ганяшася оканьши безбожници [татары] отъ Торжку Серегѣрьскимъ путемъ* (1238 г.); *Да и самого того короля [польского], лютаго врага сопостата нашего, и его способниковъ, такихъ же безбожниковъ, яко же онъ* (XVII век).

Об отношении к большевикам-безбожникам в народной среде, в основном оставшейся верной традиционному укладу жизни, можно судить по дневниковым записям известных писателей и деятелей культуры, например, М.М. Пришвина и Зинаиды Рихтер: *Завещал похороны свои предоставить партии, чем очень всех удивил, потому что семья большая, дочери невесты и на всю семью ляжет тень, что отец был безбожник, еще дочь замуж не возьмут* (М.М. Пришвин. Дневники, 1922 год); – *Учил я его грамоте, не думая тогда, что из него на мою голову выйдет большевик-безбожник.* (Зинаида Рихтер. В солнечной Абхазии и Хевсуретии, 1923 – 1924 гг., НКРЯ).

В СССР безбожество и воинствующий атеизм признавались великим благом для советского гражданина. В этом отношении показателен случай, описываемый в рассказе А.И. Солженицына «Молодняк», приведем небольшой отрывок из этого произведения:

Но – нет, уговаривал лектор, и выходил из-за трибуны, и суетился поперек сцены, сам своей речью шибко увлечённый.

– Надо правильно понять и освоить современный момент. Наша молодёжь – счастливейшая за всю историю человечества. Она занимает боевую, действительную позицию в жизни. Её черты – во-первых, безбожие, чувство полной свободы ото всего, что вненаучно. Это развязывает колоссальный фонд смелости и жизненной жадности, прежде пленённых боженькой. Во-вторых, её черта – авангардизм и планетаризм, опережать эпоху, на нас смотрят и друзья и враги.

И озирался кругленькой головой, как бы оглядывая этих друзей и особенно врагов со всех заморских далей.

В современном русском языке в лексеме *безбожник* произошли обратные перемены, слово вернуло исторически закрепленное за ним основное значение. Из семантической структуры семемы *безбожник-1* исчезла идеолого-политически мотивированная часть значения, а именно: «Член антирелигиозного общества; лицо, ведущее антирелигиозную пропаганду» (ТСУ), теперь дефиниция такая: «Человек, отрицающий существование Бога, неверующий» (БТС). К семеме *безбожник-2* вернулись прежние отрицательные историко-культурные коннотативные семы, хотя и не в полном объеме (ведь практически не представляется возможным, чтобы слово, прошедшее через жернова революции и десятилетия атеистической пропаганды, вышло из этой неравной борьбы совсем без потерь), о чем свидетельствует стилистическая помета к словарному значению: «*Бранно. О бессовестном, бесчестном человеке*» (БТС). Как видно из проведенного наблюдения, произошел процесс деидеологизации в структуре семемы *безбожник-1* и реактивизации прежнего семного состава в смысловой структуре семемы *безбожник-2*.

Интересную судьбу имеет семема (из ТГ-1 этого класса) *здравница-2* в значении «курортная местность» (ТСРЯ XX): *Крым – всесоюзная здравница; Черноморское побережье – всесоюзная здравница* (Л. Мельчаков. Природоведение); *Абхазия из отсталой окраины царской России... превратилась в край с развитой промышленностью и субтропическим сельским хозяйством, стала всесоюзной*

здравницей (Известия, 13.12.1964 г., ТСРЯ XX); *Южный берег Крыма, вероятно, должен находиться в общесоюзном подчинении как уникальная здравница для всего населения СССР и курорт мирового значения* (А.Д. Сахаров. Неизбежность перестройки, 1988 г., НКРЯ). В советское время слово имело всего одно значение: «*нов. офиц.* Санаторий. Здравница для туберкулезных» (ТСУ). Действительно, во второй половине XIX века в книжной речи не было активным в употреблении это слово старославянского употребления, поскольку в обиходе было также русское по происхождению, ныне забытое слово *здоровщина* как «привѣтливое названье какой-либо мѣстности»: *Что въ вашей здоровщине дѣлается?* (Даль 1880 – 1882).

Употреблялся также глагол *здравѣть* – «становиться здоровымъ, крѣпкимъ, дюжимъ» (Даль 1880 – 1882), отсюда происходит современное слово, относимое к категории состояния – *(кому-то) нездоровится*. Само слово *здравница* было придумано отнюдь не большевиками, а еще в 1900 году, что подтверждается следующим примером из НКРЯ: «*Здравница (слово специально редакционного изобретения вместо слова «санатория») Davos в Швейцарии.* (Е.Я. Дюков. Два слова о «гомеопате» и кривобокой врачебной этике // «Вестник гомеопатической медицины», № 11, 1900).

Отдых на Черноморском побережье в постсоветское время для разбогатевших людей считается пережитком советского строя и «прерогативой» людей со скромным достатком, хотя для так называемых широких масс населения он продолжает пользоваться популярностью. В современном русском языке семема *здравница-2* деактуализировалась, слово имеет только одно значение и трактуется как «учреждение для лечения и отдыха (санаторий, дом отдыха, пансионат и т.п.)» (БТС). Приведем примеры из НКРЯ: *Самая крупная здравница — санаторий имени Ломоносова с хорошей лечебной базой* (Ирина Авереннова. Геленджик // «Туризм и образование», 2000.06.15); *Курорт в Старой Руссе как многопрофильная здравница особенно успешно развивается в последнее десятилетие* (Игорь Архипов. Старая Русса, или На пути к российскому Баден-Бадену (2003) // «Петербургский Час пик», 2003.09.17). Иногда используется в паре с прилагательным

всероссийская или иным определением как аллюзия на устойчивые идеологизированные сочетания, например: *Слабые очистные сооружения категорически не справлялись, и фекалии через дырявую трубу просто сбрасывались в море недалеко от пляжа. Вот такая всероссийская здравница. По олимпийской шкале Сочи тоже выглядел более чем бледно* (Алексей Щукин. Научились делать мегапроекты // «Эксперт», 2014 г.).

Таким образом, мы можем утверждать, что лексика является самым чувствительным индикатором, наиболее ярким показателем не только языковых изменений, но и малейших подвижек в жизни народа – носителя языка. Ничто не способно отразить дух времени и эпоху точнее, чем язык.

Нельзя не обратиться к таким важным словам, как *воскресник, магнитиздат, особист, радиоголоса*, ушедшим вместе с явлениями в жизни советского общества и одновременно придающими эпохе неповторимое в своей простоте и вместе с тем романтическое очарование, которого так не хватает многим людям старшего поколения в сегодняшней России. Существует большая опасность их забвения поколением современных молодых людей, которые уже сейчас, читая текст песни В.С. Высоцкого «Тот, который не стрелял», не понимают, кто такой «особист Суэтин» и почему их родители записывали эту песню на магнитную ленту, распространяя в магнитиздате. Приведем отрывок из первоначального варианта текста песни:

*Я вам мозги не пудрю – / Уже не тот завод:/ В меня стрелял поутру /Из ружей целый взвод. / За что мне эта злая,/ Нелепая стезя – / Не то чтобы не знаю, – Рассказывать нельзя. / Мой командир меня почти что спас, / Но кто-то на расстреле настоял... / И взвод отлично выполнил приказ, – / Но был один, который не стрелял. / Судьба моя лихая / Давно наперекос: / Однажды языка я / Добыл, да не донес, – / И **особист Суэтин**, / Неутомимый наш, / Еще тогда приметил / И взял на карандаш. / Он выволок на свет и приволок / Подколотый, подшитый материал... / Никто поделать ничего не смог. / Нет, – смог один, который не стрелял.*

Впоследствии В.С. Высоцкий собственноручно внес в текст корректуру, заменив слово *особист* сочетанием *странный тип*. В такой редакции текст песни печатался в советских сборниках. Мотивы, которыми руководствовался поэт в этом отношении, понять нетрудно. Сотрудники особого отдела ОГПУ, затем НКВД особенной любовью граждан не пользовались, что легко подтверждается примерами: *Особист схватил за шиворот ближнего солдата, сжал ему шею своею клеиной, отчего тот заскулил и вмиг сдался, и задрал на животе солдата гимнастерку, обнаружив брезентовый пояс, похожий на плетку, который и вытянул хлестко из портков, разом обвисших* (Олег Павлов. Казенная сказка, 1993 г., НКРЯ); *Особист выслушал Тимкино донесение, велел изложить все в письменной форме, после чего подверг его придирчивому допросу* (Ю.М. Нагибин. Недоделанный, 1992 г., НКРЯ); *По переднему краю в тихие дни ходил рыжий особист, любитель Стендаля, погубивший рабочего Литвиненко* (Давид Самойлов. Общий дневник, 1977 г., НКРЯ); *Так вот, я струсил защищать власовца перед особистом, я ничего не сказал и не сделал, Я прошел мимо, как бы не слыша — чтоб эта признанная всеми чума не перекинулась на меня (а вдруг этот власовец какой-нибудь сверхзлодей?... а вдруг особист обо мне подумает?... а вдруг?... <...> И со зверским лицом особист продолжал стегать и гнать беззащитного человека, как скотину* (А.И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг).

В самостоятельные ТК выделились названия понятий из сферы экономики и техники. ТК **«Номинации понятий из сферы экономики»** целесообразно, на наш взгляд, разделить на две тематические группы – «Наименования, связанные с бытовым сектором экономики» и «Наименования, связанные с государственным сектором экономики». К первой группе относится народно-разговорная лексика, номинирующая те жизненные реалии, с которыми советский человек сталкивался ежедневно: это различные названия денежных единиц, часто образованные с помощью суффиксов деминутивной оценки (*копеечка, медяшки, пятерочка, рублевочка*), а также наименования, относящиеся к системе получения продуктов питания в эпоху дефицита (*выбить, выбросить, выкинуть, достать, записаться-2, карточка, купон, талон, отоварить (карточку)*). Ко второй группе относятся но-

минации из сферы государственного сектора экономики СССР: *агропромышленный комплекс, госбанк, госплан, госторговля, госцена, разнарядка, хозрасчет, шефство.*

Все слова, входящие в данный ТК, так или иначе стали ассоциироваться с эпохой тотального дефицита, став своеобразными культурными стереотипами, связанными с жизнью в СССР. Приведем примеры (взяты из НКРЯ):

И вот у этого-то чиновника я пыталась выбить сантиметры для Бориного памятника (Лидия Смирнова. *Моя любовь*, 1997 г.); *Записали, но в итоге, выбив земельный надел в приличном районе Подмосковья, ни одному хоккеисту участок не дали* (Вячеслав Фетисов. *Овертайм*, 1997 г.); *Значит (ну я так думаю), что теперь я реально выбил где-то по осени запуск фильма о Степане Разине* (В.М. Шукшин. *Интервью // ImWerden*, 1974 г.); *Водку НЗ выбили, товарищ лейтенант. А чтоб два раза не ходить, я вот у повара коробку выпросил* (Виктор Трегубович, Виктор Курочкин. *На войне, как на войне*, к/ф (1968 г.); *Вот достану новое оборудование – радуюсь. Выбью кондиционеры – горжусь. Мало мы друг о друге думаем* (Станислав Ростоцкий, Георгий Полонский. *Доживем до понедельника*, к/ф (1968 г.); *К примеру: мы были первыми в Москве, в середине 90-х, кто выбросил на рынок прикольные наклейки на задние стекла авто* (Медведева Татьяна специально для «Труда». *Проигравшие получили все // Труд-7*, 2007.08.16); *По мнению японских обозревателей-экономистов, этим Toshiba надеется опередить соперника и выбросить на рынок дешевые проигрыватели HD-DVD на несколько месяцев ранее, чем это сделает Sony* (Toshiba в борьбе с Sony за новый формат DVD применила «запрещенный прием» // *Известия*, 2005.10.21); *Но вы – человек, привыкший к комфорту, – вы человек, который ... ээ... не знал, что такое дефицит, что такое достать там кофе, достать (не купить, а достать) ... вы застали ещё это время?* (В. Мельтев, К. Прошутинская. *Беседа К. Прошутинской с А. Мельтевым в программе «Мужчина и женщина»*, РТР // *Архив Хельсинкского университета*, 2001 г.); *Ну и потратилась! Подумаешь! Зато муки достала. Нынче борща сготовлю, лепёшек напеку* (Владимир Мотыль, Валентин Ежов, Рустам Ибрагимбеков, Марк Захаров. *Белое солнце пустыни*, к/ф (1969 г.);

Но тогда же в начале 30-х были еще талоны и карточки (Беседа лингвиста с информантом // Архив Хельсинкского университета, 1998 г.); Потом получилось так, что дядька мой, брат папин, на Васильевском он жил, он прислал женщину, которая отоваривала бы им карточки оставшиеся (Там же); А у нас же здесь в исполкоме продавали карточки эти хлебные, всякие, привозили на весь Краснокамск, на весь этот маленький город (Там же); Я не знаю, что такое парашютисты, но вот у нас разнарядка есть. Придётся тебе поехать туда, потому что ты парень холостой, ну кого мы пошлём, сам пойми нас правильно» (И.И. Лисов. «Что дает армия человеку» / генерал И. Лисов обращается к юношам и их родителям // Из коллекции НКРЯ, 1974 г.); Лично с начальником шахты знаком. Вишь, одели по разнарядке! О! (Владимир Хотиненко и др. Зеркало для героя, к/ф (1987 г.); У меня такое впечатление, что..., то ли разнарядка приходила на районы, то ли может какое-то количество определенное надо. ... придирались (Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2001 г.); А потом, когда его не стало, над городом взял шефство комсомол (Карпов Вадим. Гагарин не был бабником // Труд-7, 2000.06.15); Странно, конечно, что ж, на весь город один экземпляр, что ли? – Он пожал плечами. – План, план! – проворчал прокурор. – Хозрасчёт, дорогой! Валютка! (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, 1978 г.); Хозрасчет – это коллективная ответственность, а значит, тунеядцам и горлопанам в нем места нет (В. Певчев. Никто, кроме нас (1988) // «Труд», 1988.01.01).

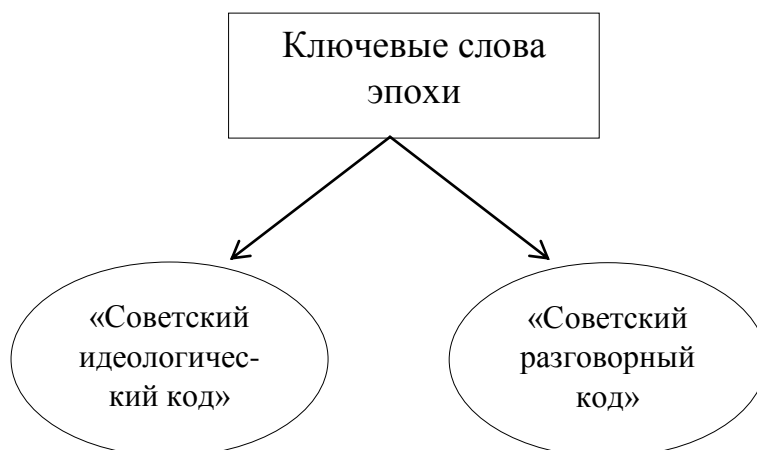
Говоря о тематическом классе **«Названия понятий из сферы техники»**, стоит отметить, что в «Толковом словаре русского языка конца XX века» под редакцией Г.Н. Складчиковой (1998) слова типа *аудиокассета, аудиоплеер, видак, видеокассета, видеокооператив, видеопрокат, двухкассетник, дискета, магнитоальбом* не отмечены как уходящие, но мы включаем их в данную группу лексики, исходя из того соображения, что предметы и явления, стоящие за ними, уже можно назвать «техническими» архаизмами или историзмами в зависимости от их денотативного значения. За последние 10 – 15 лет появилось очень много компьютерных новинок, гораздо более удобных и экономичных, поэтому все западные

технические достижения, хлынувшие на российский рынок в 90-х гг. XX века, уже не смогут удовлетворить высоких потребностей современного компьютеризированного общества современной России. Следовательно, логичным будет отнести подобные наименования в разряд деактуализированных слов.

В данной работе нам представляется необходимым выделить особую значимую группу слов, условно обозначив ее «**Ключевые слова эпохи**». Она включает в себя слова или отдельные лексико-семантические варианты слов из различных ТК. Отбор семем для данной группы производился путем установления их соответствия с определением **ключевых слов** – наиболее частотных, несущих в себе важную социокультурную информацию о том историческом периоде, к которому они принадлежат. Эти слова стали языковыми символами советской эпохи, на них лежит печать этого времени. Без установления динамики их значения, определения их места и роли в системе сложных парадигматических отношений нельзя в полной мере погрузиться в данный период отечественной истории. Отметим, что в указанную группу деактуализированной лексики вошли не только собственно советизмы, или единицы «советского идеологического кода» (по определению Н.А. Купиной), но и слова разговорного языка советской эпохи, которые трактуются некоторыми учеными как *новоисторизмы* [Купина 2009]. Из вышесказанного становится ясно, что в терминах, описывающих язык времен СССР, существует большая неопределенность. Чтобы ее избежать, необходимо, по нашему мнению, разобраться в системе организации лексики внутри группы «Ключевые слова эпохи» (рисунок 3).

В предложенной нами схеме четко разграничиваются две разнородные по сути группы – лексика «советского идеологического кода» (или собственно советизмы) и лексика «советского разговорного кода». В понимании **советизмов** мы идем вслед за Н.А. Купиной, определяя их как «номинации явлений, событий, происходивших в СССР, свойственных социалистической системе» [Купина 2009].

Рисунок 3. Системная организация лексики внутри группы «Ключевые слова эпохи»

Это официальные наименования, которые в массовом порядке использовались в советской документации и прессе с целью пропаганды идеалов бесклассового общества и идеологического воздействия на сознание людей (*атеизм, битва, борьба, вождь, всенародный, гегемон, знамя, коллективизм, колхоз, марксизм-ленинизм, партия, передовик, пятилетка, ударник* и т. д.).

По аналогии с термином «советский идеологический код» мы ввели понятие **«советский разговорный код»** – это лексика разговорно-бытового общения, не зафиксированная в официальных документах и прессе того времени (*выездной / невыездной, вышка, летун, несун, общественник, отщепенец, партаппаратчик, проходной / непроходной, сексот* и целая группа сложных слов, начинающихся на *спец-*: *спецбольница, спецбуфет, спецадача, спецлагерь, спецстоловая* и др.). Относить эти слова к новоисторизмам, с нашей точки зрения, преждевременно: здесь имеет место процесс деактуализации, ведь в среде большинства взрослого населения, людей, которые большую часть жизни прожили в стране под названием Советский Союз, они все еще употребляются и не воспринимаются как нечто чужеродное, от чего хочется отмежеваться. О представлении советизмов в обыденном сознании россиян подробнее рассказано в наших статьях [Чавыкина 2014, 2015].

2.3. Парадигматические и синтагматические отношения внутри группы деактуализированных лексем советского периода

Рассмотрим подробнее лексику советского идеологического кода. Отметим, что лексические единицы внутри данного класса не распределяются хаотично, а представляют собой систему противопоставленных друг другу обозначений базовых *мифологем*.

2.3.1. О понятии *мифологема*

Первоначально понятие *мифологема* являлось философской категорией и применялось для объяснения констант идеологического мышления. Данный термин, впервые употребленный в работе К. Кереньи и К.Г. Юнга «Введение в сущность мифологии» [Юнг 1996], находит отражение и в трудах Р. Барта [Барт 1996]. Учитывая тесную связь с процессом создания мифов – мифотворчеством, *мифологему* можно определить как частный случай мифа или образ, «далекий от окончательного оформления и продолжающий служить для дальнейшего мифотворчества» [Юнг 1996: 13]. По определению В.П. Руднева миф является одной из важнейших культурных категорий, «особым состоянием сознания», которое «является нейтрализатором между всеми фундаментальными культурными бинарными оппозициями, прежде всего между жизнью и смертью, правдой и ложью, иллюзией и реальностью» (СК XX). С лингвистической точки зрения лексема *миф* имеет полисемантическую структуру и трактуется не только как «Древнее народное сказание о богах и обожествленных героях, о происхождении мироздания и жизни на Земле» (БТС), но и как «Вымысел, измышление; ложь» (БТС). В рамках нашего исследования вызывает интерес словарная дефиниция семемы *миф-3*: «Оторван-

ное от действительности изложение каких-либо событий, фактов, основанное на их некритическом, ошибочном истолковании» (БТС).

Антропологический принцип, положенный в основу социологических и гуманитарных исследований XX века, позволил глубже проникнуть в сущность мифотворчества как ментально-когнитивной деятельности. Так, французским ученым К. Леви-Стросом было установлено, что рассматриваемый феномен обладает бессознательной архаической структурой, сам процесс создания мифа основывается на интеллектуальном импульсе, генерации образов или категорий, представляющих собой набор разнообразных противопоставлений [Леви-Строс 1985, 1994]. Антропологами был выдвинут тезис о том, что различия мифологических систем касаются лишь материала образов, которыми они оперируют [ФЭС]. По нашему мнению, данное утверждение представляет особую важность не только для философии и антропологии, но и для междисциплинарных лингвистических исследований, поскольку позволяет предположить, что мифотворчество не является свойством мышления исключительно наших предков, а является объективной реальностью современного существования людей как вида *Homo Sapiens*. Как и многие тысячи лет назад, человеческий мозг продуцирует разнообразные мифы, являющиеся фундаментом для возведения государств и наций, политических и экономических систем. Необходимо принять во внимание тот факт, что сама идея государства, вероятно, не была свойственна древним племенам, а появилась гораздо позже: основы государственности стали складываться в общинах после аграрной революции. Процесс объединения нескольких общин был бы невозможен без скрепляющей веры в общую мифологию. Авторитет людей, представляющих власть, во все времена держался на создании простой и понятной народу системы мифов, позволяющей осуществлять эффективное управление на обширных территориях. Процветание империй, ставшее возможным в эпоху существования древних царств, позволило людям создать первые в истории подлинно политические мифологемы. Вся последующая история человечества связана со сменой различных политических мифов, в целом являющихся древнейшими представлениями о том, чего не существует в материальном мире. Таким образом, все общественно-

политические формации с нашей точки зрения представляются мифологическими системами. Разумно предположить, что любая общественно-политическая система оперирует политическими мифологемами, репрезентируемыми в языке словами.

Опираясь на вышеизложенные представления, мы можем определить понятие *политическая мифологема* как конкретный психосоциальный когнитивный образ, намеренно создаваемый одним субъектом или группой субъектов в соответствии с мифологической системой того или иного государства либо иного социального института, содержащий набор аксиологически значимых для данного общества категорий и имплицитно формирующий его языковую картину мира.

Представляется важным отметить существование других типов мифологем, кроме политических, окружающих человека в современном мире: экономических и социокультурных. Главной экономической мифологемой, вне сомнения, являются деньги. Кроме того, в различные периоды истории люди создали множество мифов об их роли и возможностях применения. Наряду с политическими мифологемами на сознание миллионов людей по всему миру влияют социокультурные мифологемы. Цифровые средства связи во многом способствуют распространению и укоренению в конкретном обществе данного вида мифов. Интересной особенностью мифологем является то, что все они находятся во взаимозависимых отношениях. Так, политические и экономические мифологемы веками существуют в теснейшем симбиозе, социокультурные мифологемы питают и поддерживают бытование политических.

2.3.2. Системные связи репрезентантов советских мифологем

В рамках данной работы мы рассмотрим процесс политического мифотворчества в разные периоды истории России XX века с точки зрения его лингвистических особенностей.

Временной промежуток от революционных событий 1917 г. и до смерти В.И. Ленина характеризуется зарождением советского языка нового качества, столь похожего на антиутопический новояз. Его появление было частью языковой политики государства рабочих и крестьян, полуграмотных или вовсе неграмотных людей, о которых власти проявляли заботу, поясняя даже названия улиц и проспектов: *улица писателя Грибоедова, проспект архитектора Растрелли*. Для простого народа нужна была простая и четкая идея, основанная на понятных и доступных каждому образах-мифологемах.

Социалистическая идеология, произрастающая из теоретизированного представления об экономике и утопической романтической мечте об идеальном обществе, постепенно формировалась по канонам мифотворчества, сформулированным в трудах К. Леви-Строса [Леви-Строс 1985, 1994]. Революционная пропаганда изначально строилась на простейших аксиологических бинарных оппозициях по принципу «свое – чужое», «хорошо – плохо», что непосредственно отразилось и в политическом языке той эпохи.

Основываясь на частотности употребления некоторых отобранных нами лексем в текстах официальной коммунистической публицистики, а также их значимости для идеологии большевизма, мы выделили 5 концептуальных групп:

- 1) пролетариат (рабочий класс) – буржуазия, эксплуататоры;
- 2) коммунизм (Советский Союз) – капитализм (загнивающий Запад);
- 3) атеизм, материализм – религия, идеализм;
- 4) коллективизм – индивидуализм;
- 5) Партия (вожди) – враги советского строя.

Таким образом, парадигматические отношения внутри класса деактуализированной советской лексики представляют собой систему противопоставленных друг другу репрезентантов политических мифологем. Эти базовые оппозиции составляют своеобразный *социокультурно детерминированный языковой континуум*, обусловленный и социальными, и культурными условиями пространственно-временных рамок бытования языка.

С постепенным усугублением революционной ситуации в Российской Империи социалистическая пропаганда активно апеллировала к дихотомии «мы – они», подразумевая под «мы» простой народ, в основном городских жителей и выходцев из крестьянского сословия. Сами сословия заменили на заимствованные из марксизма *классы*, а для наименования рабочих по найму стали использовать столь привлекательное для широких народных масс слово *пролетариат*, искажив в достаточной степени его семантику, которая уже сложилась в языке к моменту наступления XX в.

История данного слова восходит к эпохе Древнего Рима, где пролетариями именовали особый социальный слой, не владевший не движимым, не недвижимым имуществом, изначально свободный от податей и военной службы. Британский философ и культуролог Арнольд Дж. Тойнби отмечал, что «Римские пролетарии, будучи свободными гражданами самого могущественного во всем эллинистическом мире города-государства, сознавали, что они находятся в весьма уязвимом и двусмысленном положении. Именуя себя «господами мира», они не имели и клочка земли, а их римское гражданство фактически не давало им ничего, кроме права и обязанности идти на войну и отдавать свои жизни за счастье и процветание сограждан. Таким образом, уделом «свободных граждан» было прозябание в римских трущобах с надеждой на временную работу. Это был весьма благодатный материал для социальных взрывов» [Тойнби 2010: 359 – 360]. Известно, что при проведении переписи населения эти люди в качестве своего имущества указывали «дети», то есть их значимость для империи состояла лишь в производстве многочисленного потомства, будущих римских граждан, – латинское наименование *proletarius* происходит от *proles* – потомство, дети (Брокгауз и Эфрон). После падения Рима лексема *пролетариат* появляется в эпоху первой французской революции и обозначает «совокупность неимущих людей, живущих изо дня в день, отличающихся необеспеченностью существования» (Брокгауз и Эфрон).

В русский язык и культуру слово проникает через посредство немецкого языка (СФ). В целях глубокого исследования семантики и прагматики лексемы *пролетарий* в русском языке обратимся к «Толковому словарю жвага великорус-

скаго языка» В.И. Даля, где находим следующую дефиницию: *пролетарій* – «бобыль, бездомокъ или безземельный, безпріютный, захребетникъ; пролетаріать, пролетарство – состоянье, быть и сословье пролетаріевъ; бобыльство, бездомничество, безземелье, захребетничество» (Даль 1880 – 1882). Как видно из приведенного определения, семантическая структура исследуемого слова исторически была связана с отсутствием у пролетаріев своего дома, жилища, земельного надела, так как жизнь крестьянина в Российской Империи была всецело связана с землей и зависела от нее. К моменту создания словаря В.И. Даля пролетарство оформилось в особенное сословие, находящееся по социальной иерархии ниже крестьянского, о чем свидетельствует определение семемы *захребетник*: «бобыль, безтягольный, плохой рабочий; дармоедъ, приставший къ пирушкѣ на помочи, не работавъ, а со своими работавшими. Зовутъ бесхребетниками и людей, купленныхъ въ былое время крестьянами, на имя помѣщика; они исправляли барщину за хозяевъ своихъ и работали на нихъ; батракъ, работникъ» (Даль 1880 – 1882). Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что прагматика вышеназванной лексемы содержала ярко выраженный негативно-оценочный компонент, что подтверждается наличием сем «плохой рабочий», «дармоедъ». Поскольку семема *захребетник* является частью семантической структуры слова *пролетарій*, содержащиеся в ней историко-культурные периферийные компоненты влияют на его прагматику, окрашивая последнюю в негативные тона. Из проведенного нами компонентного анализа, результаты которого отражены в приложении, следует, что в русской культуре уже в XIX в. за пролетаріями закрепились репутация бедняков, по какой-либо причине не умеющих или не желающих работать, поэтому не имеющих своего дома и другого имущества, перебивающихся случайными заработками или вовсе работающих за кров или еду. В этимологическом словаре М. Фасмера находим интересную деталь, связанную с бытованием данного слова в русском языке, а именно обогащение его семантики путем возникновения шуточного значения «банкрот» от фраземы *пролететь в трубу* («разориться»). Внешнее сходство основ латинского по происхождению слова *proletarius* и русского

пролететь позволило языку осуществить перенос наименований. Указанная этимологизация, на наш взгляд, неточная, – неслучайно она не закрепились даже в обыденном языковом сознании россиян².

В XIX в. с распространением марксистской идеологии семантика слова *пролетариат* изменилась, дополнившись семами «общественный класс», «живет за счет продажи своего труда», тем самым наиболее приблизилась к пониманию XX в., причем семы «неимущий», «необеспеченный» были удалены из семантической структуры слова в соответствии с теорией К. Маркса и Ф. Энгельса. Обратимся к определению слова *пролетариат*, данному самим Ф. Энгельсом в работе «Принципы коммунизма»: «Пролетариатом называется тот общественный класс, который добывает средства к жизни исключительно путем продажи своего труда, а не живет за счет прибыли с какого-нибудь капитала...» [Маркс, Энгельс 1955: 322]. Позже это определение станет основой для создания новой семемы в классическом большевистском понимании: *пролетарий* – «наемный рабочий в капиталистическом обществе, лишенный средств производства, угнетаемый и эксплуатируемый буржуазией» (ОЖ 1953).

Итак, опытным путем нами было установлено, что марксистское понимание пролетарства как общественного явления существенно отличается от первичного значения, более того, намеренно теоретизируется идеологами большевизма, что отражается и в динамике развития семантики слова *пролетарий*, на тот момент уже имевшуюся в языке. Этот и множество других примеров красноречиво свидетельствуют о том, что в эпоху становления власти советов происходило вмешательство в судьбу не просто конкретного слова, а языковой картины мира целого народа, приведшее к утрате и забвению множества историко-культурных феноменов.

Интересно, что теоретики марксизма и большевизма отождествили понятия *пролетарий* и *рабочий*: *Еще в 1924 г. в своем приветствии рабочим завода «Динамо» т. Сталин с гениальной прозорливостью определил перспективы и конкретные пути дальнейшего развития нашей революции, конкретные пути побе-*

² По результатам проведенного нами эксперимента ни один из респондентов не дал подобного ответа.

ды. Тов. Сталин писал рабочим завода «Динамо»: «Желаю **рабочим** «Динамо», как и рабочим всей страны, того, чтобы промышленность пошла в гору, чтобы число пролетариев в России поднялось в ближайший период до 20 – 30 млн., чтобы коллективное хозяйство в деревне расцвело и подчинило своему влиянию частное хозяйство, чтобы высокая индустрия и коллективное хозяйство в деревне спаяли окончательно **пролетариев фабрики** и тружеников земли в одну социалистическую армию» (Программа великих работ // «Под знаменем марксизма», № 1, 1934 г.).

Активная эксплуатация слова *пролетарий* продолжалась вплоть до развала СССР: *С ростом промышленности возрастало число рабочих, пролетариат стал превращаться в ведущую силу общественного развития. Усиливались классовые противоречия и классовая борьба. Рост рабочего движения сопровождался дальнейшим распространением марксизма; наступил ленинский этап в развитии марксистской философии* (М. Шабаева. История педагогики, 1981 г.). К началу XXI в. семантика слова практически полностью стерлась, молодое поколение вообще не знает, кто такой пролетарий³. Люди более старшего возраста помнят идеологему «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*», но не могут сформулировать его лексическое значение. Лишь 10 % респондентов указали, что *пролетарий* – это рабочий, что тоже лингвистически неточно.

Рассмотрим более подробно синтагматические отношения в исследуемой группе слов. Отметим, что в целях всестороннего описания собранного лингвистического материала нами были применены элементы дистрибутивного анализа и метод количественного подсчета.

Интересно, что в ходе изучения синтагматики внутри некоторых ТГ нами была установлена тесная связь между словарными дефинициями, определяющими основные советские мифологемы, и языком пропаганды, сформировавшемся к эпохе расцвета культа личности и усиления тоталитарного режима в стране. Стоит отметить, что даже в текстах 70-х – 80-х гг. употреблялись те же высокие эпитеты, что и в 30-е годы, образующие 3-х, 4-х или 5-словные устойчивые идеоло-

³ По результатам проведенного нами эксперимента было выявлено 62 % отказов на слово-стимул *пролетарий*.

гические сочетания (по меткому определению Петра Червиньски, «патетические константы советского официоза [Червиньски 2012]), придающие высокопарность и размах речи революционных и коммунистических деятелей:

*С одной стороны, буржуазные и особенно мелкобуржуазные идеологи, вынужденные под давлением бесспорных исторических фактов признать, что государство есть только там, где есть **классовые противоречия и классовая борьба**, – «подправляют» Маркса таким образом, что государство выходит органом примирения классов (В.И. Ленин. Государство и революция, 1917 г.);*

***Социалистическое строительство** есть плановое строительство величайших масштабов, и через все приливы и отливы, ошибки и повороты, через все извилины нэпа партия преследует свой большой план, в духе этого плана воспитывает молодежь, учит каждого связывать свою частную функцию с общей задачей, которая требует сегодня тщательно пришивать советскую пуговицу, а завтра бесстрашно умирать **под знаменем коммунизма** (Л. Троцкий. Воспитательные задачи нашего времени, 1920 – 1925 гг.);*

***Социалистическое строительство** ставит грандиозные задачи по вооружению трудящихся техническими знаниями (Неизвестный автор. Шире сотрудничество // Знамя, 1930 г.);*

*Словами всех языков мира изложены **светлые идеалы коммунизма** (Л.В. Успенский. Слово о словах, 1971 г.).*

После краха советской системы они безнадежно устарели, стали ассоциироваться с негативными проявлениями власти и злоупотреблениями политработников:

*В Германии Уманский забыл, зачем ехал, превратился в сотрудника российского телеграфного агентства и тринадцать лет жил сладко: Вена, Рим, Женева, Париж, **изредка навещая социалистическое строительство** (Александр Терехов. Каменный мост, 1997 – 2008 гг.);*

*Оповестили: «кто был никем», далее в рифму – все причесались, надели банты и **вышли под знаменем на братское randevu с населением** (Леонид Зорин. Глас народа (2007 – 2008) // «Знамя», 2008 г.);*

С развитием капитализма в России обостряются классовые противоречия между трудом и капиталом (Г.А. Зюганов. Постановление (2004) // «Правда», 2004.10.29);

В государстве, напоминавшем монашеский орден со свирепыми законами благочестия и целомудрия, верой в священные идеалы коммунизма, Сталина, Ленина <...>, все должно было совершаться строго в определенное законом время и в строгом соответствии с принятыми порядками, и не дай Бог кому-либо нарушить эти законы и порядки! (Эдуард Володарский. Дневник самоубийцы, 1997 г.);

Тот же Шанцев, еще не так давно, должно быть, призывавший рядовых коммунистов и беспартийных к самоотверженной борьбе за идеалы коммунизма, теперь в телестудии расписывал преимущества рынка, конкуренции и прочих атрибутов нынешнего российского криминального капитализма (Борис Лебедев. Поединок на ринге ЖКХ (2003) // «Советская Россия», 2003.05.15).

Отметим, что важным фактором, повлиявшим на создание советской системы мифологем, является пафос революционной борьбы, просматривающийся не только в идеологии большевизма, но и в намеренном выборе номинаций и сопровождающих их постоянных эпитетов: *боец, патриот, призыв + пламенный, атеизм + воинствующий, организации + боеспособные, молодежь + боевитая, знамя + красное, вражда + классовая*. Обратимся к советской публицистике. В журнале «Огонек» в выпуске № 9 от 28.02.1954 г. читаем: «... В последние месяцы Кремль видел немало шумливых гостей: студентов, школьников, учащихся ремесленных училищ. Но в тот день здесь собралась **самая боевитая, самая отважная, самая огневая молодежь**, о которой хочется сказать словами бессмертных двадцатых годов: *комсомольское племя*». Приведем еще несколько примеров:

XVII съезд нашей партии, как уже справедливо отмечалось и в выступлениях на съезде и в нашей печати, войдет в историю мировой борьбы пролетариата как съезд победителей. XVII съезд партии имеет исключительное значение в истории нашей партии, он представляет собой крупнейшую историческую веху. Он подвел итоги нашей борьбы, нашего строительства, нашей работы не

только за время с XVI съезда партии, но и за весь отрезок времени со дня смерти Владимира Ильича Ленина (Программа великих работ // «Под знаменем марксизма», № 1, 1934 г.);

Пламенный советский патриот, поэт огромного масштаба, он отразил в своем творчестве всю нашу бурную эпоху, накал борьбы двух классов в период крушения капитализма (Александр Прокофьев. Родник живой поэзии // «Огонек», № 12, 1970 г.);

Нет такого уголка на земном шаре, где имя Ленина не звучало бы как пламенный призыв к борьбе с гнетом, бесправием, эксплуатацией, как символ боевого единства, как залог победы в исторической битве за торжество коммунистических идеалов (Л.И. Брежнев. Дело Ленина живет и побеждает (1970) // «Правда», 1970.04.22).

Социалистические революционные партии как наиболее организованные политические силы пропагандировали классовую ненависть и устанавливали насилие в качестве социальной нормы. Мифологема *классовый* в советское время трактовалось с позиций марксизма-ленинизма: «**1.** Принадлежащий, относящийся к классам, их взаимоотношениям. **2.** Свойственный, соответствующий идеологии какого-нибудь общественного класса» (ОЖ 1953), являлась часто употребительной и носила официозный характер с оттенком патетики:

Мировая система социализма и борьба КПСС за укрепление ее единства, углубление противоречий капитализма и классовая борьба пролетариата, борьба КПСС за сплочение мирового коммунистического фронта и поддержка нашей партией национально-освободительных движений народов, борьба Советского Союза против агрессивной политики империализма, за мир и безопасность — таков круг международных проблем и проблем внешнеполитической деятельности нашей партии, рассмотренных в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду (Возрастание руководящей роли КПСС в коммунистическом строительстве, 1966 г.);

Звериная классовая ненависть к рабочим и трудовому крестьянству руководит вредителями, французскими интервентами и Белоэмигрантами в их борь-

бе против СССР (Процесс членов ЦК контрреволюционной организации «Промышленная партия» (1930) // «Известия», 1930.12.01);

*С другой стороны, не менее очевидно и то, что тактика меньшевиков является по преимуществу тактикой ремесленных рабочих и крестьянских полупролетариев, тактикой тех районов, где **классовые противоречия** не совсем ясны и **классовая борьба** замаскирована* (История ВКП(б). Краткий курс, 1938 г.);

*И партия приступила к выработке новой установки по вопросам хозяйственного строительства. Но **классовый враг** не дремал. Он пытался использовать тяжелое хозяйственное положение, пытался использовать недовольство крестьян* (Там же);

*Партийный, **классовый подход** к общественным явлениям Ленин рассматривал как неотъемлемый принцип марксистской идеологии* (Л.И. Брежнев. Дело Ленина живет и побеждает (1970) // «Правда», 1970.04.22);

***Классовая политика** коммунистической партии в деревне руководствуется ленинско-сталинскими лозунгами: опираясь на бедняцкое крестьянство, крепить союз с середняком и вести непрерывную борьбу с кулаком* (И.Н. Слободянюк. Румынская народная демократическая республика // «Наука и жизнь», 1950 г.).

Эстетика борьбы ярко выражена не только в оппозиции «рабочий класс, пролетариат – буржуазия, эксплуататоры», но и в дихотомиях «коммунизм – капитализм», «коллективизм – индивидуализм», «атеизм – религия», «материализм – идеализм», что можно проиллюстрировать следующими примерами:

*Благо революции остается верховным принципом пролетарской морали до той поры, пока окончательная **победа коммунизма** не станет фактом* (В. Быстрянский. Диалектический материализм. Лекция седьмая, 1925 г.);

*Заводская печать в свою очередь стала на путь **активной борьбы с прогульщиками и летунами**. На страницах газет помимо заметок и статей помещаются также фотографии прогульщиков и летунов. Из мероприятий психологического порядка отметим также вывешивание черных досок с фамилиями летунов, рвачей и прогульщиков...* (Вопросы труда, вып. 1, 1931 г.);

Журнал «Под знаменем марксизма» – боевой орган марксизма-ленинизма – ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии. <...> об'единяет для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, систематически выращая большевистски выдержанные философские кадры (Под знаменем марксизма, № 1, 1954 г.);

...Комсомол помогает партии воспитывать молодежь в духе коммунизма, вовлекать ее в практическое строительство нового общества, готовить людей всесторонне развитых, беспредельно преданных интересам народа, последовательных и стойких борцов за светлое будущее Родины, людей, ясно отдающих себе отчет в той исторической миссии, которую нам завещал В.И. Ленин: «Вы должны построить коммунистическое общество» (Памятка члену ВЛКСМ, 1965 г.).

Одновременно с эстетикой борьбы большевистская пропаганда культивировала положительное отношение к труду, что представлялось особенно важным в первые годы существования советского государства, а затем и в послевоенный период. Труд ассоциировался не с повинностью, а с самопожертвованием, подвигом:

Партия и правительство высоко оценили успехи тружеников «Яркого Поля». За доблестный труд на колхозной ниве жители «Яркого Поля» в конце 50-х годов удостоены правительственных наград... (История городов и сел Украинской ССР. Крымская область, 1974 г.);

Да, молодежь наша, не страшась трудностей и лишений, по призыву партии устремившаяся осваивать и заселять безлюдные просторы целины, возводить гигантские плотины и новые предприятия на Дальнем Востоке, показала, что такое настоящий массовый трудовой подвиг (Л.А. Кассиль. Дело вкуса, 1964 г.);

Великие свершения на благо человека, осуществляемые в Советском Союзе, красноречиво говорят трудящимся всего мира, что именно здесь, на родине Ле-

нина, во всю мощь развернулись творческие силы народа. Пример ленинских побед в революционном строительстве оказывает мощное притягательное воздействие на трудящихся всего мира, вдохновляет их в борьбе за собственную свободу, за свержение гнета капитализма и колониализма (Великие идеалы коммунизма // Издание газеты «Правда», 1962 г.).

В строительстве нового лучшего мира принимал участие весь многомиллионный советский народ. В этом отношении показательно частотное употребление постоянных эпитетов *всенародный, всесоюзный*: *дело + всенародное, планы + всенародные, пятилетка + всесоюзная, стройка + всесоюзная, забота + всенародная*. Приведем примеры из публицистики: *Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», всенародная забота о воспитании подрастающего поколения оказали большое влияние на улучшение учебно-воспитательной работы школы (Народное образование, № 1, 1959 г.);*

Возводятся города будущего, и искусству предстоит внести свою лепту в это всенародное дело. Города будущего должны быть удобны для жизни и неповторимы по красоте; разве же допустит наш народ — хранитель великих художественных традиций — безликое единообразие в оформлении новых улиц, площадей и проспектов! (Огонек, № 44, 29.10.1961);

Поистине всенародным делом стала уборочная страда. Уборка венчает труд хлеборобов (Сельское хозяйство в России, № 1, 1976 г.);

Комсомольские и пионерские организации, педагогические коллективы школ усиливают работу по привитию учащимся чувства бережного, рачительного отношения к народному добру. Важным вкладом пионерских организаций стала Всесоюзная пятилетка трудовых дел (Народное образование, вып. 8, 1982 г.);

КамАЗ – ударная комсомольская всесоюзная стройка (КамАЗ – крупнейшая и важнейшая стройка пятилетки, 1972 г.).

Создание политической мифологемы *труд* можно считать объективным доказательством действия закона партиципации (сопричастности), когда часть целого неотделима от самого целого. В антропологической науке [Леви-Строс 1985,

1994] общепризнанным является тот факт, что данный закон является архаической составляющей любого мифологического сознания, и это, по нашему мнению, применимо в том числе в отношении политической мифологии СССР.

Несомненный интерес представляют официальные идеологически ориентированные коммуникативные конструкции – *лозунги*, то есть идеологемы, широко используемые советской властью и позволяющие влиять на широкие массы населения по всей стране. Термин *идеологема* впервые был употреблен М.М. Бахтиным наряду с понятием *идеологическое слово*, которое, по мнению ученого, решает особые исторические задачи «в определенных социальных сферах и на определенных этапах своего исторического развития» [Бахтин 1975: 83]. Исходное понимание *идеологемы* во многом отличается от современной трактовки: исследователи отмечают «многоаспектность использования термина «идеологема», <...> обусловленную крайней неоднозначностью...» [Малышева 2009: 33]. Вслед за В.А. Рыжовой мы определяем *идеологему* как «экспликацию, способ репрезентации той или иной идеологии, совокупность директивных установок, ориентирующих на определенное поведение...» [Рыжова 2014: 28]. По нашему мнению, именно лозунги можно назвать *подлинными идеологемами*, так как в отличие от *мифологем* данные единицы содержат призыв или побуждение к действию, своеобразный коммуникативный заряд, намеренно формируемый в соответствии с иллюкативной целью адресанта и призванный изменять языковую картину мира адресата. В роли последнего часто выступает не конкретный человек, а некий усредненный образ советского гражданина, искусственно наделяемого теми или иными качествами, выгодными для адресанта, к примеру:

В советской стране женщина-рабыня стала творцом новой жизни!

Раскрепощенная женщина – строй социализм!

Родители! Не сбивайте нас с толку, не делайте рождества и елку!

Долой кухонное рабство! Дашь новый быт!

Слава советским женщинам – активным строителям коммунизма!

Наши цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи!

Отстоим завоевания Октября!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Все силы – на выполнение взятого социалистического обязательства!

Даешь пятилетку в четыре года!

Октябрята – дружные ребята!

Пионер – всем ребятам пример!

Все на борьбу с хищениями социалистической собственности!

На работу – с радостью, а с работы – с гордостью!

Молодежь! Настойчиво овладевай знаниями!

Не подлежит сомнению и тот факт, что влияние пропагандистских лозунгов распространяется не только на языковую картину мира, но и на глубинные психологические модели поведения, складывающиеся у той или иной общности на протяжении веков. Можно предположить, что главной целью идеологов коммунизма стала корректировка уже имеющихся на тот момент, устоявшихся и привычных поведенческих стереотипов, мешающих построению нового мира. По сути идеология является составной частью политического мифа.

Активное употребление лозунгов в печати подкреплялось созданием героических эпических образов (Стаханов, Павлик Морозов, Паша Ангелина и т. д.), различными ритуалами, играющими в общественно-политической жизни значительную роль, например, ежедневная производственная зарядка, ежечасные и ежевечерние новости, принятие в пионеры и комсомольскую организацию. Обрядовость была неотъемлемой частью советской действительности, где интересы коллектива ставились выше личных, а партия признавалась главенствующей по отношению к человеку.

Мифологема *партия* стала основой миропонимания простого народа. Метод сплошной выборки показал, что в текстах официальной прессы семема *партия* в значении «Политическая организация, являющаяся ведущей частью общественного класса, защищающая его интересы и руководящая его борьбой с враждебными классами» (ОЖ 1953) окружена устойчивыми фразеологизированными сочетаниями, например:

Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи (лозунг);

Партия – бессмертие нашего дела (лозунг);

Партия – наш рулевой! (лозунг);

*Советский народ победил потому, что его борьбой руководила **партия большевиков, испытанная и закаленная в боях** за интересы рабочего класса, за интересы народа, партия, политику которой поддерживали все советские люди и авторитет которой был настолько велик, что **по лозунгу партии**, как один человек, **поднимались на борьбу** сотни, тысячи, миллионы* (Провал интервенционистских планов правящих кругов США // А. Березкин. США – активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918 – 1920 гг.), 1952 г.);

Центральный Комитет КПСС от имени всей партии призвал советский народ к новым трудовым подвигам, к борьбе за досрочное выполнение семилетки, за технический прогресс во всех отраслях хозяйства (Экономика сельского хозяйства, том 30, 1959 г.);

*Велики свершения советского народа под **руководством Коммунистической партии*** (Великие идеалы коммунизма // Издание газеты «Правда», 1962 г.);

Партия – это непосредственно правящий авангард пролетариата, это руководитель (В.Ф. Сбытов. КПСС – боевой авангард строителей коммунизма, 1970 г.);

***Партия призвала рабочих дополнить пафос нового строительства борьбой за освоение современных промышленных предприятий, серьезное повышение производительности труда и снижение себестоимости продукции.** <...> Именно в эти годы **партия бросила клич:** «Кадры в период реконструкции решают все!»* (Л.С. Рогачевская. Трудовой подвиг рабочего класса в строительстве социализма и коммунизма, 1974 г.);

*Советский социалистический строй поднял науку на огромную высоту, открыл перед наукой широчайшие перспективы. Благодаря **неустанной заботе Коммунистической партии** и Советского правительства наука в нашей стране имеет исключительно благоприятные условия для своего развития* (М.В. Келдыш. Избранные труды. Общие вопросы развития науки, 1985 г.).

Из приведенных примеров видно, что образ Коммунистической партии мифологизировался в соответствии с советской идеологией, отождествлялся с образом семьи, «большого брата» или родителя, направляющего народ, проявляющего заботу о нем и указывающего ему путь в завтрашний день. В этом отношении важным представляется и наличие мифологизированного вождя, играющего роль «отца народов» и воплощающего в себе архаические патриархальные черты сильного мужского начала, пришедшего к власти путем ритуального убийства «старого царя». В 30-е гг. XX в. усиление культа личности привело к практическому обожествлению данного образа.

Таким образом, репрезентанты советских мифологем становятся неотъемлемой частью советского политического кода и функционируют в нем в качестве устойчивых элементов лексико-семантической системы, используемой для выражения важнейших концептов социалистического бытия.

Подводя итог сказанному, заметим, что принцип системного устройства лексического пространства конца XX – начала XXI веков особенно важен в плане диахронического изучения деактуализированной лексики. Исходной теоретической посылкой для нас служит тезис академика В.В. Виноградова о том, что «подлинный историзм неразрывно связан с широким охватом контекста эпохи или языковой системы в целом на разных этапах ее развития. Поэтому и для исторической лексикологии исследование истории значений слова и исследование истории целостных лексических систем – задачи соотносительные и взаимообусловленные» [Виноградов 1995: 12].

Выводы по главе 2

1. В целях систематизации исследуемого материала нами была разработана тематическая классификация деактуализированной лексики, включающая четыре основных тематических класса лексики. Особую лексическую группу составляют наиболее значимые слова, ставшие символами советской эпохи. Единицы данной группы номинируют как явления политической жизни СССР (по определению Н.А. Купиной – *советский идеологический код*), так и явления социально-бытового характера. Для обозначения последних мы ввели понятие *советский разговорный код* по аналогии с термином, предложенным Н.А. Купиной.

2. При рассмотрении парадигматических отношений внутри класса деактуализированных лексем советского идеологического кода нами была подробно описана система противопоставленных друг другу базовых политических мифологем и выделено пять концептуальных групп, состоящих из аксиологически значимых бинарных оппозиций. Погружение в социокультурно детерминированный языковой континуум позволило выявить глубинные процессы в смысловой структуре некоторых советизмов. Особый интерес представляет судьба слова *пролетарий*, на примере которого мы рассмотрели, каким образом происходило формирование советских политических мифологем. Анализируя синтагматические отношения, мы установили особую роль прилагательных в языке советского политического официоза: часто они выполняют функцию постоянных эпитетов, характеризующихся высокой лексической сочетаемостью (*всесоюзный, всенародный, доблестный, классовый, комсомольский, партийный, социалистический* и др.).

3. Яркой чертой политического мифотворчества в СССР является широкое использование *идеологем* – лозунгов, содержащих определенный коммуникативный заряд и призванных корректировать поведенческие стереотипы народных масс.

Глава 3. ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ СОВЕТИЗМОВ

3.1. Эксперимент как способ проверки знания семантики и прагматики слов носителями языка

В связи с бурными лексическими процессами, происходящими в языке последних десятилетий, особый интерес представляет практически неисследованный и чрезвычайно богатый класс слов, значения которых целиком или частично утрачиваются языком и со временем стираются из языковой картины мира народа – носителя этого языка. Это деактуализированная лексика советской эпохи – периода, не столь сильно удаленного от нас в историческом и хронологическом аспекте. В начале XXI века люди уже начали забывать, что современная Россия является преемницей советского государства, а российский народ является наследователем истории и культуры СССР.

За последние годы мы уже привыкли к критике методов ведения внутренней и внешней политики в Советском Союзе, к тому, что в средствах массовой информации намеренно создается негативное отношение к прошлому. Массовая политическая пропаганда активно занимается созданием образа современного россиянина как «идеального потребителя», живущего и действующего по уже предоставленным рыночной экономикой шаблонам. Разрыв между поколениями людей 40 – 50 лет и старше с молодежью с каждым годом становится все более заметен. Конфликт «отцов», душой все еще живущих в СССР, и «детей», менталитет которых уже более близок к западному, практически неразрешим. Культурные реалии не столь далекой советской эпохи остаются в памяти лишь людей старшего поколения. Огромный пласт культуры, а вместе с ней и важная часть языковой картины мира, оказываются полузабытыми в обществе и не используются при воспитании у новых поколений уважения к недавнему прошлому своей страны с опорой на достижения этого прошлого в области культуры. Разумеется, степень забвения

или незнания советских реалий и их обозначений у разных поколений и у разных социогрупп носителей языка должна оказаться неодинаковой.

Чтобы доказать этот тезис, необходимо проследить, как изменения в семантике и прагматике деактуализированных советских лексем и семем фиксируются общественным сознанием носителей языка начала XXI в. Роль сознания в деятельности людей, в осмыслении и последующем освоении действительности очень велика. Сознание человека не только отражает действительность в образах и понятиях, но и «накапливает, хранит и воспроизводит эту ранее отраженную действительность в *образах, понятиях, концептах, теориях*» [Комарова 2012: 128], что позволяет ему развивать свои интеллектуальные способности, регулировать и контролировать свои действия, объективно оценивать действия других людей и т. д., наконец, успешно заниматься творчеством в своей деятельности. Таким образом, накопленные знания вообще, в том числе знание актуальных для недавнего прошлого концептов, образов и понятий, вербализованных средствами языка, являются важной составляющей в общем развитии подрастающих поколений.

В любом научном исследовании особую значимость приобретает практическая проверка степени знания чего-либо у кого-либо, в частности, это может быть проверка знаний в форме эксперимента как наиболее эффективного метода эмпирического познания. При изучении степени знания уходящей лексики подрастающим поколением (это наиболее важно для установления культурно-исторической преемственности поколений носителей русского языка) проведение эксперимента является необходимостью: без него мы не можем установить факт деактуализации той или иной лексемы, основываясь лишь на данных современных словарей, не апеллируя к «живой» речи. В нашем случае необходимость проведения эксперимента продиктована тем, как изменения в семантике и прагматике подобных слов фиксируются общественным сознанием носителей языка, а также необходимостью установить степень забвения семантики и прагматики советизмов. Еще Л.В. Щерба справедливо указывал на тот факт, что при изучении живых языков проведение эксперимента играет немаловажную роль, так как, построив из

данных словарей «некую отвлеченную систему, необходимо проверять ее на фактах, то есть смотреть, отвечают ли выводимые из нее факты действительности. Таким образом, в языкознание вводится принцип эксперимента» [Щерба 1974: 31 – 32]. Исследуя степень фиксации деактуализированных лексем в бытовом сознании носителей русского языка, мы также ставим перед собой задачу установления факта деактуализации той или иной лексемы, для чего обратимся к рассмотрению семантической эволюции некоторых слов.

Нельзя не учитывать и тот факт, что в современной лексикографической практике многие лексемы (особенно это касается советизмов) фиксируются как историзмы или новоисторизмы, что не всегда может соответствовать реальному статусу бытования слова. Многие номинации недавнего советского прошлого продолжают жить в сознании россиян, поэтому отнесение их к разряду полностью ушедших слов может быть преждевременным и может опережать действительную степень пассивизации и перехода той или иной семемы из активного употребления в пассив. Представляется важным в этом отношении обратиться непосредственно к речевой деятельности и установить, на каком именно этапе перехода из актив в пассив находится та или иная семема, какие именно динамические процессы произошли в ее семной структуре.

В целях верификации данной гипотезы мы использовали экспериментальный анализ как объективный метод познания языковой реальности в сочетании с анализом лексикографических источников.

3.2. Методика проведения экспериментальной части исследования

Установить факт обновления языковой картины мира, ментальных установок носителей языка и всесторонне изучить эти явления современной лингвистической науке позволяет антропологический и культурно-исторический подходы, в рамках которых проводилось множество лингвокультуроведческих исследований [Б.М. Гаспаров (1996), В.И. Карасик (1992), Ю.Н. Караулов (1987), К.В. Томашев-

ский (1998), Человек – текст – культура (1994)]. Активные междисциплинарные исследования в области социолингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики и когнитивистики привнесли в научную парадигму понимание того, что значение слова является своеобразным зеркалом, отражающим общественное ментально-языковое сознание.

Конец XX – начало XXI столетия ознаменовано в лингвистической науке не только появлением новых лексикографических источников, фиксирующих новейшую и актуальную лексику, но и публикацией научных трудов в сфере изучения обыденного языкового сознания таких ученых, как И.Т. Вепрева [И.Т. Вепрева (2002)], А.Д. Васильев и Т.К. Веренич [А.Д. Васильев, Т.К. Веренич (2005)], О.А. Корнилов [О.А. Корнилов (2003)] и другие. Большую важность для нас в рамках данного исследования представляют труды отечественных ученых в области экспериментальной психосемантики. Работы Е.Ю. Артемьевой (1980), А.А. Залевской (1978, 1990, 1999), А.П. Клименко (1974), З.И. Комаровой (2012), Н.И. Кулаковой (2004), В.Ф. Петренко (1983, 19997а, 19976), Л.И. Плотниковой (Плотникова Л.И. 2003), З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Н.В. Уфимцевой (1983) посвящены различным эмпирическим способам исследования психологической формы бытования слов. Это, прежде всего, ассоциативный метод, метод семантического дифференциала, метод субъективного шкалирования, метод семантического радикала, разработанный известным психолингвистом А.Р. Лурией в сотрудничестве с О.С. Виноградовой, и другие методы исследования семантики.

Полагаем, что из всех типов эксперимента, описанных З.И. Комаровой, наиболее подходящим для наших исследовательских целей будет *активный однофазовый констатирующий эксперимент*, который «используется для проверки определенных предположений. В процессе этого эксперимента констатируется наличие определенной связи между воздействием на объект исследования и результатом, выявляется наличие определенных фактов» [Комарова 2012: 297]. Наш выбор типа эксперимента по исследованию степени забвения некоторых деактуализированных лексем определялся также накопленным и описанным в линг-

вистической литературе опытом проведения лингвистических экспериментов, фактически совпадающих с выбранным нами типом эксперимента.

В проведении эксперимента по исследованию степени забывания некоторых деактуализированных лексем мы опирались на методику лингвистического анкетирования [Левицкий, Стернин 1989: 4], которая предполагает проведение ряда последовательных операций: 1) предъявление респондентам анкеты; 2) получение ответов; 3) качественный и статистический анализ результатов анкетирования; 4) формулирование семантических признаков на основе полученных результатов. **Главной целью эксперимента** для нас было изучение отражения в обыденном сознании носителей языка семантики и прагматики отобранных нами лексем и наблюдение за степенью их забывания.

Процедура анкетирования. Эксперимент проводился в форме группового анкетирования с октября 2013 по апрель 2014 года. В роли информантов выступили 153 человека от 13 до 35 лет, все они жители города Белгорода и Белгородской области. В исследовании были задействованы учащиеся средних школ г. Белгорода (СОШ № 37, СОШ № 43), студенты первого и второго курсов очного и заочного отделений филологического и юридического факультетов Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»), работники сферы образования, преподаватели средних учебных заведений, журналисты. На рисунке 4 наглядно отражен возрастной состав информантов. Респондентам было предложено записать все известные им значения заранее подобранных слов-стимулов.

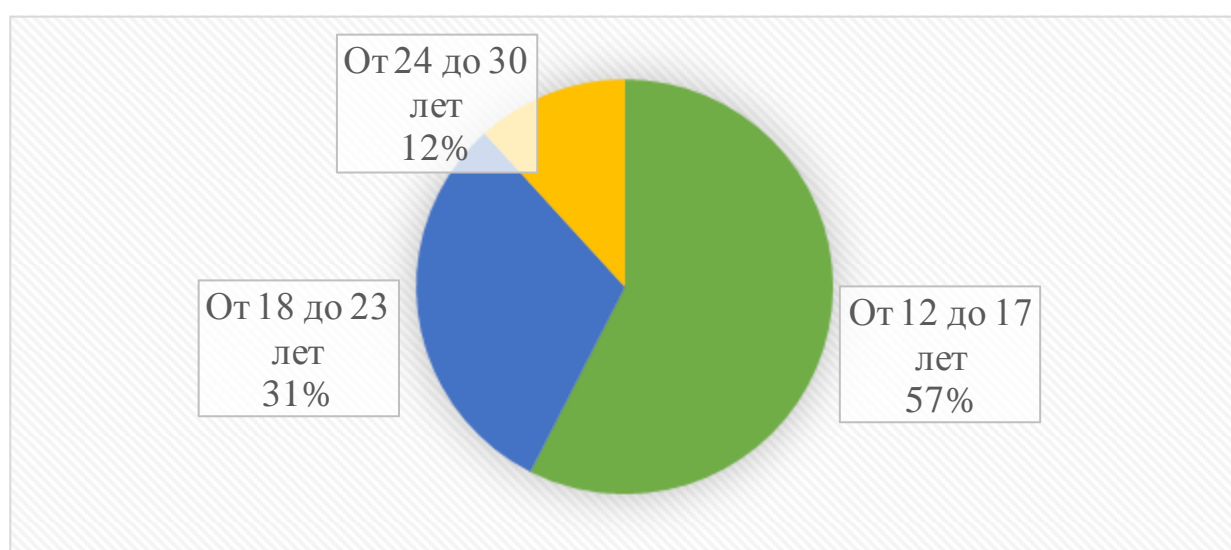
Разумеется, в рамках одного эксперимента не представляется возможным исследовать весь корпус наблюдаемой лексики, поэтому нами была произведена выборка слов, которые, на наш взгляд, можно считать диагностирующими.

Конечный список слов-стимулов состоял из 19 единиц и включал в себя следующие лексемы: *вредитель, диссидент, империалист, летун, лишенец, несун, общественник, оппортунист, осведомитель, особист, отщепенец, передовик, политрук, пролетарий, сексот, туняедец, ударник, чекист, шарага*. При ответах на вопросы испытуемые должны были опираться только на собственный языковой

опыт, не задумываясь и не обращаясь за ответом к словарям или другим источникам. Анкетирование проводилось в письменном виде анонимно с указанием возраста, пола и рода деятельности информанта (ученик, учитель, студент, журналист, преподаватель колледжа и т.п.). Время выполнения задания было условно ограничено 20 минутами.

От информантов был получен разнообразный языковой материал (более 1000 ответов).

Рисунок 4. Возрастной состав информантов

Первичная обработка данных. На первом этапе обработки полученных результатов нами был произведен подсчет количества отказов на то или иное слово-стимул (см. приложение 3). Как показал количественный анализ результатов, больше всего отказов получили слова-стимулы *пролетарий*, *политрук*, *оппортунист*, *сексот* и *шарага*.

На следующем этапе нами было подсчитано количество респондентов (в процентном соотношении), отреагировавших так или иначе на предложенные нами слова-стимулы. Результаты подсчета отражены в приложении 4. Исследование полученного материала показало, что на слова-стимулы *вредитель* и *ударник* отреагировали все информанты, хотя большинством было зафиксировано значе-

ние семем *вредитель-1* – «животное, насекомое, причиняющее вред в сельском, складском и лесном хозяйстве, а также в быту» (БТС) и *ударник-3* – «музыкант, играющий на ударных инструментах». Небольшое число отказов наблюдается и у слов *лишинец*, *общественник*, *осведомитель* и *отщепенец*, которые определялись в основном по их «живой» внутренней форме, сохраняющей свой след в корневых морфемах слов. Достаточно хорошо в обыденном языковом сознании молодых людей сохранилась лексема *туняедец*, на нее не отреагировали всего 10 из 153 человек.

3.3. Анализ результатов эксперимента

Дадим общую характеристику восприятию лексем, подвергшихся проверке.

Больше всего сложностей вызвало слово *пролетарий* (рисунок 5). Лишь небольшое число информантов (10 %) указали общую характеристику, более или менее приближенную к точным («пролетарий – это рабочий»), которая, конечно, не исчерпывает всего объема семантики семемы *пролетарий*. Некоторые школьники и студенты дали нам и неправильные ответы, заставляющие задуматься (публикуем такие ответы с ошибками, допущенными самими информантами):

Где-то слышБл это слово, там главное в объединении, но точно не могу сказать, что это такое;

Это, наверное, те, которые соединяют хотят разные страны. А Россию к США предлагают присоединить, типа того ... (по телевизору недавно я слышал про каких-то придурков в этом роде, но не вникал в суть).

Эти ответы обусловлены, во-первых, социально-политической атмосферой сегодняшнего дня и мощным воздействием СМИ. При этом они отражают факт невнимательного отношения к материалам СМИ и факт отсутствия желания разобраться в сути услышанных сообщений. Во-вторых, в них также отражается след задержавшегося в народной памяти некогда всем известного, пожалуй, самого яркого, лозунга большевиков «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Другие ответы современной молодежи:

Что-то вроде нового русского,

Олигархи какие-то особые,

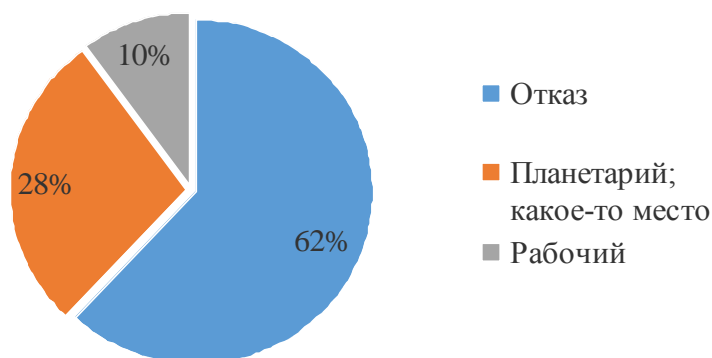
Борцы за какие-то идеи – как бы ещё России навредить

также обусловлены социально-политической средой нового времени в полном соответствии со словами академика В.В. Виноградова об осмыслении прошлого «под влиянием господствующих идей современности» [Виноградов 1955: 15]. Это примерно такая же ситуация с пониманием значений устаревших советизмов современными молодыми людьми, как та, о которой пишут В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина, в частности, слово *нарком* для современной молодежи – это сокращение слова *наркоман* [Мокиенко, Никитина 1998: 6].

Многие респонденты (28 %) определили слово *пролетарий* как «место» по аналогии с лексемой *планетарий*: «*Пролетарий – это помещение, где небо со звездами показывают*» обусловлены уже влиянием языковой системы: в данном случае четко «работает» парадигма паронимов пролетарий – планетарий. Грамматическое и фонетическое сходство данных лексем привело к копированию семы «место» в структуру лексического значения анализируемого слова. В этом случае мы наблюдаем явление ложной семантизации, иными словами, переноса ядерных сем, что можно считать основой для явления лексической паронимии.

Анализируемое слово имеет несколько различных дефиниций в словарях, изданных в СССР. Так, лексема *пролетарий* в соответствии с указанным в ТСУ толкованием имеет два значения: «**1.** Лишенный средств производства наемный рабочий в капиталистическом обществе. **2.** В древнем Риме – не принадлежащий к рабам бедняк, неимущий человек» (ТСУ).

ПРОЛЕТАРИЙ (рис. 5)

Словарь С.И. Ожегова (1953) приводит только одно значение – «наемный рабочий в капиталистическом обществе, лишенный средств производства, угнетаемый и эксплуатируемый буржуазией» (ОЖ). МАС фиксирует два значения: «1. наемный рабочий в капиталистическом обществе, лишенный средств производства и живущий продажей своей рабочей силы. 2. *Ист.* Гражданин древнего Рима, принадлежащий к сословию неимущих» (МАС).

Чтобы ясно представить процесс деактуализации словарных значений, представим его в форме таблицы, включив в нее дефиниции советского времени и определения, полученные по результатам эксперимента от информантов (таблица 1).

Обращает на себя внимание наличие в советских толкованиях лимитирующей семы «в капиталистическом обществе», которая отсутствует в полученных ответах. Интересно, что ядро значения семемы (за исключением ограничительно-го компонента) представлено в дефинициях информантов не полностью, а с усечением семы «наемный».

Таблица 1. Динамические процессы в структуре семемы *пролетарий* с учетом результатов эксперимента

ТСУ 1935-1940 (<i>пролетарий-1</i>)	ОЖ 1953 (<i>пролетарий</i>)	БАС 1950-1065 (<i>пролетарий-2</i>)	МАС 1985-1988 (<i>пролетарий-1</i>)	Дефиниции информантов
1) наемный рабочий /в капиталистическом обществе/	1) наемный рабочий /в капиталистическом обществе/	1) наемный рабочий /в капиталистическом обществе/	1) наемный рабочий /в капиталистическом обществе/	1) рабочий
2) лишенный средств производства	2) лишенный средств производства	2) лишенный средств производства	2) лишенный средств производства	не зафиксировано
не зафиксировано	3) угнетаемый и эксплуатируемый буржуазией	не зафиксировано	3) живущий продажей своей рабочей силы	не зафиксировано

Кроме того, структура семемы *пролетарий* в словаре С.И. Ожегова (1953) расширяется политизированным компонентом «угнетаемый и эксплуатируемый

буржуазией», представляющим непосредственно идеологическую надстройку, которая отсутствует в других словарях. Этот факт заслуживает особого внимания. Известно, что словарь Д.Н. Ушакова 1935 – 1940 годов издания (ТСУ) создавался в условиях цензуры и усиленного наполнения идеолого-оценочным содержанием в дефинициях его словарных статей. Но в этом словаре компонентов идеологического типа у слова *пролетарий* еще не было, они появились позже и фиксируются словарем С.И. Ожегова (1953). Данный факт свидетельствует в пользу предположения, что в советское время сознательно данная лексема определялась на роль идейного символа большевиков, стремящихся завоевать абсолютное доверие и *беззаветную преданность* широких масс обездоленного народа. Обогащение лексического значения слова даже только идеологическими или оценочными семами может повлиять на общую семантику слова, поскольку происходит внутренняя перестройка и перераспределение функций у слов соответствующей микросистемы внутри тематических или лексико-семантических групп словарного состава языка. Как отмечает Д.Н. Шмелев «Появление в семантике слова эмоционально-оценочных элементов, если они устойчиво закрепляются за словом, приводит к более или менее заметным сдвигам в его соотношении с другими словами и, как неизбежный результат, к изменению его собственной семантической структуры» [Шмелев 1964: 113].

По итогам проведенного опроса можно сделать вывод, что все семы второго и третьего порядка («лишенный средств производства», «угнетаемый и эксплуатируемый буржуазией», «живущий продажей своей рабочей силы») в «наивном» сознании граждан не сохранились и деактуализировались, но часть семемы *пролетарий* до сих пор присутствует с усечением компонента «наемный», то есть архисема «рабочий» все еще жива и была нами зафиксирована с помощью процедуры лингвистического анкетирования. Стоит отметить, что ТСРЯ XX не дает толкования слова *пролетарий*, но в кратком толковом словаре О.П. Ермаковой «Жизнь российского города в лексике 30 – 40-х годов XX века» (ТС Ермаковой) оно фиксируется как уходящее с приведением дефиниции, аналогичной ТСУ.

Слова-стимулы *политрук, особист, чекист* трактовались респондентами путем поиска «ложной» внутренней формы.

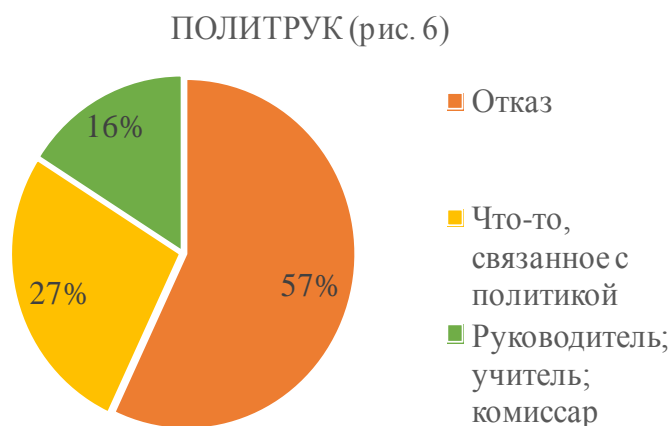
Идея поиска семантической и структурной соотнесенности слов в языкознании не нова. В XIX веке первым, кто предложил использовать в науке о языке понятие «внутренней формы» стал Вильгельм фон Гумбольдт, относя это явление целиком ко всему языку: «...понятия интеллектуальные и почерпнутые во внутреннем чувстве, совершенствуясь в своем употреблении, придают обозначающим их звукам более глубокое и одухотворенное содержание...» [Гумбольдт 1984: 106].

Мысль о том, что лексическое значение слова мотивируется некой «внутренней» идеей, оказалась близка и отечественным ученым. Вслед за Вильгельмом фон Гумбольдтом эту теорию развивали Г.Г. Шпет и А.А. Потебня, обогативший понятие внутренней формы и связавший его с поэтическим творчеством народа. «По мере того как мысль посредством слова идеализируется и освобождается от подавляющего и раздробляющего ее влияния непосредственных чувственных восприятий, слово лишается исподволь своей образности», – утверждал ученый [Потебня 1989: 196].

Действительно, явление «внутренней формы» слова глубоко психологично и связано со стремлением связать, отождествить слово с тем, что оно называет. Корни его уходят в древность, когда происходил активный процесс формирования основного фонда общеупотребительной лексики. Как пишет Н.Ф. Алефиренко, «внутренняя форма языковых знаков рассматривается нами как синхронный эпидигматический компонент их семантической структуры, служащий идиоэтнической основой косвенно-производной номинации, т. е. отражающий тот денотативный признак, по которому и был наименован соответствующий фрагмент реальной действительности» [Алефиренко 2005б: 134].

С точки зрения синхронного понимания надобности в «назывании» нет, мотивационная связь между словами постепенно пропадает. По этому поводу в книге «Слово и миф» А.А. Потебня писал: «Хотя исходная точка языка и сознательной мысли есть сравнение и хотя все же язык происходит из усложнения этой

первоначальной формы, ... отсюда не следует, чтобы мысль говорящего при каждом слове должна была проходить все степени развития, предполагаемые этим словом. Напротив, в большинстве случаев необходимо забвение всего, предшествующего последней форме нашей мысли» [Потебня 1989: 195]. Но в том случае, если слово для носителя языка оказывается непонятным, когда невозможно определить его лексическое значение путем поиска аналогов в других языках или подбора синонимов, говорящий стремится отождествить значение слова с другим, наиболее близким и понятным, прибегнув к его объяснению через внешнее сходство лексем или отдельных морфем (чаще всего корня). Это «ложное» понимание внутренней формы, по утверждению А.А. Потебни, создается самим понимающим [Там же: 198]. Его ярко иллюстрируют результаты проведенного эксперимента.

Так, 57 % респондентов вообще не смогли определить значение слова *политрук*. 27 % опрошенных определили его как «что-то, связанное с политикой». Некоторые все же отождествили «политрука» с руководителем, учителем или комиссаром (рисунок 6).

При советской власти под словом *политрук* понимали «Лицо военно-политического состава, руководящее политической работой в подразделениях войсковых частей» (ОЖ). В ТСУ приводится следующее определение лексемы *политрук*: «(нов.). 1. Первое специальное звание военно-политического состава всех родов войск СССР. 2. Первоначально в Красной армии и флоте – лицо, руко-

водящее политической работой в подразделениях войсковых частей» (ТСУ). В данном случае нас интересует семема *политрук-2*.

Обратимся к сравнению полученных данных с лексикологическими материалами.

Таблица 2. Динамические процессы в структуре семемы *политрук* с учетом результатов эксперимента

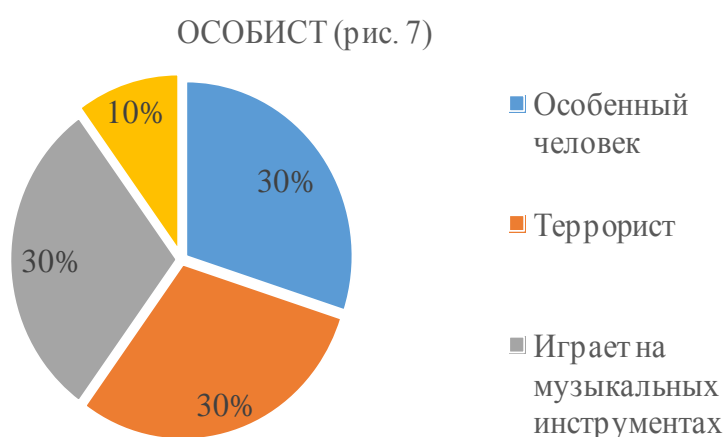
ТСУ 1935-1940 (<i>политрук-2</i>)	ОЖ 1953 (<i>политрук</i>)	БАС 1950-1065 (<i>политрук</i>)	МАС 1985-1988 (<i>политрук</i>)	Дефиниции информантов
1) лицо /первоначально в Красной армии и флоте/	1) лицо /военно-политического состава/	1) /в вооруженных силах СССР до 1942 г./ лицо	1) лицо /военно-политического состава/	1) комиссар
2) руководящее	2) руководящее	2) руководившее	2) руководившее	2) руководитель, учитель
3) политической работой	3) политической работой	3) политической работой	3) политической работой	3) что-то, связанное с политикой
4) в подразделениях /войсковых/ частей	4) в подразделениях /войсковых/ частей	4) в подразделениях /войсковых/ частей	4) в подразделениях /войсковых/ частей /Советской Армии/	не зафиксировано
не зафиксировано	не зафиксировано	не зафиксировано	5) отвечавшее /наравне с командиром/ за боеспособность и политическое воспитание личного состава	не зафиксировано

Как видно из приведенных в таблице 2 материалов, в реакциях информантов на слово *политрук* не случайно появляется определение «комиссар», что является отголоском утраченной архисемы «лицо» и лимитирующих сем («военно-политического состава» или «первоначально в Красной армии и флоте»), так как по представлениям, сложившимся в народной среде, комиссар – это военный (*красный комиссар*). Так или иначе ядро семемы в сознании носителей языка со-

хранилось (думаем, не без влияния советских кинофильмов). Реакция «руководитель» указывает на то, что по внутренней форме данного сокращения информанты догадались, о чем идет речь.

Интересно, что в этом ряду появляется определение «учитель». Видимо, оно ассоциируется в сознании респондентов с образом руководителя, вышестоящего человека. Не полностью сохранились семы третьего порядка («политическая работа»), как видно из таблицы 2, остался только компонент «политической», на что указывает реакция «что-то, связанное с политикой», хотя, вероятно, снова сыграл свою роль фактор прозрачности внутренней формы, и информанты догадались по первой части сокращенного слова, что речь идет о политике. Компоненты четвертого и пятого ряда («в подразделениях войсковых частей Советской Армии», лицо, «отвечавшее наравне с командиром за боеспособность и политическое воспитание личного состава») при анализе ответов информантов зафиксированы не были, что указывает на их полную утрату в обыденном языковом сознании молодежи XXI века. В ТСРЯ XX слово не зафиксировано, что позволяет сделать вывод о его несомненной деактуализации и постепенному семантическому движению в сторону архаизации.

Корень *–особ–* в слове *особист* (рисунок 7) был ложно истолкован 30 %

респондентов. *Особист* – это «особенный человек», – посчитали 46 человек из 153. Суффикс *–ист–* также направил информантов по ложному пути. Несколько человек определили значение слова по аналогии с другими словами, образован-

ными этим суффиксом: «террорист», «играет на инструментах» («гитарист», «баянист», «пианист»).

При анализе данного слова мы столкнулись с рядом проблем, связанных с его принадлежностью к неофициальному разговорному стилю речи. Слово было «нежелательным» для советской власти, о существовании сотрудников особого отдела с трибуны говорить было не принято и опасно, соответственно, в толковых словарях, изданных при советской власти, его толкование отсутствует. Вследствие этого нам представляется правильным обратиться к современным лексикографическим источникам и на основании этого материала проследить динамические процессы в семантической структуре данной семемы (см. таблицу 3). Для сравнения нами были выбраны словари, фиксирующие значение анализируемого слова.

Таблица 3. Динамические процессы в структуре семемы *особист*

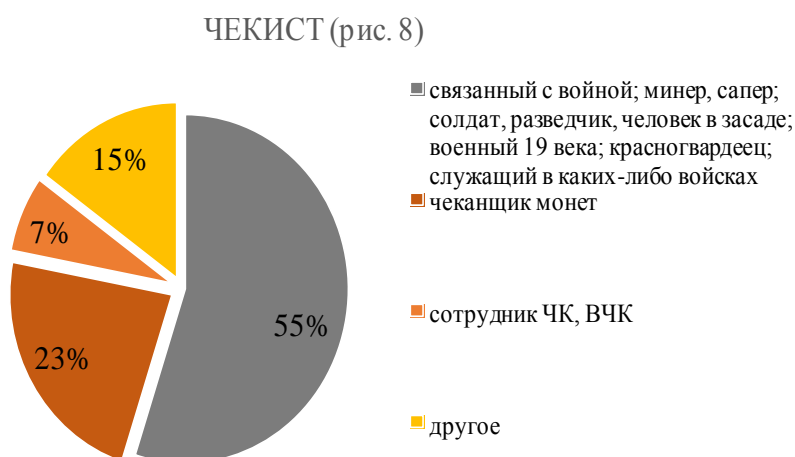
ТСРЯ XX (<i>особист</i>)	ТСЯС (<i>особист</i>)	БТС (<i>особист</i>)	Дефиниции информантов
1) работник	1) работник	1) сотрудник	1) особенный человек
2) особого отдела /в КГБ, армии и т.п./	2) особого отдела, особой части	2) особого отдела /в воинской части, на предприятии и т. п./	не зафиксировано
3) занимающийся вопросами	не зафиксировано	3) занимающийся вопросами /охраны/	не зафиксировано
4) политической благонадежности	не зафиксировано	4) государственной тайны	не зафиксировано
5) государственной безопасности	не зафиксировано	не зафиксировано	не зафиксировано

Из материалов таблицы 3 видно, что в обыденном сознании молодежи не зафиксировано ни одного компонента семной структуры этого слова, кроме указания на семантику лица, установленную путем «узнавания» внутренней формы и словообразовательной структуры слова (суффикса *-ист*). В ТСРЯ XX данная семема маркирована как уходящая, результат проведенного нами исследования

полностью подтверждает факт свершившейся деактуализации и начала процесса историзации, то есть слова *особист* можно отнести к разряду *новоисторизмов*.

Интерес представляют реакции, полученные на слово-стимул *чекист* (рисунок 8). Внешнее фонетическое сходство с глаголом *чеканить* позволило 23 % респондентов определить «чекиста» как «чеканщика монет». Значение слова *чекист* у 55 % опрошенных связывается с военным делом, 15 % из них написали слово с ошибкой – «чИкист» и посчитали, что речь идет о «солдате, выдергивающем чИку в гранате».

В данном случае поиск внутренней формы слова привел не только к орфографической ошибке, но и к ложному пониманию лексического значения, основанному на явлении лексической омонимии. Самыми частотными реакциями

стали «минер, сапер; солдат, разведчик, человек в засаде; военный 19 века; красногвардеец; служащий в каких-либо войсках». Только 7 % респондентов указали, что чекистом раньше называли сотрудника ЧК (ВЧК). Перечислим остальные реакции на рассматриваемое слово-стимул (на рисунке 8 – область диаграммы «другое»): «племя; тот, кто приносит вред неповинным людям; тот, кто знает все; шпион; иностранец; полицейский; борец за коммунизм; революционер; Че Гевара».

Обратимся к анализу лексикографических источников и сопоставим семный состав семемы *чекист* с полученными реакциями (см. таблицу 4).

Интересно, что семантическая структура анализируемого слова так или иначе присутствует в языковом сознании носителей языка. Это подтверждает и тот факт, что в толковом словаре под редакцией Г.Н. Складневской семема *чекист* помечается как реактивизированная в значении «О сотруднике Чека» (ТСРЯ XX), кроме того словарь фиксирует и современное употребление «О сотруднике органов государственной безопасности» (ТСРЯ XX), сравним с толкованием в словаре С.И. Ожегова – «Работник Чека, а также вообще – работник органов государственной безопасности» (ОЖ) или в толковом словаре О.П. Ермаковой – «Работник ЧК. Позднее – вообще работник «Органов государственной безопасности» (ТС Ермаковой).

Таблица 4. Динамические процессы в структуре семемы *чекист* с учетом результатов эксперимента

ТСУ 1935-1940 (<i>чекист</i>)	ОЖ 1953 (<i>чекист</i>)	БАС 1950-1065 (<i>чекист</i>)	МАС 1985-1988 (<i>чекист</i>)	Дефиниции информантов
1) работник	1) работник	1) работник	1) работник	1) сотрудник
2) Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией (Чека)	2) Чека /вообще – органов государственной безопасности/	2) Чека	2) Чека	2) ЧК

Отсюда следует, что в советское время существовала семема *чекист-2*, значение которой находим в «Толковом словаре языка совдепии»: «Работник ГПУ, КГБ; солдат внутренних войск» (ТСРЯ XX). Появление второго лексико-семантического варианта (ЛСВ) у слова *чекист* относится, вероятно, к эпохе 30-х – 40-х годов (в разгар сталинских репрессий) и связано с метонимическим переносом значения. Несомненно, что в постсоветской языковой картине мира мы наблюдаем отражение значения именно семемы *чекист-2*, и результаты прове-

денного нами анкетирования подтверждают это. Более половины реакций семантически связаны с понятием «солдат» («минер, сапер», «солдат, разведчик», «человек в засаде», «красногвардеец», «служащий в каких-либо войсках»). Примечательно появление номинативно-оценочных реакций, отражающих историко-культурные коннотативные семы внутри прагматики семемы *чекист-2*: «тот, кто приносит вред неповинным людям», «тот, кто знает все», «шпион», «борец за коммунизм», «революционер», связанных с негативным отношением в народной среде к сотрудникам органов политической безопасности как к карателям и палачам от власти, тиражирующемся в средствах массовой информации на постсоветском пространстве. Сравним полученные от информантов реакции с данными современных лексикографических источников (таблица 5).

Таблица 5. Отражение семантической структуры слова *чекист* в сопоставлении с современными лексикографическими данными

Семы по результатам опроса	ТСРЯ XX	ТС Ермаковой	ТСЯС	ОЖШ
«служащий /в каких-либо войсках/»	–	–	+	–
«солдат»	–	–	+	–
«красногвардеец»	–	–	–	–
«разведчик»	–	–	–	–
«человек в засаде»	–	–	–	–
«приносит вред неповинным людям»	–	–	–	–
«знает все»	–	–	–	–
«шпион»	–	–	–	–
«борец за коммунизм»	–	–	–	–
«революционер»	–	–	–	–

Четко прослеживается отсутствие фиксации коннотативных сем и сем историко-культурного характера в словарях новейшего периода, их можно обнаружить только в текстах культурной среды, художественной, документальной литературы, поэзии, публицистике и т.п., так как коммуникативное пространство данных текстов напрямую связано с ментально-психологической реальностью. Приведем примеры, ярко иллюстрирующие этот тезис: *Ведь свободу чекист корявый,*

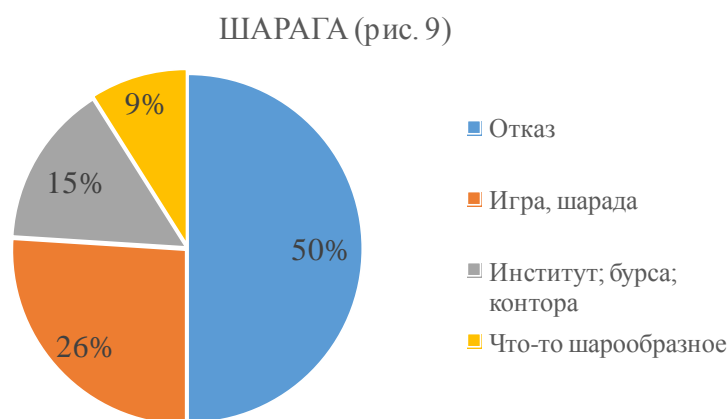
/ Словно мышь, придавил сапогом! (М. Колосова. Песня отщепенца, 1920 – 1937 гг.); *Нет невинных, грязен подвал, / и тот же дьявол-чекист в Берлине / правит тот же красный бал* (З.Н. Гиппиус. Бродячая собака, 1922 г.); *Но кого не ошельмует и не оболжет ретивый чекист?!* (О.В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца, 1988 г.); *Муж Марии Прокофьевны какой-то младший офицер, прожженный чекист, если он письмо найдет, он ее убьет, и теперь проблема, где хранить написанное: о письме знает и Анна, она, как был бы и доктор, против написания, но посоветовала ни в коем случае не держать в землянке, и остается только больница, но там тоже, как и во всем лагере, бывают обыски, реже, но бывают...* (Татьяна Окуневская. Татьянин день, 1998 г.); *Тупой догматик. Кровавый чекист. Или иначе: торжествующий хам, властолюбивое быдло* (Галина Шергова. ...Об известных всем, 2002 – 2004 гг.); *Подобными методами НКВД пользовалось и до этого: зимой 1938 – 39 годов чекист Боков по приказу Берии убил одного из советских послов на Ближнем Востоке* (Дмитрий Прохоров. Международные скандалисты // «Криминальный отдел», 2011 г.).

Результаты исследования семантической структуры слова *чекист* позволяют нам сделать вывод о существовании в русском языке двух его ЛСВ, причем ***чекист-1*** в значении «Работник ЧК» деактуализировался еще в ранние советские годы после упразднения Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Хотя в ТСРЯ XX она и фигурирует как реактивизированная, результаты лингвистического опроса факта возвращения в актив не подтверждают. Знание значения этой семемы зависит от возраста и уровня образования конкретного носителя языка. Совсем иначе складывается судьба семемы ***чекист-2*** в значении «Работник ГПУ, КГБ; солдат внутренних войск» (ТСРЯ XX), которая является по-прежнему актуальной и в «наивном» языковом сознании функционирует с сохранением семной структуры.

В фокус нашего внимания попадает также слово *шарага* (рисунок 9), которое номинирует такое знаковое явление советской эпохи как «шараги» или «шарашки». Слово это стилистически принадлежит лагерному жаргону и трактуется словарями как «Закрытое конструкторское бюро тюремного режима, в котором

заклученные (ученые, конструкторы, инженеры) работали над решениями военных и промышленных проблем (в 30 – 50-е гг.)» (ТСРЯ ХХ). Слово *шараика* было придумано самими заключенными в 30-е годы, когда при тюрьмах стали создаваться первые ОКБ (особые конструкторские бюро) и ОПБ (особые проектные бюро), вероятно, по аналогии со пренебрежительно-оценочным словом *шарага* из воровского арго, обозначающего «группу воров, расхитителей» (Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) – СТЖ). В советское время эти учреждения именуются также *спецтюрьмами* – специальными тюрьмами для содержания «крупнейших специалистов в различных областях науки и техники для организации тюремных научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро» (ТСРЯ ХХ), в них «под контролем органов безопасности» работали ученые и инженеры, как правило, осужденные за «вредительство», «шпионаж», «контрреволюционную деятельность», «саботаж строительства социализма», «подрыв оборонной мощи СССР» и т. п. (Жак Росси. Справочник по ГУЛАГу – Справочник Росси). Исторически начало формирования шаражек относится к 20-м годам прошлого века, когда в целях восстановления разрушенной за период Гражданской войны промышленности ОГПУ «сдавало в аренду» предприятиям арестованных инженеров и конструкторов, получая около 70 % от их заработной платы (Справочник Росси). Известно, что подобное практиковалось французами в конце XVIII века при якобинской диктатуре.

После распада СССР подневольный труд ученых придали широкой огласке

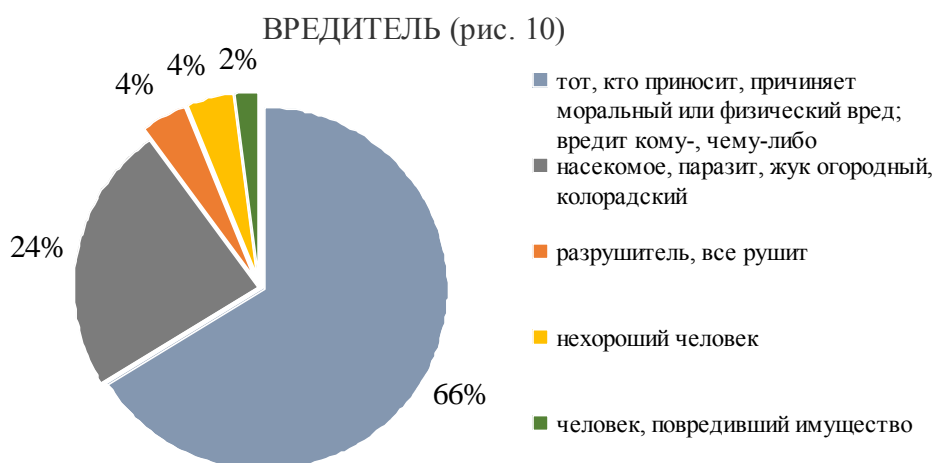
и осуждению. Существование подобных учреждений описано в произведениях художественной литературы, в документально-исторической прозе. Роман «В круге первом» А.И. Солженицын посвятил судьбе инженеров и конструкторов, оказавшихся в спецтюрьме за вредительство: *Все эти шарашки повелись с девятьсот тридцатого года, как стали инженеров косяками гнать... Опыт понравился. На воле невозможно собрать в одной конструкторской группе двух больших инженеров или двух больших ученых: начинают бороться за имя, за славу, за сталинскую премию, обязательно один другого выживет... А на шарашке? Ни слава, ни деньги никому не грозят. Николаю Николаичу полстакана сметаны и Петру Петровичу полстакана сметаны... Поиграют в шахматшики, покурят — скучно. Может, изобретем что-нибудь? Давайте! Так создано многое в нашей науке! И в этом — основная идея шарашек* (А.И. Солженицын. В круге первом).

Для подростков возраста 13 – 17 лет слово *шарага* вообще оказалось незнакомым: 77 человек из 153 даже не попытались дать толкование этому слову. В связи с тем, что последние годы в стране много говорят о шарагах, лагерях и других уродливых явлениях советского режима, по общедоступным каналам неоднократно были показаны экранизации романов А.И. Солженицына и В.С. Гроссмана, этот факт выглядит особенно странным. Есть опасения полагать, что не только сами дети, но и их родители практически ничего не знают об этих страницах истории, никогда не задумываясь, какой ценой советская власть добивалась того, чтобы «догнать и перегнать» Америку в гонке вооружений.

Несмотря на это, 26 % информантов заметили внешнее сходство слова *шарага* с игрой шарады, а 15 % вспомнили фразеологизм *шарашкина контора* и указали, что *шарага* – это «институт», «бурса» или «контора». Некоторые ошибочно мотивировали значение слова *шарага* корнем *-шар-*, полагая, что оно связано с шарообразной формой.

Семема *вредитель-2* (рисунок 10) толкуется в словарях советского времени как «Враг народа, человек, наносящий вред, зло народным, государственным интересам с преступной целью» (ОЖ), «Контрреволюционер, наносящий советско-

му государству экономический и политический вред с целью подорвать его мощь и подготовить антисоветскую интервенцию» (ТСУ). По результатам лингвистического анкетирования 66 % респондентов определили следующим образом: «тот, кто приносит, причиняет моральный или физический вред; вредит кому-либо, чему-либо». Вторым по популярности стал ответ «насекомое, паразит, жук огородный, колорадский», относящийся к омонимичной семеме *вредитель-1*

(«Животное, насекомое, причиняющее вред в сельском и лесном хозяйстве» – ТСУ).

Ни одна реакция не совпала со значением «тот, кто не лоялен к советскому строю, кто умышленно наносит вред государству, народу» (ТСРЯ ХХ).

Сопоставим лексикографические данные советской эпохи и полученные реакции (таблица 7).

Анализ семной структуры семемы *вредитель-2* позволяет нам утверждать, что в период зарождения и укрепления советской власти слово трактовалось сквозь призму идеологии большевизма. Большинство дефиниций, указанных в словарях того времени, содержат политически мотивированные семы с яркой отрицательной коннотацией: «враг народа», «контрреволюционер», «наносающий экономический и политический вред», «с преступной целью» или с целью «подорвать мощь» государства, «подготовить антисоветскую интервенцию» или «ре-

ставрацию капитализма». Практически всех вышеперечисленных идеологически маркированных сем слово лишилось уже к середине 80-х годов XX века. В 1985 году в МАС фиксируется уже новое деидеологизированное значение.

Проследим, каким образом происходили семантические процессы в структуре семемы *вредитель-2*. Необходимо отметить, что процессы трансформации семантики как правило начинаются с периферийных компонентов, в то время как ядерная сема (архисема) остается неизменной, в данном случае последовательный уход компонентов наблюдается на всех уровнях семантической структуры. В первую очередь слово лишилось части идеологически окрашенных периферийных сем, из-за чего многословные советские дефиниции резко сократились в объеме.

Таблица 7. Динамические процессы в структуре семемы *вредитель-2* с учетом результатов эксперимента

ТСУ 1935-1940 (<i>вредитель-2</i>)	ОЖ 1953 (<i>вредитель-2</i>)	БАС 1950-1065 (<i>вредитель-2</i>)	МАС 1985-1988 (<i>вредитель-2</i>)	Дефиниции информантов
1) контр – революционер	1) /враг народа/, человек	1) контр – революционер, /диверсант/	1) тот, кто (человек)	1) тот, кто
2) наносящий экономический и политический вред	2) наносящий вред, зло	2) наносящий экономический и политический вред	2) наносит вред	2) приносит, причиняет
3) советскому государству	3) народным, государственным интересам	3) советскому государству	3) кому-, чему-либо	3) моральный или физический вред
4) с целью подорвать его мощь	4) с преступной целью	4) с целью подорвать его мощь	4) умышленно	не зафиксировано
5) подготовить антисоветскую интервенцию	не зафиксировано	5) подготовить реставрацию капитализма	не зафиксировано	не зафиксировано

Интересно, что в МАС еще фиксируется сема «умышленно», отсутствующая в дефинициях, полученных от информантов. В центральной части семантиче-

ской структуры также произошли существенные изменения: «наносящий *экономический* и *политический* вред *советскому государству*» → «наносящий вред кому-, чему-либо», значение расширяется за счет ухода компонентов, конкретизирующих и ограничивающих круг обозначаемых явлений, то есть лимитирующих сем. Трансформационные процессы коснулись и ядра семантической структуры семемы. Номинативно-оценочные компоненты «враг народа», «контрреволюционер», «диверсант» подвергаются деидеологизации с сохранением архисемы «человек» («тот, кто»).

Итак, в структуре семемы *вредитель-2* произошел процесс деидеологизации с одновременным расширением значения.

На слово-стимул *диссидент* (см. рисунок 11) отреагировали 36 % респондентов (55 человек из 153), из них 21 % определили его как «предатель, отступник». Следующим по популярности стал ответ «инакомыслящий» (16 % респондентов). Интересным, на наш взгляд, является тот факт, что у некоторых опрошенных слово *диссидент* вызывало реакции, напрямую связанные с историко-культурными периферийными семами, а именно: «враг государства, зараженный иностранными идеями» (16 %), «скрывается от власти» (5 %), «выслан из страны» (5 %), «иммигрировавший» (5 %).

ДИССИДЕНТ (рис. 11)

Это является верным доказательством того, что создатели «Толкового словаря русского языка начала XXI века» были абсолютно правы, изменив порядок следования лексико-семантических вариантов в статье, посвященной данному слову. Действительно, после распада СССР в 1991 году первичное значение «Рел. Верующий, отступающий от официального религиозного учения или не подчиняющийся церковной дисциплине» перестало быть «идеологическим камуфляжем», а на фоне повышенного интереса к политическим просчетам и преступлениям большевиков и вовсе отошла на второй в сознании носителей языка. Иными словами, внутри лексемы *диссидент* произошла *взаимозамена семем*. Чтобы понять причины этого явления, обратимся к рассмотрению семантической истории данного слова.

Происхождение слова *диссидент* этимологическая наука связывает с латинским *dissidentis* – «несогласный, противоречащий» (Большой этимологический словарь русского языка – БЭС). В русский язык оно пришло, вероятно, в XVIII веке, так как СРЯ XI – XVII не фиксирует его употреблений. Диссидентами называли людей, не являющихся католиками по вероисповеданию или не согласных с догматами католической религии, речь идет, например, о православном населении в Польше, Белоруссии и Западной Украины. В XIX веке слово по-прежнему трактовалось в религиозном ключе, но его семантическая структура видоизменяется, претерпевая расширение денотативного содержания. В словаре В.И. Даля приведена такая дефиниция: «иновѣрецъ или раскольникъ вообще, не принимающій господствующаго гдѣ исповѣданья» (Даль 1880 – 1882). В XX веке на основе уже существующего в языке значения образуется новая дефиниция. В СССР диссидентами называли несогласных с коммунистической идеологией, но в словарях того времени мы встречаем следующие определения: «*Истор.* Лицо, принадлежащее не к тому вероисповеданию, которое господствует в стране» (ТСУ), «У католиков: лицо, отколовшееся от господствующего вероисповедания, вероотступник» (ОЖ), «*Истор.* Лицо, принадлежащее не к тому вероисповеданию, которое признано государственной религией в данной стране» (БАС), «*Устар.* Тот, кто отступает от господствующего в стране вероисповедания; вероотступник» (МАС).

Современные же лексикографические источники указывают два значения: «1. Верующий, отступающий от официального религиозного учения или не подчиняющийся церковной дисциплине. 2. В советск. время: тот, кто не разделял идеи коммунистической идеологии, противостоял существующему режиму и подвергался за это преследованиям и репрессиям» (ТСРЯ XX), «*Неодобр.* Или *бран.* Тот, кто не согласен с господствующей в стране идеологией, проводимой политикой, существующей системой, инакомыслящий» (ТСЯС), «1. *Церк.* Человек, религиозное мировоззрение которого не соответствует канонам католической церкви. 2. Тот, кто не согласен с господствующей идеологией в стране, обществе; инакомыслящий» (БТС), «(книжн.). 1. Лицо, отколовшееся от господствующего вероисповедания, вероотступник. 2. Человек, не согласный с господствующей идеологией, инакомыслящий» (ОЖШ).

По результатам проведенного экспериментального исследования видно, что самые частотные реакции «предатель» и «отступник» соответствуют значению семемы *диссидент-1*. Ввиду того, что советские издания не фиксируют интересующего нас значения семемы *диссидент-2*, для анализа используем толкования современных словарей (таблица 8).

Таблица 8. Отражение в обыденном сознании россиян семантики семемы *диссидент-2*

Семы по результатам опроса	ТСРЯ XX	ТСЯС	БТС	ОЖШ
инакомыслящий	+	+	+	+
враг государства	–	–	–	–
зараженный иностранными идеями	–	–	–	–
скрывается от власти	+	–	–	–
выслан из страны	–	–	–	–
иммигрировавший	–	–	–	–
осуществлял деятельность против коммунистического режима	+	–	–	–

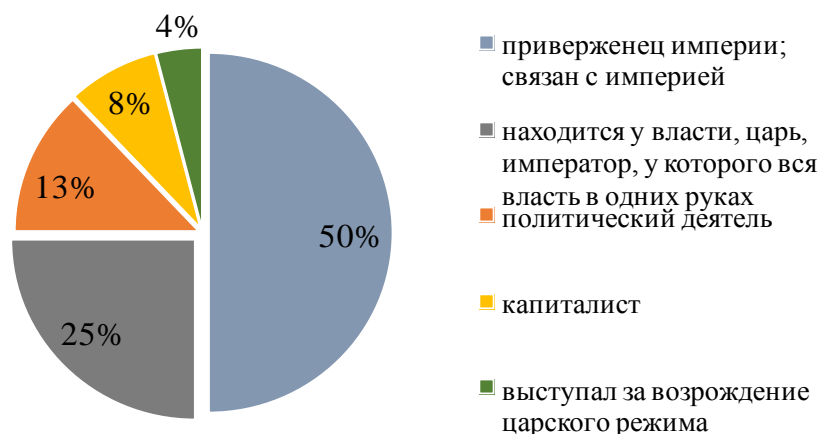
Из проведенного анализа следует, что молодые люди до 30 лет достаточно много знают о феномене диссидентства и приводят интересные значения, не за-

фиксированные в словарях новейшего периода. Появление подобных реакций вызвано, по нашему мнению, распространением прежде всего на телевидении, в сети Интернет и публицистике романтизированного образа советского диссидента как свободного человека, осмелившегося высказывать вслух свое недовольство, пострадавшего за истину. Примеров тому можно привести множество (все – НКРЯ): *В опубликованной в интернете 21 сентября статье «Как антисоветчик антисоветчикам» Подрабинек, диссидент с советским стажем, дважды сидевший в тюрьме за свои убеждения, выразил недовольство переименованием шашлычной по настоянию городского совета ветеранов (Ольга Радько. В «Единой России» разгорается скандал // Новый регион 2, 2009.10.07); Оказывается, старший Бразинкас чуть ли не диссидент, он, бедняга, подвергался в Советском Союзе преследованиям за участие в «литовском сопротивлении» (так в США именуют банды «лесных братьев»). (Кровавый промысел (2004) // «Солдат удачи», 2004.05.05); У нас люди, которые всю жизнь боролись за то, чтобы честь и достоинство стали нормальной атрибутикой российской жизни, умирают – умер Михаил Михайлович Молоствов, диссидент, правозащитник, политический зэк, который в декабре-январе 1994 – 1995 гг. добровольно взял на себя роль живого щита для женщин и детей в корчащемся под бомбами Грозном (Евгения Альбац. Почему полковники умнее генералов (2003) // «Новая газета», 2003.01.23); Другие уверены – это дело рук ЦРУ, получившего информацию о том, что диссидент Галич собирается вернуться в Россию, по которой он страшно тосковал (Александр Милкус. Тайна гибели Александра Галича до сих пор не разгадана // Комсомольская правда, 2013.10.19).*

Слова-стимулы *империалист* (рисунок 12) и *осведомитель* (рисунок 13) вызвали у респондентов различные реакции непрямого и обобщенного характера.

Половина опрошенных считает, что империалист – это «приверженец империи», 13 % указали, что это «политический деятель». Появление данных реакций, вероятно, связано с установлением в сознании говорящих оппозиционных связей *империалист – республиканец – демократ* и т. д. Полученные реакции на первую лексему оказались ассоциативно связаны с монархическим политическим строем:

ИМПЕРИАЛИСТ (рис. 12)

25 % респондентов уверены, что *империалист* – это «царь, император, у которого вся власть в одних руках».

Лишь 8 % реакций подтвердили наличие в языковом сознании носителей языка советского идеологического компонента «капиталист», присутствующего в словарных дефинициях советского времени: «Крупный капиталист, враг демократии и прогресса, ведущий политику империализма» (ОЖ). Принимая во внимание этот факт, мы можем сделать вывод о несомненной деактуализации лексемы *империалист*, что соответствует лексикографическим данным (в ТСРЯ XX слово отмечено как уходящее).

Самыми частотными реакциями на стимул *осведомитель* стали определения «тот, кто сообщает, осведомляет кого-либо о чем-либо» и «информатор, распространяет, рассказывает, передает информацию другим» (41 % и 21 % соответственно). Это соответствует приведенным в большинстве словарей толкованиям, например: «Лицо, которое осведомляет о чем-нибудь» (ОЖ), «Тот, кто осведомляет кого-либо о чем-либо, доставляет кому-либо нужные сведения» (МАС). Значение «агент, добывающий секретные сведения в разведывательных целях», зафиксированное в БАС, оказалось практически незнакомо участникам эксперимента.

Совершенно немногочисленными оказались ответы «сотрудничает с разведкой».

ОСВЕДОМИТЕЛЬ (рис. 13)

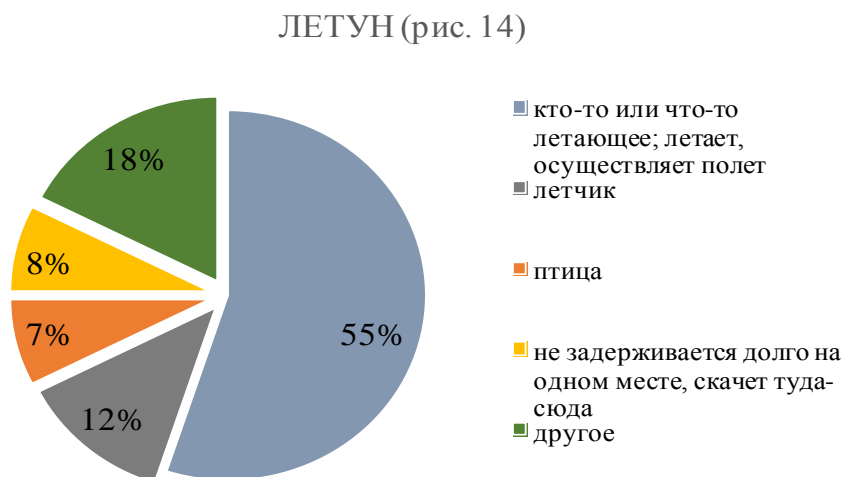

Очевидно, что семема *осведомитель* в значении «агент, занимающийся доносительством» (ТСРЯ XX) или «человек, доставляющий нужные сведения органам государственной безопасности» (ТСЯС) также в сознании современной молодежи полностью не сохранилась, хотя сформированное в советской ментально-языковой картине мира негативное, подозрительное отношение (надо сказать, не без оснований) к феномену осведомительства оказалось весьма прочным и передало слову мощный прагматический потенциал с отрицательной коннотацией. Историко-культурные коннотативные семы «доносчик», «стукач» выявлена лишь в 14 % случаев. Интересно, что 8 % респондентов связали значение данного слова со значением лексем *ознакомитель*, *консультант*. Этот факт говорит о смешении в сознании говорящих смысловой структуры двух различных по значению глаголов *осведомлять* – «сообщать сведения, известить» (ТСУ) и *ознакомлять* – «сообщить сведения, дать некоторые знания» (ТСУ). Разница между ними не столь ощутима, но все же существенна и состоит в том, что в первом случае признак действия пролонгирован в хронологическом отношении, а во втором случае действие является сингулятивным. Реализуется данное отличие с помощью видовой характеристики ядерной семы (*сообщать* – глагол несовершенного вида, указывает на неоднократность действия, *сообщить* – совершенный вид, указывает на единичность действия). Несомненно, лексические значения указанных слов ближе

к периферии расходятся, что проявляется в тончайших оттенках смысла и разном культурно-историческом наполнении.

Аналогичный процесс выявляется при исследовании отражения в бытовом сознании семантики и прагматики слов *летун* (рисунок 14) и *несун* (рисунок 15). Подавляющее большинство респондентов дали ответы, семантически близкие к значению семеме *летун-1* – «Тот, кто хорошо летает, скачет» (ОЖ): *летун* – «кто-то или что-то летающее; летает, осуществляет полет» (55 %), *несун* – «тот, кто что-то несет, носит» (58 %). В лексикографических источниках советского времени зафиксированы толкования, содержащие идеологически маркированные словарные пометы, отражающие намерение властей сформировать в общественной среде негативное отношение к летунам и несунам как к нежелательным явлениям советской действительности.

Активная большевистская пропаганда предлагала гражданам честно и добросовестно трудиться на благо социалистического общества, желательно всю жизнь на одном предприятии за гроши: *В результате этого добросовестные и*

талантливые работники искусства нередко остаются в тени, а летуны, лодыри и рвачи кричат о своих мнимых заслугах, выхватывают себе всякие блага (Неизвестный автор. Поощрять честных и преданных работников (1939.01.18) // «Советское искусство». № 9 (589), 1939 г.). А тех, кто осмеливался искать лучшей жизни, пресловутая уравниловка могла не только пристыдить, обсудить при всем

коллективе, но и припугнуть посерьезнее: *Власть уже давно принимает самую суровую меру, чтобы удержать «летунов»: беглецов лишают продовольственных карточек и права на квартиру, им грозят всяческими скорпионами, а они все бегут* (Обзор советской России // Вестник Общества Галлиполийцев № 14, 1934 г.); *Местком же не подумал поставить вопрос о дальнейшем пребывании летуна в профсоюзе* (А. Кут. Трудовая дисциплина в московских театрах (1939.01.16) // «Советское искусство». № 8 (588), 1939 г.).

При советской власти рассматриваемые слова породили множество интересных политически и экономически мотивированных устойчивых сочетаний, представляющих огромную ценность для научного анализа, например, *борьба с*

НЕСУН (рис. 15)

летунами (вести решительную борьбу с летунами), навести большевистский порядок, изгнать летунов, укрепить трудовую дисциплину, например:

До сих пор в театрах нет еще настоящей большевистской борьбы с летунами, лодырями и дезорганизаторами производства. (Неизвестный автор. За укрепление трудовой дисциплины в театрах (1939.01.14) // «Советское искусство». № 7 (587), 1939 г.); *Будем бороться с летунами и прогульщиками. Вопрос о крепкой производственной дисциплине волнует всех работников искусства* (А. Искандеров. Будем бороться с летунами и прогульщиками (1939.01.08) // «Совет-

ское искусство». № 4 (584), 1939 г.); *Постановление поможет навести большевистский порядок в огромном хозяйстве театрально-зрелищных предприятий, учреждений и художественных учебных заведений, изгнать оттуда летунов, лодырей, рвачей и других дезорганизаторов производства, укрепить трудовую дисциплину и, создав еще лучшие условия честным труженикам, развернуть подлинную борьбу за новый подъем советского искусства* (А. Пашковский. Попустительство дезорганизаторам производства – лодырям, прогульщикам, летунам – антинародное дело. Укрепим трудовую дисциплину (1939.01.06) // «Советское искусство». № 3 (583), 1939 г.); *Нужно повести решительную борьбу с нарушителями дисциплины, летунами и рвачами, не пропуская ни одного проступка* (О. Гантман. Избавить производство от разгильдяев (1939.01.04) // «Советское искусство». № 2 (582), 1939 г.).

Обратимся к словарям того времени и приведем, к примеру, такие значения: *летун-4* – «перен. Рабочий или служащий, часто меняющий места работы, переходящий с одного производства на другое в погоне за большим заработком (нов. неодобрит.)» (ТСУ), *летун-2* – «Тот, кто часто меняет место работы в погоне за большим заработком (неодобр.)» (ОЖ), аналогично – БАС, «Тот, кто часто меняет место работы» (МАС), *несун* – «Разг. Неодобр. В советск. время: человек, совершающий мелкие хищения с места работы» (ТСРЯ XX). К моменту начала нового века из семантической структуры исчезают негативные коннотативные семы: *летун* – «О том, кто часто меняет место работы» (БТС), *несун* – «Тот, кто совершает мелкие кражи, уносит что-либо оттуда, где работает» (БТС), то есть происходит процесс деидеологизации.

Знание лексико-семантических вариантов слов *летун* и *несун*, бытовавших в советскую эпоху, показали некоторые респонденты в возрасте от 30 до 35 лет, но, к сожалению, таких ответов меньшинство: 8 % указали, что летун – это тот, кто «не задерживается долго на одном месте, скачет туда-сюда» (рисунок 14) и только 5 % опрошенных написали, что несун – это «вор», который «тащит с работы, что плохо лежит». Обратим внимание на ироничное отношение к предмету речи.

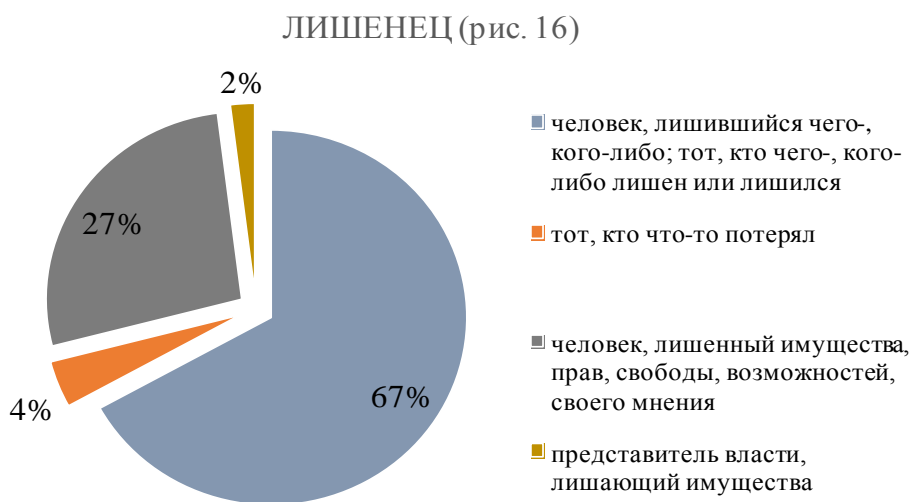
В толковом словаре под редакцией Г.Н. Складневской (1998) анализируемые слова маркированы как уходящие. Мы поддерживаем эту точку зрения, поскольку полученные результаты экспериментального исследования подтверждают факт их перехода в пассивный словарь.

Подавляющее большинство информантов (а это учащиеся средних школ и студенты высших учебных заведений) пытались определить слова через поиски их внутренней формы. Выявленные реакции подобного характера представляют большой интерес для исследований в области психосемантики, поскольку они связаны с таким мыслительным феноменом, как внутренняя форма слова. Слова *летун* и *несун* вызвали в сознании опрошенных целый ряд ассоциаций, основанных на семантизации значений корневой морфемы под воздействием системных связей соответствующего словообразовательного гнезда: *лет* (*лететь*), *нес* (*нести*). Как и в других случаях проводимого эксперимента, мощное влияние оказывает внутренняя форма, активно влияя на процесс семантизации малопонятного слова. Так, лексема *летун* определялось как «летчик» (13 %), «птица» (8 %). 18 % реакций оказались единичными (на рисунке 13 – область диаграммы «другое»): «самолет», «летучая мышь», «насекомое», «белка» (сравни *летун-3*: «Спец. Порода сумчатых белок» (БАС)), «взбалмошный человек», «неуклюжий человек», «человек, который постоянно куда-то летает, например, по командировкам». На стимул *несун* наблюдались следующие реакции: «грузчик, переносит грузы, вещи, предметы; сумку, багаж» (16%), «несет информацию» (5 %), «курица» (5 %), единичные ответы (на рисунке 14 – область диаграммы «другое»): «аист», «нечестный человек», «несет на себе все тяготы жизни», «помощник».

Можно сделать вывод, что коннотативно-идеологическое приращение фактически отсутствует в генетической памяти молодых людей от 13 до 30 лет. В языковом сознании говорящих по большей части возникают лишь те ассоциации, которые связаны с внутренней формой данных слов и их денотативной мотивированностью.

Анализ полученных результатов показал, что наличие сильной степени проявления внутренней формы наблюдается и в процентном соотношении реакций на стимулы *лишенец* (рисунок 16) и *отщепенец*. 27 % опрошенных определили слово *лишенец* так: «человек, лишенный имущества, прав, свободы, возможностей, своего мнения».

Вряд ли в этом случае можно говорить о знании советского значения «человек, лишенный избирательных и других гражданских прав в связи с принадлежностью к эксплуататорскому классу» (имеется в виду, по своему происхождению) (МАС) в чистом виде, так как речевые штампы официальной советской пропаганды (*эксплуататорский класс, рабочий класс*), вероятно, малоизвестны в молодежной среде.

При сравнении указанной выше дефиниции информантов и словарных толкований советского времени, мы можем наблюдать, как именно происходил процесс деидеологизации данного слова (см. таблицу 9).

Изменения в семантической структуре коснулись, прежде всего, периферийных сем. Из прагматики слова *лишенец* исчез важный идеолого-коннотативный компонент как «принадлежность к эксплуататорскому(им) классу(ам)», указывающий на социальное отчуждение людей, именуемых в СССР ли-

шенцами. Обращает на себя внимание наличие в словаре С.И. Ожегова (1953) компонента «политический противник советской власти», отсутствующего в других словарях и бытовом сознании информантов.

Интересно, что в народной памяти не сохранилась лимитирующая сема «в СССР до введения Сталинской конституции 1936 г.», утрата которой может быть мотивирована как отсутствием элементарных знаний по истории и культуре своей страны у молодежи XXI века, так и полным незнанием самого слова, не зафиксированного памятью при изучении истории страны. Предполагалось, что с введением конституции в СССР группа людей, именуемая правительством «эксплуататорским классом», будет уничтожена, но по сути это только закрепило официальное существование в стране «лишенцев» и прочих «вредителей», для которых существовала специальная статья Уголовного Кодекса.

Таблица 9. Динамические процесс в семантической структуре семемы *лишенец* с учетом результатов эксперимента

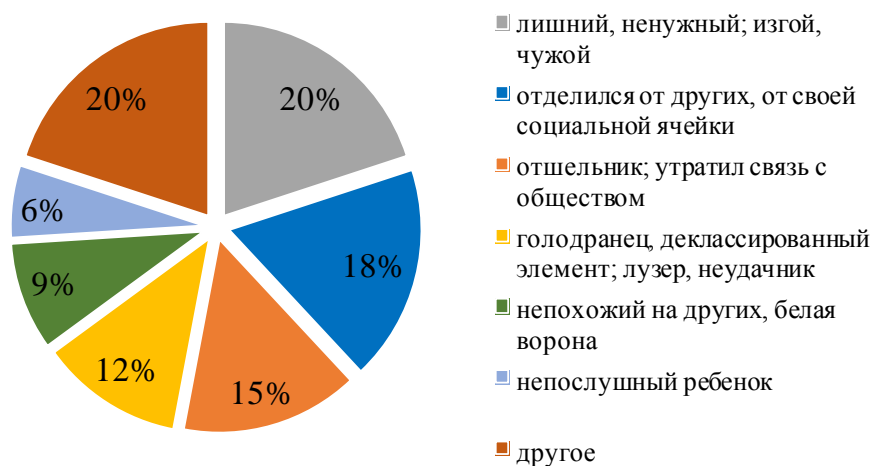
ТСУ 1935-1940 (<i>лишенец</i>)	ОЖ 1953 (<i>лишенец</i>)	БАС 1950-1065 (<i>лишенец</i>)	МАС 1985-1988 (<i>лишенец</i>)	Дефиниции информантов
1) /в СССР до введения Сталинской конституции/ человек	1) /до принятия Сталинской Конституции/ человек	1) /в СССР до введения Сталинской конституции 1936 г./ человек	1) /в СССР до введения Сталинской конституции 1936 г./ человек	1) человек
2) лишившийся /избирательных и других гражданских/ прав	2) лишенный /избирательных и других гражданских/ прав	2) лишенный /избирательных и других гражданских/ прав	2) лишенный /избирательных и других гражданских/ прав	2) лишенный прав, свободы, возможностей, своего мнения; имущества
3) по социальным признакам	3) принадлежащий к эксплуататорским классам	3) в связи с принадлежностью к эксплуататорскому классу	3) принадлежащий к эксплуататорским классам	не зафиксировано
не зафиксировано	4) политический противник советской власти	не зафиксировано	не зафиксировано	не зафиксировано

Факты существования людей-неграждан, то есть людей, ранее живших и сейчас живущих в стране, но не имеющих элементарных гражданских прав (в частности, гражданства Советского Союза) в более поздние периоды истории СССР находим в литературе: *Он стоял и краснел, будто он лишенец какой-нибудь или классовый враг, и ребята притихли за дверью, потому что что-то такое про Сергея слышали: что Сережкин отец вроде бросил их с матерью, и было это не то в Тюмени, не то в Тобольске, и Сережка с матерью кинулись в Москву неизвестно зачем — не было у них в Москве ни родных, ни пристанища* (Л.Р. Кабо. Ровесники Октября, 1964 г.).

В целом можно сделать вывод о том, что слово *лишенец* сохранило свою смысловую структуру только частично, поскольку претерпело изменения в периферийной ее части, пережив процесс деидеологизации значения. Говорить о ее деактуализации, с нашей точки зрения представляется преждевременным, так как в сознании русскоговорящих людей могли остаться «осколки» коннотативно-идеологического приращения в данном слове, наиболее закрепившиеся в его внутренней форме.

Примечательно, что в некоторых реакциях на слово-стимул *отщепенец* (рисунок 17) ярко выражен негативный оценочный компонент: «голодранец, деклассированный элемент; лузер, неудачник» — 12 % от общего числа ответов.

ОТЩЕПЕНЕЦ(рис. 17)

Некоторую степень проявления отрицательного признака можно наблюдать и в самых частотных реакциях: «лишний, ненужный; изгой, чужой» (20 %), «отделился от других, от своей социальной ячейки» (18 %), «отшельник; утратил связь с обществом» (15 %). Разумеется, для полного представления о прагматике данной лексемы необходимы более детальные исследования с применением психолингвистических методов, но уже сейчас можно говорить о прочной закреплённости в общественном бытовом сознании негативных коннотативных смыслов, некоего смыслового «ореола» слова. При этом необходимо подчеркнуть, что идеологическая детерминированность такого отношения к явлению «отщепенства» отошла на второй план и практически не ощущается носителями языка: не было зафиксировано ни одной реакции, лексически связанной со значением «о том, кто противостоял официальной идеологии» (ТСРЯ XX).

Обратимся к лексикографическим данным.

Слово *отщепенец* имеет давнюю языковую историю и собственную интересную судьбу. Происхождение его исследователи связывают со словом *щеп* (сравним хорватское *ošterak* – «стружка») и древнерусское *щѣпъ* – «ущерб, вред, убывание луны» (СФ). Это представляется важным, так как в слове изначально присутствовали отрицательные коннотации. Дальнейшее развитие его семантики подтверждает сказанное. В значении «Отступник, раскольник» (СРЯ XI – XVII) слово употребляется начиная с XV века, например [*Монаха Григория, ученика митрополита Исидоры, вместе с ним бежавшего из Москвы в Рим*] *яко отщепенца и противника, няти и въ темницу окованного указалъ бы всадити* (Львовская летопись, 1438); *Отщепенцы – отступницы от благочестивых соборов* (XVII век). Это же толкование сохраняется вплоть до конца XIX века: «отщепившійся по разномыслию отъ общества, паствы, церкви; раскольникъ, отступникъ, еретикъ» (Даль 1880 – 1882). Таким образом, в языке складывается семема *отщепенец-1*.

С приходом власти советов религиозный смысл слова за ненадобностью отбросили, но на основе уже имевшегося значения создали такое, которое устроило бы идеологов большевизма. Соответственно, в словарях советского времени по-

являются дефиниции с ярко выраженными негативно оценочными пометами: «(книжн. презрит.). Человек, отколовшийся от какого-нибудь общественного коллектива, отвергнутый обществом; отступник» (ТСУ) или «(неодобр.). Человек, отколовшийся от какой-нибудь среды, отступник» (ОЖ). Отметим переход семы «отступник», а также наличие новых (по сравнению с дореволюционным толкованием) мотивированных идеологией и политикой сем «отколовшийся от коллектива», «отвергнутый обществом», появившиеся в семантической структуре слова отнюдь не случайно. Именно они сформируют подлинно советское отношение к отщепенцам как к идейным врагам, чуждым советскому сознанию, в котором безраздельно господствовало понятие «коллективизм». Подтвердим эту мысль примерами из НКРЯ: *Не самодержавный строй Николая I, смерть которого прошла незамеченной в осажденном Севастополе, защищали эти герои, а то, что является непререкаемой святыней для каждого, если он не чужак, если он не отщепенец, если он не предатель, – Родину* (С.Н. Сергеев-Ценский. Синопский бой, 1940 – 1941 гг.); *И за это, отец мой, мой друг и помощник мой грубый, / Я – непризнанный брат, отщепенец в народной семье, – / Обещаю построить такие дремучие срубы, / Чтобы в них татарва опускала князей на бадье* (О.Э. Мандельштам. «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...», 1931 г.); *Вокруг меня злобою воздух сожжен, / Мотаются лица, гримасами пенясь, / Орут мне – стилига, кричат мне – пижон, / Шипят – тунеядец, вопят – отщепенец!* (И.В. Елагин. «Я с вами проститься едва ли успею...», 1963 – 1967 гг.); *В Советском Союзе то положение, в котором я оказался в результате следования своим жизненным принципам, называют словом «отщепенец». <...> Социальным отщепенцем является такой отщепенец, который обрекается на эту роль по причинам глубоко социального характера, т. е. в силу его взаимоотношений с социальным строем страны, с ее системой власти и с идеологией* (Александр Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца, 1988 – 1998 гг.); *На том заседании «отщепенец Пастернак» (так сказано в постановлении) был исключен из членов Союза писателей* (Константин Ваншенкин. Писательский клуб, 1998 г.); *Этот оскорбительный термин встал в ряд с такими словами-дубинками, как «безрод-*

ный космополит», «низкопоклонник», «отщепенец», позже сюда прибавилась и «плесень» (Алексей Козлов. Козел на саксе, 1998 г.); Но считалось, что отношение должно было быть дружеским и часто было дружеским, если ты свой, если ты не отщепенец – духовный или политический (Радио «Комсомольская правда». Протоиерей Всеволод Чаплин: «Мы потеряли очень серьезные вещи, когда распался Советский Союз» // Комсомольская правда, 2013.02.27).

Иными словами, мы наблюдаем образование омонимичной семемы *отщепенец-2* на основе значения уже существующего слова. Хотелось бы подчеркнуть, что описываемый процесс находится в общем русле динамических лексических преобразований, случившихся в русском языке за время существования СССР. Одним из важнейших процессов того времени можно считать массовую *омонимизацию* уже имеющейся лексики и подчинения ее нуждам и требованиям идеологии марксизма-ленинизма. Об этом писал еще Е.Д. Поливанов, говоря о придании «нового революционного содержания» старым словам [Поливанов 1968: 192]. Семема *отщепенец-1* снова появляется в лексикографии на исходе XX столетия, но внутри самой лексемы происходит взаимозамена лексико-семантических вариантов, причем последний трактуется как устаревший: «**1.** Человек, отколовшийся от какого-либо общественного коллектива, отвергнутый обществом. **2.** Устар. Человек, отступивший от прежних верований, убеждений; отступник» (БАС).

О том, насколько глубоко в ментальные установки поколений россиян проникли коммунистические официально-агитационные принципы мышления и модели поведения, можно судить по полученным результатам опроса, проведенного нами среди молодежи XXI века: «голодранец, деклассированный элемент; лузер, неудачник», «лишний, ненужный; изгой, чужой», «отделился от других, от своей социальной ячейки» и т.д. (см. рисунок 16). Это в целом прагматически соответствует современным словарным дефинициям: «*Пренебр.* Человек, утративший, порвавший связь со своей общественной средой» (БТС), но точного совпадения со словарным определением в ответах мы не выявили. Сравнив толкования изданных в СССР и современных словарей, можно наблюдать деидеологизацию значе-

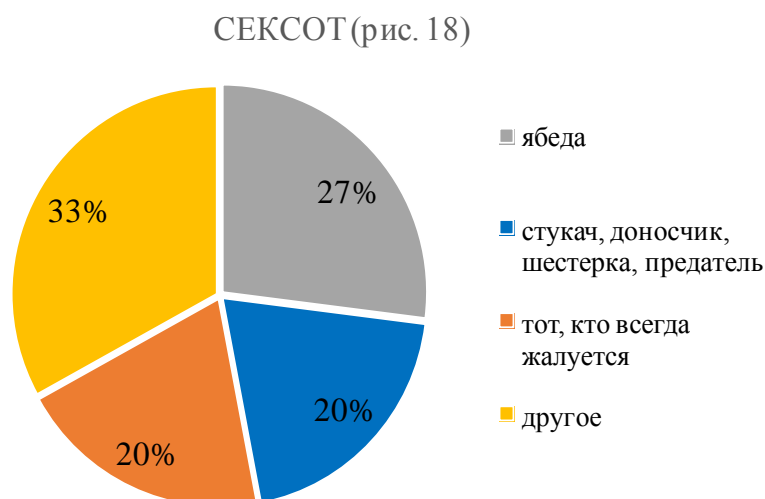
ния слова *отщепенец*: «отпали» те самые идеологические приращения «отколовшийся от коллектива», «отвергнутый обществом», «отступник».

Говоря о судьбе лексемы *отщепенец* в современном русском языке, необходимо отметить, что за последние десятилетия произошло семантическое обеднение его сигнификативного содержания и неверным отождествлением его значения со значением слов *отстать*, *задержаться*: *Когда мы шли уже на вокзал, я чуть приотстал, как отщепенец, и вдруг увидел, что подошла какая-то якобы пьяная компания и после недолгих дебатов: «Позорите наш город!»* (Валерий Попов. Очаровательное захолустье, 2001 г.). Отчасти это может быть связано с книжным происхождением и отчасти с прекращением диктаторского правления и объявления свободы совести и вероисповедания. На снижение частотности употребления анализируемого слова могла повлиять и тенденция к синонимической замене модным заимствованием *маргинал*: *Воспринимавшийся некогда как маргинал, Даниил Хармс теперь удостоен научно подготовленного и стремящегося к полноте собрания сочинений* (Парад-алле титанов мысли. Российские издательства и их лучшие публикации (2002) // «Известия», 2002.11.25). Здесь не наблюдается полного совпадения значений, скорее желание избежать советских коннотаций или же их незнание. Слово *маргинал* определяется словарями так: «1. Тот, кто утратил прежние социальные связи и не приспособился к новым условиям жизни (обычно о представителях национальных меньшинств, мигрантах, выходцах из деревни). 2. Тот, кто не признает общепринятых норм и правил поведения» (БТС). Наряду с названными процессами можно отметить случаи употребления семемы *отщепенец-1* в дореволюционном значении: *...апостол-отщепенец Иуда Искариот; опять-таки в более близкие к нынешнему времена – во Франции XIX – XX веков – провокаторство было распространено не меньше, нежели в России* (Подстрекатели истории // «Культура», 2002.04.08).

Итак, мы рассмотрели семантическую эволюцию лексемы *отщепенец*. Хотя в структуре семемы *отщепенец-2* произошел процесс деидеологизации, говорить о деактуализации преждевременно, так как при анализе результатов анкетирова-

ния нами был установлен факт сохранения в генетической памяти народа ее прагматики.

На слово-стимул *сексот* (см. рисунок 18) нами было зафиксировано всего 15 откликов, при этом самая частотная реакция — «ябеда» — встречается в 27 % случаев. Ассоциация со словом *шестерка* вызвала цепь других определений: «стукач, доносчик, шестерка, предатель» (20%), что подтверждает факт присутствия в языковом сознании народа культурно-исторических сем, которыми «обросло» слово *сексот* за время бытования в Советском Союзе.

Как и в случае с лексемой *отщепенец*, здесь не приходится говорить о сохранении советского значения «секретный сотрудник», которые ушло вместе со своим денотатом, однако сеть коннотативных смыслов, которые явились реакцией на явление «доносительства» в советской действительности, по-прежнему крепко связана с закрепившимися в современном русском языке синонимами *стукач*, *шестерка*, *ябеда* и т. п.

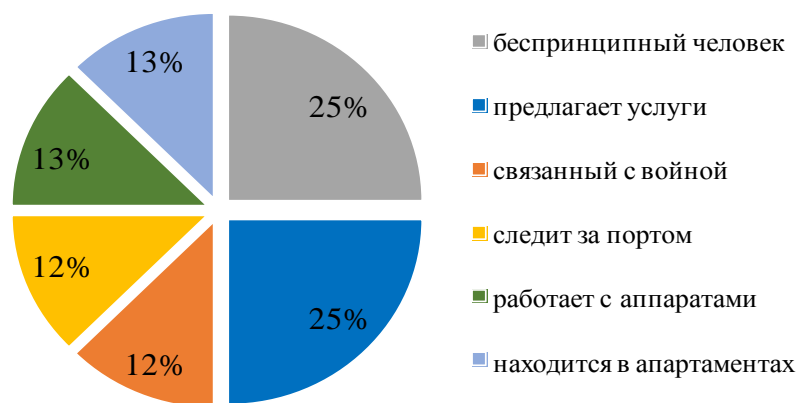
Интересными в плане анализа стали определения слова *оппортунист* (рисунок 19), имеющим в Толковом словаре Д.Н. Ушакова (1935 – 1940) следующие значения: «(полит.). **1.** Беспринципный человек, приспособляющийся к обстоятельствам, соглашатель (книжн. пренебр.). **2.** Тот, кто проводит политику буржуазии в рабочем классе, агент буржуазии в рабочем движении» (ТСУ). Совершенно

неожиданным для нас оказалось сохранение в языковом сознании информантов компонента «беспринципный человек» (25 %).

Этот факт доказывает, насколько прочно коммунистическая идеологическая пропаганда проникла в умы, и насколько сложно и болезненно, на самом деле, протекает процесс отказа от подобных наслоений.

ОППОРТУНИСТ (рис. 19)

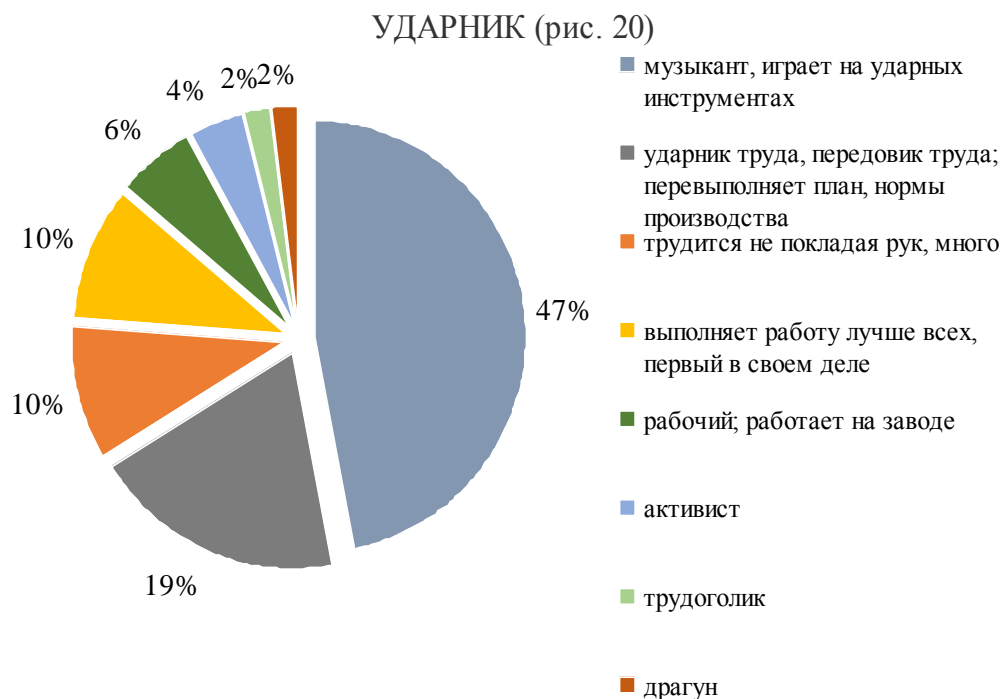

Остальные реакции строятся на самых различных предположениях, включая и фонетическое сходство: «следит за портом», «работает с аппаратами», «находится в апартаментах» — каждая 5 %. Принимая во внимание столь малое количество реакций, можно сделать вывод об уходе лексемы *оппортунист* из активного словарного состава⁴. Семема *оппортунист-2* утратилась и не фиксируется в современных словарях, в то время как семема *оппортунист-1* «Сторонник оппортунизма, тот, кто проводит политику оппортунизма; приспособленец» (БТС) претерпела процесс деидеологизации, лишившись негативно оценочной семы «соглашатель» и идеологически мотивированных помет («полит.», «книжн. пренебр.»).

У большинства респондентов (47 %) слово *ударник* (рисунок 20) ассоциируется с актуальным в наши дни значением «Музыкант, играющий на ударных ин-

⁴ Это подтверждают и грамматические ошибки, допущенные респондентами в слове *оппортунист*: «аппартунист», «апортунист» и др.

струментах» (ТСУ). Лишь 19 % (информанты старше 30 лет) указали, что они подразумевают под этим словом ударника труда, который «перевыполняет план, нормы производства». Некоторые молодые люди в возрасте от 23 до 29 лет приводили такие ответы: «выполняет работу лучше всех», «первый в своем деле», «активист», «трудится не покладая рук», «рабочий», «работает на заводе».

Как и в случае с другими словами, например, *вредитель* и *отщепенец*, лексема *ударник* приобрела новый лексико-семантический вариант в годы советской власти. Чтобы доказать этот тезис, обратимся к словарю В.И. Даля, где находим определение «ударный молотокъ, ударникъ, которымъ бьютъ по колпачку, запаляя этимъ порохъ» (Даль 1880 – 1882). Путем метонимического, затем метафорического переносов названия (ударяющий молот → человек с таким молотом → человек, так же результативно работающий, как молот) образуется значение «Передовой работник социалистического производства, овладевший его техникой, перевыполняющий нормы и показывающий пример производственной дисциплины» (ОЖ). Мощный прагматический потенциал слова *ударник* широко использовался социалистической пропагандой, создававшей яркие запоминающиеся

устойчивые сочетания номинативно-оценочного характера. Приведем несколько примеров из НКРЯ: *40 процентов всех рабочих показали себя подлинными ударниками, систематически перевыполнявшими нормы* (Первым закончил сев кормовых джиландинский совхоз «Скотовода». Темпы джиландинцев — всем живсовхозам Казакстана (1931.04.22) // «Казакстанская правда», 1931 г.); *Райкомы в то же время должны укрепить партийные и комсомольские организации совхозов, развернуть в них вербовку в партию ударников и обеспечить широкое развитие соцсоревнования и ударных методов работы* (П.В. Галенков. Коноплеводство Средневолжского края на путь развития, 1931 г.); *Необходимейшим условием для выполнения этой задачи является доведение до сознания колхозников, рабочих совхозов, ударников и специалистов социалистических полей, что дело борьбы с засухой — дело борьбы за дальнейшую реконструкцию сельского хозяйства* (А.В. Михайлов. Борьба с засухой — борьба за урожай, 1932 г.); *Миллионы ударников горят подлинным пафосом социалистического строительства, болеют за ту программу, которую они выполняют* (С.М. Киров. Статьи и речи, 1934 г.); *К открытию съезда 125 комсомольцам присвоено звание «Ударник коммунистического труда»* (Дорогой Ленина — за партией вперед! // «Знамя коммунизма», 1961 г.). В современных текстах можно часто встретить обыгрывание устойчивых сочетаний советского идеологического кода типа *ударник социалистического труда* с заменой компонента «социалистический»: *Из этого, как дважды два, следует, что природная рента не может быть поживой одних лишь «ударников капиталистического труда», за которых вступилось неподкупное НТВ* (Владимир Попов. Страсти по «черному золоту». России прочат лидерство в мировой нефтяном экспорте. Но ценой утраты перспектив развития отечественной экономики (2003) // «Завтра», 2003.08.13).

Немногочисленные приведенные респондентами определения «ударник труда», «передовик труда», «перевыполняет план, нормы производства» свидетельствуют о живучести советских идеологических формул среди людей старше 30 лет. Анализ ответов также показал, что студенты и школьники с ними совершенно незнакомы. Можно сделать вывод о несомненной деактуализации семемы

ударник в значении «Передовой работник социалистического производства» (ОЖ).

Рассмотрим далее результаты, полученные при анализе слов-стимулов *общественник*, *передовик* и *туняедец* (рисунки 21, 22, 23).

Стоит отметить, что данные лексемы неслучайно были объединены нами в одну группу. Это обусловлено тем, что степень выраженности коннотативно-идеологического приращения в этих словах наиболее высока, хотя само слово уже вышло из активного употребления. 63 % опрошенных дали следующее определе-

ПЕРЕДОВИК (рис. 21)

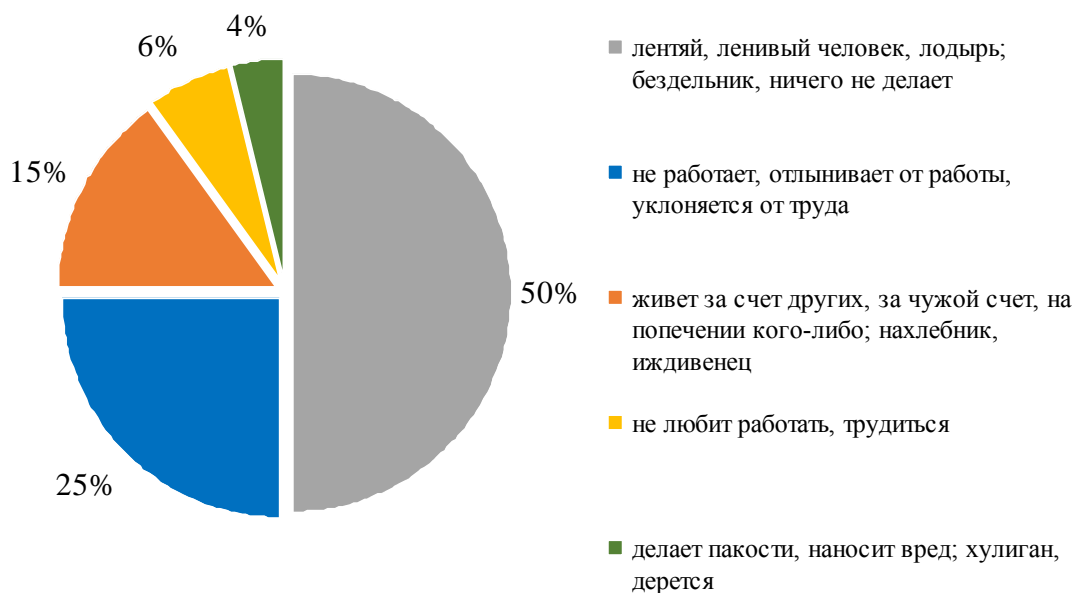
ние слову *общественник*: «активист, занимается общественной деятельностью, активно участвует в жизни общества, во всех делах; задействован во всех общественных мероприятиях», что полностью совпадает по смыслу со значением, зафиксированным в словарях советского времени («человек, активно участвующий в общественной работе» (ТСУ), «тот, кто активно участвует в общественной жизни» (МАС). 37 % респондентов определяют лексему *передовик* так: «лучший работник, выполняющий работу быстрее всех; передовик производства, участник передового труда; труженик».

ОБЩЕСТВЕННИК (рис. 22)

Высокий процент реакций (80 %) наблюдается у слова *тунеядец*. Половина респондентов указали, что тунеядец – «лентяй, ленивый человек, лодырь; бездельник», который «ничего не делает», а также «не работает, отлынивает от работы, уклоняется от труда» (25 %), «живет за счет других, за чужой счет, на попечении кого-либо; нахлебник, иждивенец» (15 %).

ТУНЕЯДЕЦ (рис. 23)

Основываясь на полученных результатах, мы делаем вывод, что три последних лексемы показали самый высокий процент тождества лексического значения со словарными дефинициями в советских словарях (ср. *передовик* – «Тот, кто опережает других в работе, добивается наилучших результатов» (МАС), *ту-неядец* – «Человек, живущий на чужой счет, чужим трудом, бездельник, паразит, дармоед» (ТСУ), поэтому говорить о пассивизации данных слов, по нашему мнению, преждевременно.

Выводы по главе 3

1. Приступая к разработке и непосредственно проведению лингвистического эксперимента, мы исходили из необходимости изучения того, каким образом изменения в семантике и прагматике уходящих слов фиксируются общественным сознанием, а также необходимостью установить степень их забвения. В настоящей работе мы опирались на методику лингвистического анкетирования [Левицкий, Стернин 1989: 4]. Анализ результатов анкетирования показал, что процесс ухода слова не протекает в языке гладко, а отказ от «идеологической надстройки» происходит постепенно, вероятно, в несколько стадий. Судя по довольно высокой частотности некоторых реакций, можно сделать вывод, что некоторые номинации советской эпохи имеют потенциальную возможность просуществовать в речи россиян еще долгое время. Эксперимент показал, что процесс устаревания в среде деактуализированных слов протекает по-разному, степень забвения у всех лексико-семантических вариантов разнится от практически полного (*летун, несун, оппортунист*) до слабого (*туняедец, передовик*).

2. В ходе исследования эволюции семантики выбранных нами советизмов было установлено, что исторически их формирование проходило путем *омонимизации*, то есть через создание новых политически и идеологически «удобных» омонимичных лексико-семантических вариантов уже имеющихся в языке слов. Так произошло со словами *вредитель, диссидент, оппортунист, отщепенец* и многими другими, семантическая структура которых в советские годы обогатилась новыми значениями. На рубеже XX – XXI вв. они перестают выполнять свою прямую функцию и становятся ненужными, превращаются в некие «языковые атавизмы», лишённые внутреннего содержания. Рассуждая о причинах этого явления, мы склонны видеть их источник во внутренних механизмах самого языка, подразумевая, что процесс регулирования степени забвения происходит в языке сам собой и не осознаётся носителями языка как таковой. В огромном массиве уходящей лексики, безусловно, есть обозначения жизненных реалий настолько меткие, носящие «вневременной» характер, что язык не спешит отказываться от

них. Должно пройти еще много лет, смениться несколько поколений носителей языка, чтобы язык и, прежде всего, сознание народа, освободились от советских идеологомотивированных формул. Результаты проведенного эксперимента, с нашей точки зрения, подтверждают этот тезис.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с задачами исследования мы определили состав советизмов (слов и фразеологизмов), входивших в активную часть словарного запаса советского периода. Нами был проведен структурно-семантический анализ советизмов в синхронном и частично диахронном аспектах с привлечением большого количества словарей различного типа и разного времени создания. Основным направлением в изучении процесса устаревания советизмов было избрано семантико-лексикографическое направление, однако нами была затронута также историко-культурная и социокультурная сторона данного явления. Исследование языкового материала опиралось на три хронологических периода: досоветский (насколько это позволили сделать имеющиеся исторические словари), советский и постсоветский, что, по нашему мнению, способствовало достаточно объективному отражению фактов перехода языковых средств из центра на периферию общественного сознания россиян.

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов, а также уточнить некоторые понятия, входящие в терминосистему метаязыка описания лексико-семантических изменений советского периода. Назовем важнейшие из них.

Во-первых, *деактуализация* представляет собой явление, отличное от процесса *пассивизации* лексики активного словарного состава русского языка. Сущность деактуализации выражается в постепенной утрате всей лексемой или одним из лексико-семантических вариантов слова актуальности в данный исторический период с сопутствующими семантическими, стилистическими и оценочными изменениями, что обусловлено рядом внеязыковых факторов и, как правило, поддержано системными отношениями в соответствующих ячейках лексико-семантической системы языка.

Во-вторых, среди экстралингвистических факторов, повлиявших на семантические изменения в современном русском языке, выделяются следующие: 1) исчезновение реалий советской действительности во всех сферах жизни общества; 2) отказ от советских политических и экономических предпочтений в пользу

западной модели государственного устройства; 3) переоценка ключевых идеалов, верований и ценностей в обществе, пропаганда западной модели человека как «идеального потребителя», с одной стороны, и возврат к некоторым досоветским понятиям и реалиям жизни общества (социальные отношения, государственные институты, религия) – с другой; 4) ускорение темпов развития науки и техники, связанное с растущей потребностью общества в потреблении материальных благ.

В-третьих, сохраняется острая необходимость создания словарей и справочников, наиболее полно отражающих состав уходящей лексики советского периода. Это вызвано, по нашему мнению, не только подвижным характером лексической системы русского языка, но и историко-культурными факторами, а именно постепенным «стиранием» из генетической памяти народа, забвением многих слов, отражающих реалии отечественной истории, что может привести к образованию *культурных лакун*.

Во второй главе мы осуществили системный и структурный анализы советизмов, иллюстрируя их значения и употребления в речи типичными примерами их функционирования в коммуникации советского периода.

В аспекте системного анализа всю собранную и картографированную нами актуальную для советского времени лексику, а также устойчивые сочетания слов, мы представили как определенную систему, члены которой взаимосвязаны друг с другом. Эту взаимосвязь мы пронаблюдали в том, что лексико-фразеологические единицы выделенных нами тематических классов и групп имеют общность в сигнификативном и денотативном содержании, поскольку номинируют близкие по смыслу реалии и понятия. Это и отражено в нашей классификации, в частности, в отнесенности языковых средств к одной и той же тематической ячейке в данной подсистеме (к тематическому классу или группе). Мы отдаем себе отчет в том, что представленная нами классификация языковых единиц носит условный характер, она выполняет в нашем исследовании чисто рабочую функцию и не во всем может иметь исчерпывающий и абсолютно объективный характер. Дело в том, что между отдельными тематическими классификационными единицами не может быть резкой границы, поскольку не исключены «переходы» лексических и

фразеологических единиц из одного тематического класса в другой в процессе их функционирования в живой речи. Тем не менее мы выделили пять тематических классов языковых средств, актуальных для советского периода. В составе наиболее многочисленных из выделенных тематических классов нами также выделены и тематические группы, характеризующиеся более конкретным и более специализированным значением на фоне общей семантики классов.

В аспекте структурного анализа мы исследовали динамические процессы в смысловой структуре слов на уровне компонентного состава их семантики. С целью выявления языковых механизмов образования анализируемых слов, их первоначальных значений, значений дореволюционного периода, семантического объема данных слов в советский период и постсоветское время выяснялась семантическое наследие корневой морфемы (этимона данного словообразовательного гнезда), проводились наблюдения за сочетаемостью этих слов в разные периоды их функционирования, сопоставлялись данные словарных статей разного периода. Детальному анализу были подвергнуты отдельные слова, наиболее характерные для советского времени, ставшие символом данной эпохи, в частности, слово *большевик* и производные от него слова и слово *безбожник*. В результате анализа было установлено следующее:

1. Характер семантики этимона мог сохраняться в генетической памяти носителей русского языка в период революции и становления советской власти, что могло сыграть определенную роль в выборе слова *большевик* (и его производных) для называния правящей партии и называния передового отряда революционных масс.

2. В советский период слово *большевик* и его производные оказались в центре наиболее востребованной части языковых средств, составивших арсенал для выражения идей правящей партии, достижения особого романтизма и убедительности пропагандистских материалов.

3. В смысловой структуре семемы слова *большевик* и его производных произошли существенные преобразования, которые коснулись в основном периферийной ее зоны. В частности, коннотативный блок сем менял свою оценочность в

такой последовательности: в советское время – коннотации возвышенные, безусловно положительные, с пафосом героики, восхищения и утверждения абсолютной правоты во всем, в постсоветское время коннотации меняются на противоположные, в начале XXI века к отрицательным коннотациям добавляются элементы абсолютного неприятия, издевки и ругательств, направленных на переоценку явления большевизма и всего, что с ним было связано (раскулачивание, репрессии, отсутствие свободы слова и т.д.). Данная группа слов начинает использоваться в целях выражения крайнего осуждения, высмеивания носителей качеств большевиков.

4. Другие слова в истории рассматриваемого исторического периода имели двойственную коннотацию. Одна – новая, появившееся в советский период, реализовывалась коммуникантами в официальном общении с соблюдением выработанных правил такого общения, а другая – для личного пользования в узком кругу семьи, единомышленников. Например, это характерно для слова *безбожник* и родственных ему словах.

Приступая к разработке и непосредственно проведению лингвистического эксперимента, мы исходили из необходимости изучения того, каким образом изменения в семантике и прагматике уходящих слов фиксируется общественным сознанием, а также необходимостью установить степень их забвения людьми молодого возраста. Эксперимент показал, что процесс устаревания деактуализированных слов протекает по-разному у разных возрастных групп населения. степень их забвения различается от практически полного (например, *летун, несун, оппортунист*) до слабого (например, *туняедец, передовик*). Для детей школьного возраста незнание семантики и прагматики советизмов объясняется не столько их забвением, сколько незнанием того, что эти слова обозначали в советское время.

В ходе исследования происхождения семантики и прагматики советизмов было установлено, что с лингвистической точки зрения они образовывались разными путями: заимствованием (*оппортунизм, империализм, диссидент* и т.п.), словообразованием (наиболее частотна аббревиация), а также путем омонимизации имеющихся в языке слов через присоединение к их смысловым структурам

идеологических и оценочных сем (*вредитель, пионер, ударник*). На рубеже XX – XXI веков актуальные в социалистическом обществе идеологически нагруженные слова или их отдельные лексико-семантические варианты деидеологизируются. Они перестают выполнять свою прямую функцию и становятся ненужными, превращаются в некие «языковые атавизмы», лишённые внутреннего содержания. В ментально-языковой картине мира российского народа они все еще присутствуют как отголоски прошедшей и некогда великой эпохи. Языковыми механизмами этих процессов оказываются процессы изменения семного состава периферийной зоны смысловых структур этих семем. Чаще всего происходит нейтрализация сем прагматического характера (политико-идеологических и оценочных, специальных лимитирующих сем (зафиксированных словарями середины XX века), а также историко-культурные семы, манифестировавшие пафос советской эпохи.

Пассивизация советизмов не приобрела лавинообразного характера, «уносящего» в историческое небытие абсолютно все средства языковой картины мира того времени. В огромном массиве уходящей лексики, безусловно, есть обозначения жизненных реалий настолько меткие, носящие «вневременной» характер, что язык не спешит отказываться от них. Должно пройти еще много лет, смениться несколько поколений носителей языка, чтобы язык и сознание народа освободились от советских идеологомотивированных формул, навязанных «сверху». Результаты проведенного эксперимента, с нашей точки зрения, подтверждают этот тезис. В целом ряде политико-административных сфер управления и организации общественной жизни электората основной состав советизмов, утратив прагматическую часть в периферии смысловой структуры, и, в связи с этим, видоизменив значение и возможности смыслового варьирования, остается востребованным, поскольку новое время пока не выработало совершенно новых средств для изменившихся нужд номинации. Язык бережно относится к своему богатству. Как писал академик В.В. Виноградов «Слово более живуче, более долговечно, чем вещь и личность, и более изменчиво, чем они» (Виноградов 1955: 15).

Предметом последующего изучения могут стать лексико-семантические варианты других тематических классов, выделенных нами в рамках данного исследования, их дальнейшее углубленное изучение с применением компонентного анализа и различных психолингвистических методов изучения представленности деактуализированной лексики в бытовом сознании носителей языка разных возрастов и социальных групп.

Условия жизни носителей русского языка будут меняться с течением времени, что, в свою очередь, будет трансформировать сознание носителей языка и особенности языковой картины мира народа. Мы уверены, что изучение семантических процессов деактуализации и деидеологизации языковых средств останется важным и необходимым также и для последующих периодов жизни русского языка, поэтому останется перспективным направлением лингвистической науки и на дальнейших этапах её развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**Список научных работ**

1. Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке : учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005а. – 416 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005б. – 326 с.
3. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Элпис, 2008. – 271 с.
4. Алефиренко, Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиология: учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
5. Апресян, Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. – 2-е изд., испр. – М.: Школа «Языки русской культуры», РАН, 1995. – 472 с.
6. Артемьева, Е.Ю. Психология субъективной семантики / Е.Ю. Артемьева. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 128 с.
7. Ашуркова, Т.Г. Деактуализация названий лиц в публицистическом стиле во второй половине XX – начале века: дисс. ... канд. филол. наук / Ашуркова Татьяна Георгиевна. – М.: МГУ, 2006. – 315 с.
8. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – М.: Изд-во Сабашниковых, 1996. – 312 с.
9. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
10. Бельчиков, Ю.А. О развитии русской лексики в советскую эпоху / Ю.А. Бельчиков // Русский язык в школе. – 1965. – № 6. – С. 3-10.
11. Будагов, Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? / Р.А. Будагов. – М.: Наука, 1977. – 258 с.

12. Будагов, Р.А. История слов в истории общества / Р.А. Будагов. – М.: Просвещение, 1971. – 270 с.
13. Будаев, Э.В., Чудинов, А.П. Лингвистическая советология : учебно-методическое пособие / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов / под общ. ред. Э.В. Будаева. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2009. – 291 с.
14. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке : учебное пособие для студентов вузов / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 304 с.
15. Васильев, А.Д., Веренич, Т.К. Динамика деэкзотизации заимствований в научно-лингвистическом и обыденном языковом сознании (на материале англицизмов в современном русском языке): монография / А.Д. Васильев, Т.К. Веренич. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. – 247 с.
16. Васильев, Л.М. Значение в его отношении к системе языка / Л.М. Васильев. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1985. – 64 с.
17. Васильев, Л.М. Коннотативный компонент языкового значения / Л.М. Васильев // Русское слово в языке, тексте и культурной среде / под ред. И.Т. Вепревой. – Екатеринбург: «Арго», 1997. – С. 35-41.
18. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика : учебное пособие для вузов / Л.М. Васильев. – М.: «Высшая школа», 1990. – 176 с.
19. Вепрева, И.Т. Эксплицированное отношение к слову в современной речи / И.Т. Вепрева // Русское слово в языке, тексте и культурной среде / под ред. И.Т. Вепревой. – Екатеринбург: «Арго», 1997. – С. 88-97.
20. Вепрева, И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И.Т. Вепрева. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. – 380 с.
21. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 323 с.
22. Виноградов, В.В. История слов / В.В. Виноградов. – М.: ИРЯ, 1999. – 1138 с.

23. Виноградов, В.В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии / В.В. Виноградов. – Известия АН СССР. – 1953. – Вып. 3. – Т. 12. – С. 185-210.
24. Виноградов, В.В. Понятие внутренних законов развития языка / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1952. – № 2. – С. 3-43.
25. Виноградов, В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 5-34.
26. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
27. Воробьева, О.И. Политическая лексика: Семантическая структура. Текстовые коннотации: монография / О.И. Воробьева. – Архангельск: Изд-во Поморского университета, 1999. – 95 с.
28. Гак, В.Г. Лингвистические словари и экстралингвистическая информация / В.Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1987. – № 2. – С. 3-16.
29. Геращенко, М.Б. Реактивизация лексики к началу XXI века (семантико-лексикографический аспект) : дисс. ... канд. филол. наук / Геращенко Майя Борисовна. – Белгород: Изд-во Белгородского государственного университета, 2009. – 298 с.
30. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 396 с.
31. Гусейнов, Г.Ч. Нулевые на кончике языка: Краткий путеводитель по русскому дискурсу / Г.Ч. Гусейнов. – М.: Издательский дом «Дело», 2012. – 240 с.
32. Данн, Дж. Трансформация русского языка из языка советского типа в язык западного образца / Дж. Данн // Политическая лингвистика, №3 (26), 2008. – С. 49-57.
33. Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс:

- История и современные исследования. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – № 3. – С. 32-43.
34. Денисов, П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания / П.Н. Денисов. – М.: Русский язык, 1993. – 248 с.
35. Дуличенко, А.Д. Русский язык конца XX столетия / А.Д. Дуличенко. – Мюнхен, 1994. – 347 с.
36. Ермакова, О.П. Семантические процессы в лексике / О.П. Ермакова // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 32-66.
37. Заварзина, Г.А. Без идеологических наслоений: общественно-политическая лексика на исходе XX века / Г.А. Заварзина // Русская речь. – 2000. – № 6. – С. 41-47.
38. Заварзина, Г.А. Семантические изменения общественно-политической лексики русского языка в 80 – 90-е годы XX века: По материалам словарей и газетной публицистики : дисс. ... канд. филол. наук / Заварзина Галина Анатольевна. – Воронеж, 1998. – 220 с.
39. Загоровская, О.В. Русский язык на рубеже XX – XXI веков: исследования по социолингвистике и лингвокультурологии / О.В. Загоровская. – Воронеж: «Научная книга», 2013. – 232 с.
40. Загоровская, О.В. Состояние русского языка на исходе XX века (лингвистический и культурологический аспекты) / О.В. Загоровская // Известия Воронежского педагогического университета. Русский язык. Т. 246. – Воронеж, 1997. – С. 5-11.
41. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. – 382 с.
42. Залевская, А.А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование / А.А. Залевская. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. – 205 с.
43. Звегинцев, В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика : учебное пособие / В.А. Звегинцев. – М.: Просвещение, 1967. – 338 с.

44. Земская, Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества / Е.А. Земская // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 23-31.
45. Земская, Е.А. Новояз, new speak? powotowa... Что дальше? / Е.А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 19-66.
46. Иванова, С.В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии / С.В. Иванов // Политическая лингвистика. – Вып. 1 (24). – Екатеринбург: Изд-во УРГПУ, 2008. – С. 29-33.
47. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 356 с.
48. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
49. Кацнельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / С.Д. Кацнельсон; под общ. ред. В.М. Жирмунского, М.М. Гухман, С.Д. Кацнельсона. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 112 с.
50. Клименко, А.П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение / А.П. Клименко. – Минск: «Аспект», 1974. – 246 с.
51. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика: учебник / И.М. Кобозева. – М.: «Комкнига», 2007. – 352 с.
52. Козырев, В.А., Черняк В.Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. – 356 с.
53. Козырев, В.А. Русская лексикография : пособие для вузов / В.А. Козырев. – М.: «Дрофа», 2004. – 288 с.
54. Колесов, В.В. «Жизнь происходит от слова...» / В.В. Колесов. – СПб.: Златоуст, 1999. – 386 с.
55. Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2006. – 624 с.
56. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М.: «КомКнига», 2006. – 128 с.

57. Комарова, З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований : учебное пособие / З.И. Комарова. – Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета им. Б.И. Ельцина, 2012. – 818 с.
58. Комлев, Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н.Г. Комлев. – 3-е изд., стереотипное. – М.: «КомКнига», 2006. – 192 с.
59. Комлев, Н.Г. Слово в речи / Н.Г. Комлев. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 216 с.
60. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: «ЧеРо», 2003. – 349 с.
61. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. – Спб.: Златоуст, 1999. – 320 с.
62. Кошарная, С.А. Актуальные проблемы современного речевого этикета (к вопросу об адресатных средствах) / С.А. Кошарная // Функционирование русского языка как государственного языка Российской Федерации. – Белгород: НИУ БелГУ, 2012, – С. 13-17.
63. Крысин, Л.П. Жизнь слова / Л.П. Крысин. – М.: Знание, 1980. – 176 с.
64. Крысин, Л.П. О внутренних и внешних стимулах развития языка / Л.П. Крысин // Русский язык в школе. – 1972. – № 3. – С. 69-75.
65. Крысин, Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века / Л.П. Крысин // Исследования по славянским языкам. – № 5. – Сеул, 2000. – С. 63-91.
66. Крюкова, Г.А. Трансформация концептуального содержания социополитической лексики в современном русском языке / Г.А. Крюкова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2005. – № 11. – С. 44-51.
67. Кузнецов, А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу / А.М. Кузнецов. – М.: Наука, 1986. – 126 с.
68. Кулакова, Н.И. Внутренние и внешние связи в семантике слова (Экспериментальное исследование на материале русского языка) : дисс. ... канд. филол. наук / Кулакова Наталья Игоревна. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2004. – 185 с.

69. Купина, Н.А. Советизмы: к определению понятия [Электронный ресурс] / Н.А. Купина // Политическая лингвистика. – 2009. – Вып. 2 (28). – Режим доступа: <http://www.phi-lology.ru/linguistics2/kupina-09.htm>
70. Купина, Н.А. Советские идеологические традиции сегодня / Н.А. Купина // Советское прошлое и культура настоящего : монография : в 2 т. / отв. ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета им. Б.И. Ельцина, 2009. – Т. 2. – С. 186-208.
71. Купина, Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции / Н.А. Купина. – Екатеринбург – Пермь: Изд-во Уральского университета, 1995. – 144 с.
72. Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. – М.: Наука, 1985. – 399 с.
73. Леви-Строс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
74. Левицкий, В.В., Стернин, И.А. Экспериментальные методы в семасиологии / В.В. Левицкий, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1989. – 193 с.
75. Малышева, Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация / Е.Г. Малышева // Политическая лингвистика. – 2009. – Вып. 4 (30). – С. 32-40.
76. Мельчук, И.А. Опыт теории лингвистических моделей «СМЫСЛ – ТЕКСТ» / И.А. Мельчук. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 346 с.
77. Михайлова, О.А. Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты: монография / О.А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1998. – 240 с.
78. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Вместо Предисловия / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина // Толковый словарь языка совдепии. – СПб.: «Фолио – Пресс», 1998. – С. 5-21.

79. Мокиенко, В.М. Когнитивное и алогическое во фразеологии / В.М. Мокиенко // Фразеология и когнитивистика: Материалы 1-й Междунар. научн. конф. В 2-х томах. Т.1. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – С. 13-26.
80. Морковкин, В.В. Об одном способе синтеза учебных словарей и некоторые вопросы семантизации слов в словарях / В.В. Морковкин // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике : сборник статей. – М.: «Русский язык», 1978. – С. 34-42.
81. Морковкин, В.В. Русская духовность в лексикографическом рассмотрении / В.В. Морковкин // Русистика сегодня. – 1999. – № 1 – 2. – С. 142-157.
82. Москович, В.А. Статистика и семантика / В.А. Москович. – М.: Наука, 1969. – 304 с.
83. Мурашов, А.А. Личность и речь: эпоха кризисов / А.А. Мурашов. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «Модэк», 2005. – 504 с.
84. Найда, Ю.А. Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения / Ю.А. Найда // Новое в зарубежной лингвистике : сборник статей. Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии / сост. Т.С. Зевахина; общ. ред., вступ. ст. Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1983. – С. 61-74.
85. Никифорова, Е.Б. Об утрате лексем в процессе исторического развития русского языка / Е.Б. Никифорова // Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры. Материалы межд. научн.-практ. конф., Болгария; под ред. Л.В. Московкина. – СПб.: Изд-во «Осипов», 2006. – С. 45-50.
86. Павлова, С.В. Оценочные советизмы в современном публицистическом тексте (на материале изданий «Коммерсантъ» и «Российская газета» 2000 – 2010 гг.) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Павлова Светлана Васильевна. – М.: РГГУ, 2011. – 19 с.
87. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
88. Падучева, Е.В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем / Е.В. Падучева // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сборник статей. / РАН. Ин-

- ститут русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: «Азбуковник», 2000. – С. 395-417.
89. Панов, М.В. О развитии русского языка в советском обществе (к постановке проблемы) / М.В.Панов // Вопросы языкознания. – 1962. – №3. – С. 3-16.
90. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: «Иностранная литература», 1960. – 500 с.
91. Петренко, В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании / В.Ф. Петренко. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 177 с.
92. Петренко, В.Ф. Основы психосемантики : учебное пособие / В.Ф. Петренко. – М.: Изд-во МГУ, 1997а. – 400 с.
93. Петренко, В.Ф., Митина, О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания: На материале политического менталитета / В.Ф. Петренко, О.В. Митина. – М.: Изд-во МГУ, 1997б. – 214 с.
94. Пихурова, А.А. Судьба советизмов в русском языке конца XX – начала XXI веков (на материале словарей и текстов): дисс. ... канд. филол. наук / Пихурова Анна Анатольевна. – Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, 2005. – 214 с.
95. Плотников, Б.А. Основы семасиологии : учебное пособие / Б.А. Плотников. – Минск: «Вышэйшая школа», 1984. – 224 с.
96. Плотникова, Л.И. Новое слово: порождение, функционирование, узуализация: монография / Л.И. Плотникова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2000. – 208 с.
97. Плотникова, Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности / Л.И. Плотникова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – 332 с.
98. Покровский, М.М. О методах семасиологии / М.М. Покровский // Хрестоматия по истории русского языкознания; под ред. Ф.П. Филина. – М.: Высшая школа, 1973. – С. 357-362.

99. Попова, З.Д. Стернин, И.А. Лексическая система языка : учебное пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1984. – 148 с.
100. Поливанов, Е.Д. Статьи по общему языкознанию / Е.Д. Поливанов. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1968. – 376 с.
101. Потебня, А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 200 с.
102. Пятаева, Н.В. Антропоцентрический и системоцентрический принципы лингвистики в динамическом исследовании лексических гнезд / Н.В. Пятаева. – Уфа: Гилем, 2006. – 277 с.
103. Ревзина, О.Г. О понятии коннотации / О.Г. Ревзина // Языковая система и её развитие во времени и пространстве : Сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 436-446.
104. Романенко, А.П. Образ риторика в советской словесной культуре : учебное пособие / А.П. Романенко. – М.: Флинта, 2012. – 432 с.
105. Романенко, А.П. Особенности организации семантики «советского языка» (культурологический аспект) / А.П. Романенко // Русский язык сегодня. Активные языковые процессы конца XX века. – М.: «Азбуковник», 2003. – С. 237-247.
106. Русский язык и советское общество: Лексика современного русского литературного языка: монография / Под ред. М.В. Панова. – М.: Наука, 1968. – 367 с.
107. Рыжова, В.А. Идеологема и мифологема как прагматическое ядро высказывания / В.А. Рыжова // Вестник ИГЛУ. – 2014. – № 1 (26). – С. 27-31.
108. Савельева, Л.В. Русское слово: конец XX века / Л.В. Савельева. – СПб.: Logos, 2000. – 213 с.
109. Санджи-Гаряева, З.С. Современное состояние советизмов: словарь, семантические и функционально-стилистические изменения / З.С. Санджи-Гаряева // Советское прошлое и культура настоящего : монография : в 2 т. /

- отв. ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета им. Б.И. Ельцина, 2009. – Т. 2. – С. 243-253.
110. Свистельникова, С.А. Речевой портрет оппозиционной газеты: концептосфера, жанры, образные средства (на примере газеты «Слово коммуниста»): дисс. ... канд. филол. наук / Свистельникова Светлана Александровна. – Белгород: Изд-во Белгородского государственного университета, 2010. – 315 с.
111. Селивестрова, О.Н. Труды по семантике / О.Н. Селивестрова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
112. Семантические процессы в системе языка. Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1984. – 123 с.
113. Серебренников, Б.А. Общее языкознание (внутренняя структура языка) / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1972. – 565 с.
114. Складаревская, Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы [Электронный ресурс] / Г.Н. Складаревская // Исследования по славянским языкам. – Сеул, 2001. – № 6. – Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics2/sklyarevskaya_01.htm
115. Складаревская, Г.Н. Прагматика и лексикография / Г.Н. Складаревская // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – Сборник статей. – М.: Институт русского языка РАН, 1995. – С. 63-71.
116. Советское прошлое и культура настоящего : монография : в 2 т. / отв. ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета им. Б.И. Ельцина, 2009. – Т. 1. – 244 с.
117. Советское прошлое и культура настоящего : монография : в 2 т. / отв. ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета им. Б.И. Ельцина, 2009. – Т. 2. – 396 с.
118. Соколовская, Ж.П. Проблемы системного описания лексической семантики / Ж.П. Соколовская. – Киев: Наукова думка, 1990. – 184 с.

119. Солнцев, В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. – М.: Наука, 1977. – 344 с.
120. Социальная психоллингвистика: Хрестоматия. Учебное пособие / Составление К.Ф. Седова. – М.: Лабиринт, 2007. – 336 с.
121. Стернин, И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века : дидактический материал в помощь учителям словесности и истории / И.А. Стернин. – Воронеж – Пермь, ЗУУНЦ, 1998. – 75 с.
122. Стернин, И.А. Проблемы анализа структуры значения слова / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1979. – 156 с.
123. Стернин, И.А. Социальные факторы и развитие современного русского языка [Электронный ресурс] / И.А. Стернин // Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 2. Язык и социальная среда. – Воронеж: 2000. – Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics2/sternin_00.htm
124. Тойнби, А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби. Пер. с англ. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 640 с.
125. Улуханов, И.С. Забытые слова / И.С. Улуханов // Русская речь. – 1970а. – № 1. – С. 102-106.
126. Улуханов, И.С. Об изменении значений слов / И.С. Улуханов // Русская речь. – 1970б. – № 4. – С. 72-76.
127. Уфимцева, А.А. Лексическое значение (Принцип семасиологического описания лексики) / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
128. Уфимцева, Н.В. Опыт экспериментального исследования развития словесного значения / Н.В. Уфимцева // Психоллингвистические проблемы семантики. – М.: Наука, 1983. – С. 140-172.
129. Филин, Ф.П. О лексико-семантических группах слов / Ф.П.Филин // Введение в языкознание: хрестоматия; под ред. А.Е. Супруна. – Минск, 1977. – С. 142-150.
130. Флоренский, П.А. У водоразделов мысли. Том 2 / П.А. Флоренский. – М.: Правда, 1990. – 447 с.

131. Харченко, В.К. Антология разговорной речи. Некоторые аспекты теории: В 5 тт. / В.К. Харченко. – Москва: ЛЕНАНД, 2016. Т. 1. Аграмматизмы – Креация. – 224 с. Т. 2. Литота – Перцепция. – 232 с. Т. 3. Повтор – Слово-творчество. – 216 с. Т. 4. Соматизмы – Юмор. – 216 с. Т. 5. Монологи. – 184 с.
132. Харченко, В.К. Переносные значения слова / В.К. Харченко. – 2-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 200 с.
133. Харченко, В.К., Стернин, И.А. К проблеме развития лексических значений слова / В.К. Харченко, И.А. Стернин // Семантические процессы в системе языка. Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1984. – С. 9-18.
134. Чавыкина, Ю.О. О знании советской лексики современной молодежью / Ю.О. Чавыкина // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. – № 2, 2015. – С. 255-259.
135. Чавыкина, Ю.О. Отражение в обыденном языковом сознании семантики и прагматики деактуализированных лексем / Ю.О. Чавыкина // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: материалы Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 19 – 21 мая 2014 г.). – Белгород: ИД «Белгород», 2014. – С. 163-167.
136. Червиньски, П. Патетизмы советского официоза как формы модулятивной семантики / П. Червиньски // Лингвокультурология. Вып. 6. – Екатеринбург, 2012. – С. 63-102.
137. Червиньски, П. Семантика негативно оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности / П. Червиньски // Политическая лингвистика, № 1 (24), 2008. – С. 72-85.
138. Червиньски, П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц / П. Червиньски // Политическая лингвистика, № 1 (27), 2009. – С. 132-147.
139. Черемисина, Н.В. О путях изменения значений слов и некоторых лексико-семантических законах в диахронии языка / Н.В. Черемисина // Семантические единицы русского языка в диахронии и синхронии : сборник научных

- трудов. – Калининград: Изд-во Калининградского университета, 2000. – С. 175-192.
140. Чудинов, А.П. Новые русские метафоры / А.П. Чудинов // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: Материалы Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург: УрГУ, 2005. – С. 259-265.
141. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000) : монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2001. – 238 с.
142. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. – М.: Флинта : Наука, 2006. – 254 с.
143. Чудинов, А.П. Постулаты политической метафорологии и современные российские метафоры / А.П. Чудинов // Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности : материалы Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность: Современная языковая ситуация и ее лексикографическое представление». – Екатеринбург: УрГПУ, 2010. – С. 248-254.
144. Шипицына, Г.М. Аспекты системного анализа лексических единиц различных языков / Г.М. Шипицына // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследований русского языка. Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 156.
145. Шипицына, Г.М., Геращенко, М.Б. Отражение в толковых словарях динамики коннотативных значений слов русского языка / Г.М. Шипицына, М.Б. Геращенко // Научные ведомости НИУ «БелГУ». Серия Гуманитарные науки. – 2010. – № 24. – С. 83-90.
146. Шипицына, Г.М., Геращенко, М.Б. Изменения в языке как следствие изменений в жизни его носителей / Г.М. Шипицына, М.Б. Геращенко // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова, – 2012, № 1. – С.200-205.
147. Шипицына, Г.М., Геращенко, М.Б. Лексикография, лексикология и фразеология русского языка: инновационные процессы, системность / Г.М. Шипицына, М.Б. Геращенко. – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2012. – 112 с.

148. Шипицына, Г.М., Геращенко, М.Б. Развитие многозначности как способ пополнения словарного состава современного русского языка / Г.М. Шипицына, М.Б. Геращенко // Русский язык в школе, – 2011, № 6. – С.81-85.
149. Шипицына, Г.М., Мамонова, Ю.О. Общий взгляд на лексикон русского языка советского периода / Г.М. Шипицына, Ю.О. Мамонова // Научные ведомости Белгородского государственного университета / Гуманитарные науки. – №14 (235), вып.30, 2016. – С. 21-29.
150. Шипицына, Г.М. Об эволюции лексико-семантической группы прилагательных с антропонимическим значением «злой» в русском языке (1-я половина XIX в. – 2-я половина XX в.) / Н.А. Кондрашов, Г.М. Шипицына // Слово и словосочетание как компоненты структуры предложения. – Выпуск 12. – М.: МПГУ, 1978. – С. 140-155.
151. Шипицына, Г.М. Об эмоционально-экспрессивных компонентах значения слова / Г.М. Шипицына // Семантическая структура слова и высказывания : межвузовский сборник научных трудов. – М.: МПУ, 1993. – С.178-194.
152. Шипицына, Г.М. О развитии словарного состава русского языка / Г.М. Шипицына // Русская речь. – 2009. – № 2. – С. 44-48.
153. Шипицына, Г.М. О семантическом развитии лексики / Г.М. Шипицына // «Русская словесность». – 2010, № 5. – С. 9-14.
154. Шипицына, Г.М. Развитие многозначности как способ пополнения словарного состава современного русского языка / Г.М. Шипицына // «Русский язык в школе». – 2011, № 6. – С. 81-85.
155. Шипицына, Г.М. Структура значения слова и отношения между образующими ее компонентами / Г.М. Шипицына // Филологические науки. – 1993. – № 3. – С. 67-76.
156. Шипицына, Г.М. Сущность категории «лексико-семантическая группа» и методика выделения лексико-семантических групп имен прилагательных / Г.М. Шипицына // Проблемы изучения слова. – Вып. 1. – Свердловск: Изд-во СГПИ, 1975. – С. 14-35.

157. Шипицына, Г.М., Чавыкина, Ю.О. Лексические инновации в социокультурном аспекте / Г.М. Шипицына, Ю.О. Мамонова // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. – № 3, 2015. – С. 245-249.
158. Шкредова, М.И. Советизмы в эмигрантской прозе : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Шкредова Мария Игоревна. – Северодвинск: ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, 2014. – 23 с.
159. Шмелев, А.Д. Эволюция русской языковой картины мира в советскую и постсоветскую эпоху / А.Д. Шмелев // Советское прошлое и культура настоящего : монография : в 2 т. / отв. ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета им. Б.И. Ельцина, 2009. – Т. 2. – С. 171-185.
160. Шмелев, Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д.Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.
161. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
162. Шпет, Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта / Г.Г. Шпет. – М.: «КомКнига», 2006. – 216 с.
163. Щерба, Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – М.: Наука, 1974. – С. 24-39.
164. Юнг, К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / К. Кереньи, К.Г. Юнг. – Пер. с англ. – Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.
165. Cruse, A.A. Glossary of Semantics and Pragmatics / A.A. Cruse. – Edinburgh, Edinburgh University Press. – 2006. – 198 p.
166. Fritz, G. Change of meaning and change of vocabulary / G. Fritz // Sociolinguistics. – Vol. 2. – B; N.Y., 1988. – P. 1614-1631.

167. Nerlich B., Clarke D. A dynamic model of semantic change / B. Nerlich, D. Clarke // J. of lit. semantics. – Cambridge; N.Y., 1988. – Vol. 17. – N 2. – P. 73-90.
168. Wierzbicka, A. Understanding Cultures through Their Key Words. English, Russian, Polish, German and Japanese / A. Wierzbicka. – New York, Oxford, OXFORD UNIVERSITY PRESS. – 1997. – 328 p.

Список использованных словарей и их условные обозначения

1. БТС – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова; Рос. акад. наук, ин-т лингвистич. исслед. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
2. БЭС – Большой этимологический словарь русского языка / Сост. М.В. Климова – М.: ООО «Дом Славянской книги», 2013. – 960 с.
3. Даль 1880 – 1882 – Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль; в 4-х т.; набрано и напечатано со второго издания 1880 – 1882 гг. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956.
4. ИОС – Идеологически-оценочный словарь русского языка XIX – начала XX вв. – Брянск, Изд – во Брянского государственного педагогического университета, 1995. – 170 с.
5. КЭС – Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С.Г. Бархударова. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.
6. МАС – Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой; в 4-х т.; АН СССР, Институт русского языка. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985 – 1988.

7. ОЖ 1953 – Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Под ред. С.П. Обнорского. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1953. – 848 с.
8. ОЖШ – Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: «Оникс», 2011. – 2296 с.
9. РЯ – Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Изд. дом «Дрофа», 1998. – 704 с.
10. СВЖ – Историко-этимологический словарь воровского жаргона / Под ред. М.А. Грачева, В.М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 2000. – 254 с.
11. СИС – Словарь иностранных слов современного русского языка / Сост. Т.В. Егорова. – М.: «Аделант», 2014. – 800 с.
12. СК ХХ – Руднев В.П. Словарь культуры ХХ века. – М.: Аграф, 1999. – 384 с.
13. СЛТ – Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. – 624 с.
14. СРЯ XI – XVII – Словарь русского языка XI – XVII вв. / Вып. 1 – 28. – М.: Наука, 1975 – 2008.
15. СТЖ – Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Под ред. Д.С. Балдаева, В.К. Белко, И.М. Исупова – М.: Края Москвы, 1992. – 526 с.
16. СФ – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Б.А. Ларина; в 4-х т. – М.: «Прогресс», 1986.
17. Сл. Тихонова – Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. – М.: Рус. яз., 1985.
18. Справочник Росси – Справочник по ГУЛАГу / Сост. Жак Росси. – М.: Просвет, 1991. – Ч. 1. – 269 с.
19. ТС Ермаковой – Жизнь российского города в лексике 30 – 40-х годов ХХ века. Краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений / Сост. О.П. Ермакова. – М.: «Флинта», «Наука», 2011. – 192 с.

20. ТСРЯ XX – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складервской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 702 с.
21. ТСРЯ XXI – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складервской. – М.: Эксмо, 2007. – 1136 с.
22. ТСУ – Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н. Ушакова; т. 1 – 4. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935 – 1940.
23. ТСЯС – Толковый словарь языка Совдепии / Под ред. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704с.
24. ЯЗ – Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 658 с.

Список источников языкового материала

1. Березкин А. США – активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918 – 1920 гг.). – М.: Государственное изд-во политич. лит-ры. – 1952. – 255 с.
2. Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Речи и статьи / В 9-ти т. – М.: Политиздат, 1970 – 1982.
3. История городов и сел Украинской ССР. Крымская область / ред. Л. Солодовник, Н. Багров. – Киев: Главная редакция УСЭ, 1974. – 624 с.
4. История Коммунистической партии Советского Союза. – Изд. 4-е. – М.: Политиздат, 1972.
5. Келдыш М.В. Избранные труды. Общие вопросы развития науки. – М.: «Наука», 1985 г. – 703 с.
6. Киров С.М. Избранные статьи и речи (1912 – 1934). – Ленинград: ОГИЗ Государственное издательство политической литературы, 1939.
7. КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК / в 3-х т. – М.: Политиздат, 1954.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 615 с.

9. Материалы XXII съезда КПСС. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.
10. Огонек. – М.: изд-во «Правда». – 1954. – № 9.
11. Огонек. – М.: изд-во «Правда». – 1970. – № 12.
12. Под знаменем марксизма. Философский и общественно-экономический журнал. – М.: изд-во ЦК ВКП(б) «Правда». – 1934. – № 1.
13. Рогачевская, Л.С. Трудовой подвиг рабочего класса в строительстве социализма и коммунизма. – М.: «Знание», 1974 г. – 64 с.
14. Рыбникова, М.А. Введение в стилистику. – М.: «Советский писатель», 1937. – 284 с.
15. Сбытов, В.Ф. КПСС – боевой авангард строителей коммунизма. – М.: Политиздат, 1970. – 168 с.
16. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года с изменениями на 1 декабря 1938 года. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938.

Приложение 1. Словник деактуализированной лексики в соответствии с тематической классификацией

Условные обозначения

1. АиФ – «Аргументы и факты».
2. Век XX – «Век XX и мир».
3. ВП – «Вечерний Петербург».
4. ВШ – «Воспитание школьников».
5. «Журналист».
6. З-С – «Знание – сила».
7. Изв. – «Известия».
8. ИиР – «Искусство и религия».
9. Иск. – «Искусство».
10. «Коммунист».
11. КП – «Комсомольская правда».
12. ЛГ – «Литературная газета».
13. ЛП – «Ленинградская правда».
14. Мол. комм. – «Молодой коммунист».
15. МК – «Московский Комсомолец».
16. Наш совр. – «Наш современник».
17. НГ – «Независимая газета».
18. НиР – «Наука и религия».
19. Нед. – «Неделя».
20. ОГ – «Общая газета».
21. «Огонек».
22. «Правда».
23. «Пульс».
24. «Пятница».
25. СиШ – «Семья и школа».

26. Сов. Россия – «Советская Россия».
27. СМ – «Студенческий меридиан».
28. «Смена».
29. СПб Эхо – «Санкт-Петербургское Эхо».
30. СР – «Строительный рабочий».
31. «Труд».
32. ЧП – «Час Пик».

I. ТК «Номинации понятий из сферы политики»	
ТГ- 1 «Общие политические понятия»	<p>Агитки (<i>раздавать на улице агитки</i>), административно-директивный (<i>административно-директивная система</i>), административно-командный (<i>административно-командная система</i>), актив-1 (<i>партийный актив, заседание комсомольского актива</i>), антисоветский (<i>антисоветская литература, антисоветские агитаторы, антисоветский заговор</i>), антисоветчина (<i>Травили собратьев по перу сами писатели. Причем мне это было крайне неприятно. Какая там у Пастернака антисоветчина! АиФ, 1995, № 6</i>), бесклассовый (<i>бесклассовое общество</i>), большевизм (<i>идеология большевизма</i>), большевик (<i>На нашем торжественном заседании сегодня присутствуют коммунисты старшего поколения – стойкие большевики, активные участники борьбы за Советскую власть на литовской земле. Горбачев М. Дружба народов СССР – бесценное достояние</i>), вожак (<i>партийный, комсомольский, профсоюзный вожак</i>), вооружение (<i>гонка вооружений</i>), всемирно-исторический (<i>всемирно-исторические события</i>), всесоюзный (<i>всесоюзное радио, всесоюзная здравница, всесоюзная</i></p>

ударно-комсомольская стройка, всесоюзное комсомольское собрание, всесоюзный коммунистический субботник, всесоюзное соцсоревнование), **дело** (совет по делам религий), **диама**т (экзамен по диамату), **директива** (директивы съезда КПСС, выполнить директиву горкома комсомола), **ежовщина** (Публ. Неодобр. Центральный аэроклуб стал одной из жертв ежовщины. Руководители его были арестованы. Яковлев А. Цель жизни. Аэроклуб имени Косарева), **железный** (железный занавес), **ждановщина** (Публ. Неодобр. Литературный процесс с его идейным и эстетическим поисками, конфликтами, страшными годами сталинщины и ждановщины, драматическими коллизиями старательно спрятан, скрыт за пустыми фразами и определениями. Коммунист, 1990, 2), **идейно-воспитательный** (идейно-воспитательная работа), **идеология** (коммунистическая идеология), **идея** (нести в массы к.-л. идеи), **избранник** (народный избранник), **империализм** (американский империализм), **интернационализм** (пролетарский интернационализм), **класс** (борьба классов), **классовость** (В единстве пролетарской классовости и коммунистической партийности мы видим залог успехов коммунистического строительства. Румянцев А. Проблемы современной науки об обществе), **коллективизм** (дух коллективизма), **колониальный** (колониальный режим), **колонианизм** (гнет колониализма), **колония¹⁻¹** (захват колоний, эксплуатация колоний), **коммунистический** (коммунистическое строительство), **комсомольско-молодежный** (комсомольско-молодежная бригада), **лениниана** (сценическая, кинематографическая, фотографическая лениниана), **ленинский** (ленинский комсомол), **милитаризация** (милитаризация космического пространства),

милитаризировать (*милитаризировать промышленность, сельское хозяйство, науку, милитаризировать сознание народа*), **милитаризм** (только о кап. странах – *оголтелый милитаризм*), **морально-политический** (*морально-политический климат в коллективе*), **партвзыскание** (*получить партвзыскание*), **партийно-бюрократический** (*партийно-бюрократическая система*), **партийно-воспитательный** (*партийно-воспитательная работа*), **партийность-1** (*партийность философской теории*), **партийность-2** (*партийность литературы*), **партийно-хозяйственный** (*В соврем. употр. Неодобр. КГБ не довело дело о саратовской партийно-хозяйственной мафии до конца. ОГ, 03.12.1993-09.12.1993*), **партийный¹⁻²** (*Первичная партийная организация, партийная ячейка, группа, партийный комитет, партийное бюро, партийная номенклатура, партийная жизнь, партийный контроль, партийное просвещение, партийная учеба, партийная школа, партийный стаж, партийное взыскание, партийные чистки, партийные архивы*), **партийный¹⁻³** (*Проникнутый коммунистической идеологией, отражающий интересы КПСС, проводящий ее политику. Партийные взгляды, убеждения, партийное понимание проблемы, партийная устремленность в творчестве, партийный очерк, партийная пьеса, книга*), **партийный¹⁻⁴** (*В офиц. советской пропаганде: отличающийся принципиальностью, ответственностью, нравственностью. Партийное отношение к работа, партийная позиция, партийные поступки, партийный разговор*), **перестройка** (*архитектор перестройки*), **пламенный** (*пламенный боец за социалистический прогресс*), **погромный** (*погромные выступления, погромная статья*), **политдень** (*провести единый полит-*

	<p>день), послеоктябрьский (послеоктябрьская деревня, послеоктябрьское поколение), почин (патриотический почин комсомольцев), правофланговый¹ (правофланговый колхоз, правофланговый отряд), правофланговый² (правофланговые социалистического соревнования), происки (происки врагов), свершения (Высок. Во всех своих свершениях коммунисты неизменно и последовательно руководствуются великим марксистско-ленинским учением. Правда, 14.06.1976), светоч (светоч науки, светоч гуманизма), советский-1 (Герой Советского Союза, Коммунистическая партия Советского Союза), советский-2 (советский человек), социалистический (социалистическая демократия, социалистические обязательства, социалистическое соревнование, социалистические страны), соцстраны (оказать помощь соцстранам), соцстроительство (социалистическое строительство).</p>
<p>ТГ-2 «Наименования новых организаций и людей по отношению к ним»</p>	<p>ВС¹ (Верховный Совет), ВЧК¹ (Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (по борьбе с контрреволюцией и саботажем), ВЦИК (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. Положения ВЦИК), Горком (Городской комитет. Секретарь горкома, обратиться в горком), ГПУ (Государственное политическое управление), Исполком (Исполнительный комитет Совета народных депутатов. Исполком Ленсовета), КПСС (Коммунистическая партия Советского Союза. Вступить в КПСС, член КПСС, устав КПСС, программа КПСС), Крайисполком (Краевой исполнительный комитет (Совета депутатов трудящихся), Крайком (Краевой комитет. Пленум крайкома, представитель крайкома комсомола), МГБ (Министерство государственной безопасности. Лейтенант МГБ), Обком (Об-</p>

	<p>ластной комитет. <i>Обком профсоюзов легкой промышленности, секретарь обкома</i>), ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление. <i>Центральный архив ОГПУ</i>), Политбюро (Политическое бюро. <i>Политбюро ЦК КПСС</i>), Райком (Районный комитет. <i>Работать в райкоме</i>), Райсовет (Районный совет. <i>Обратиться в райсовет</i>), РСФСР (Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика), ЧК (Чрезвычайная Комиссия (по борьбе с контрреволюцией и саботажем).</p>
--	---

Лексическая группа «Ключевые слова эпохи»

Авангард-1 (*большевистский авангард, находится в авангарде рабочего класса*), **активист-2** (*комсомольский активист, общественник*), **антирелигиозный** (*вести антирелигиозную пропаганду*), **атеизм** (*воинствующий атеизм, научный атеизм*), **битва** (*битва за урожай, битва за умы молодежи*), **благо** (*во благо народа*), **благоденствие** (*высок. Всеобщее благоденствие*), **благосостояние** (*курс партии на подъем народного благосостояния, повысить благосостояние трудящихся, обеспечить рост материального благосостояния и культурного уровня советских людей*), **боевитость** (*повышать боевитость первичных партийных организаций, укреплять в молодежи дух боевитости, показать свою боевитость*), **боеспособный** (*В борьбе за осуществление решений XXIV съезда выросла, окрепла сама наша партия. Боеспособнее стали ее организации. Брежнев Л. Доклад 25 съезду КПСС*), **боец-1** (*бойцы ударных строек, в советск. время. – высок., в соврем. употр. – ирон. О работниках КГБ*), **боец-2** (*Каждый коммунист – это политический боец. Брежнев Л. Возрождение. Бойцы стройотряда, бойцы ударных строек*), **бой-2** (*бой хулиганству*), **борьба** (*классовая борьба, борьба с международным капиталом, с империализмом*), **брат-2** (*дружба советских народов-братьев, братья по классу. В соврем. употр. Ирон. Появление советских танков на улицах Праги было, как следует из учебника,*

большим благом для наших заблудших братьев. Огонек, 1991, № 23), **братский-1** (братский народ Польши, братская Чехословакия, братские коммунистические партии), **братство** (братство рабочих всех стран, братство социалистических стран, трудящихся масс), **бригада** (бригада коммунистического труда), **будущее** (светлое будущее), **вахта** (вахта памяти), **вождь** (вождь мирового пролетариата), **враг** (враг народа), **вредитель** (В тюрьмах побывало столько людей, что вряд ли в стране была хоть одна семья, родственники или знакомые которых не подвергались преследованиям и репрессиям. После вредителей настала очередь кулаков; после кулаков – «троцкистов» после «троцкистов» – людей с немецкими фамилиями. Шаламов В. Зеленый прокурор), **всенародный** (Высок. Всенародное дело, всенародные планы, всенародная пятилетка, всенародная стройка, всенародная страда, всенародная забота о школе), **выездной** (Носит эти свои неизменные юбки и кофты навывпуск. Да они все такие, их учителя, одна только географичка одевается, как картинка, но все знают, у нее муж выездной, время от времени коллективу учителей что-нибудь от нее перепадает. Щербакова Г. Мандариновый год, или идеальный вариант), **вышка** (Разг. О содержании приговоров еще ничего не было известно. По этому поводу шли постоянные споры. Кое-кто часто произносил леденящие слова: «вышка», «десятка». Гинзбург Е. Крутой маршрут), **гвардия** (ленинская гвардия), **гегемон** (гегемон рабочего класса), **генсек** (Сокр. Генеральный секретарь (обычно о партийном руководителе ЦК КПСС), **гласность** (политика гласности), **диверсия** (идеологическая диверсия), **диссидент-2** (Обвиняют академика А. Снежковского в том, что он якобы «открыл» новую форму шизофрении – вялотекущую, причем «открыл» специально для диссидентов. АиФ, 1990, № 14), **доблестный** (В советск. время. Высок. Доблестный труд на колхозных полях, доблестные защитники Отечества. В совр. употр. Ирон. Доблестные работники прилавка), **единство** (единство партии и народа, интернациональное единство рабочего класса), **завет-2** (заветы вождей), **завоевание** (завоевания Октября), **завтра** (коммунистическое завтра), **загнива-**

ние (*загнивание капитализма*), **заговор** (*заговор молчания*), **заклеймить** (*Разоблачая преступную пропаганду новой войны, глава советской делегации заклеил врагов мира, готовых во имя своих прибылей ввергнуть человечество в бездну новых страданий. Кисилев К. Записки советского дипломата*), **зарница**¹ (*Высок. Перен. На горизонте страны вспыхивали зарницы новой пятилетки. ЛГ, 08.05.74*), **знамя** (*красное знамя, переходящее знамя обкома партии, знамя коммунизма*), **империалист** (*В единоборстве с империалистами победило молодое Советское государство. История КПСС, 1959*), **интеллигент-2** (*Презрит. Чибис усмехнулся и сказал: – Интеллигенты всегда безответные ослы в партии: они постоянно чувствуют себя пришибленными и виноватыми. Гладков Ф. Цемент. Сенин почувствовал себя мальчишкой, идеалистом, гнилым интеллигентом. Попов Вл. Обретешь в бою*), **КГБ** (*Комитет государственной безопасности. Сотрудник КГБ, осведомитель КГБ*), **классовый** (*классовые интересы, классовая ненависть, классовый подход к произведениям литературы и искусства*), **ковать** (*Высок. Мы светлый путь кует народу. Мы счастье Родине кует. Шкулев Ф. Мы – кузнецы*), **коллективизм** (*социалистический коллективизм, воспитывать молодежь в духе коллективизма*), **колхоз** (*Колхоз – это школа коммунизма для крестьянства. Программа КПСС*), **коммунист-3** (*член КПСС. Блок коммунистов и беспартийных, высоко нести звание коммуниста*), **комсомолец** (*активный комсомолец*), **ленинизм** (*Ленинизм – знамя строительства социалистического и коммунистического общества в СССР, основа политики партии. Горбачев М. Ленинизм – живое творческое учение, верное руководство к действию*), **летун** (*борьба с летунами*), **лишенец** (*Дело не в том, что кто-то решил вернуть «лишенцам» незаконно отнятое у них гражданство, а в том, что сама ситуация заставила его это сделать. ЧП, 27.08.90*), **марксизм-ленинизм-1** (*Марксизм-ленинизм – это действительно настоящая и единственная наука, которая учит трудящихся побеждать своих врагов. Киров С. Статьи и речи 1934 г. Марксизм-ленинизм учит, что теория в отрыве от практики – мертва, а практика, не освещаемая революцион-*

ной теорией. – слепая. Отч. ЦК КПСС на XX съезде КПСС. Наши кубинские друзья по праву гордятся успехами в идеологической работе, в деле воспитания широких масс трудящихся в духе марксизма-ленинизма. Журналист, 1977, № 1), **марксизм-ленинизм-2** (Институт марксизма-ленинизма, курс лекций по марксизму-ленинизму), **массы** (развитие творческой активности масс, пролетарские массы, народные массы, трудящиеся массы, оторваться от масс), **маяк** (маяки производства), **моральный** (моральный кодекс строителя коммунизма), **народ** (советский народ, народ и партия едины! (лозунг), **невыездной** (стать невыездным, сделать к.-л. невыездным), **несун** (Разг. Неодобр. И среди рабочих хватает бракоделов, халтурщиков, «несунов», прогульчиков. СМ, 1987, № 1), **НКВД** (Народный комиссариат внутренних дел. Полковник НКВД, репрессии НКВД, страх перед НКВД), **ОБХСС** (Отдел борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией. Хапугам, мошенникам не место за прилавком. Следственные органы, прокуратура, ОБХСС ведут с ними суровую борьбу. КП, 20.10.1970), общенародный (общенародные интересы), **общественник** (активный общественник), **оппортунист** (Через оппортунистов буржуазия проводила свое влияние в среду рабочего класса. Недаром В.И. Ленин назвал оппортунистов агентами буржуазии в рабочем движении. История КПСС), **осведомитель** (осведомитель КГБ), **отщепенец** (Презрит. Писатель А.И. Солженицын именуется не иначе, как «верный слуга ЦРУ», а академик А.Д. Сахаров – как «духовный отщепенец и антисоветчик». АиФ, 1990, № 14), **партия** (закаленная в боях партия, партия – наш рулевой, партия есть боевой и испытанный авангард советского народа, роль партии в построении социализма, неустанные заботы партии о духовном развитии народа, партия призвала к трудовому подвигу, к великим свершениям и т.д.), **партаппарат** (Нашлись резервы для увеличения зарплаты партаппарату. МК, 31.05.1990), **партийный**² (Разг. В советск. время: член КПСС. Матвей Кузьмич достал из чемодана иконку, хотел повесить в уголок, но сейчас же раздумал. Неудобно: сын партийный, в бога не верует, невестка тоже, наверно, такая.

Нилин П. Ближайший родственник), **передовик** (*переовик производства*), **политинформация** (*провести политинформацию*), **пятилетка** (*Даешь пятилетку в четыре года!* (лозунг)), **рулевой** (*партия наш рулевой*), **секретарь** (*секретарь обкома, секретарь по идеологии*), **сексот** (*Презрит. Оперуполномоченный имел среди заключенных своих информаторов и «сексотов»*). Жженов Г. Саночки), **серп и молот** (*Неоязыческий человекобог воцарился на престоле Вселенной. Вместо венчания – «комсомольские свадьбы», вместо таинства крещения – «звездины» (вожак комсомольской ячейки осеял новорожденного младенца пятиконечной звездой с серпом и молотом)*). НиР, 1992, № 1), **соцсоревнование** (*социалистическое соревнование*), **соцлагерь** (*страны соцлагеря*), **соцреализм** (*произведение соцреализма*), **спецбольница** (*Общественность выступает против привилегий лечиться в спецбольнице или жить на спецдаче*. Правда, 27.01.1991), **спецбуфет** (*У западного высшего чиновника нет спецпарикмахерской и спецбуфета*. Костиков В. Блеск и нищета номенклатуры), **спецдача** (*Общественность выступает против привилегий лечиться в спецбольнице или жить на спецдаче*. Правда, 27.01.1991), **спецлагерь** (*В 1938 году Колыма была превращена в спецлагерь для рецидива и троцкистов*. Шаламов В. Левый берег), **спецмагазин** (*Появляются спецмагазины, спецавтобазы, .. и, наконец, спецкладбища, куда простому смертному невозможно войти ни живым, ни мертвым*. Костиков В. Блеск и нищета номенклатуры), **спецполиклиника** (*Павел Петрович торопливо набрал номер спецполиклиники; там, не дослушав его, ответили: сейчас будут*. Герасимов Н. Ночные трамваи), **спецпсихушка** (*Но даже несправедливо строгий Карабичевский не «выговорил» Трифонову за то, что он не описал «спецпсихушки», еврейских «отказников», платных стукачей и осведомителей, деятельность структур КГБ, допросы арестованных на Лубянке и тому подобное*. Огонек, 1992, № 10), **спецраспределение** (*Не знаю, с какой полнотой получают информацию люди, работающие в верхних эшелонах власти, но уверен, что и здесь существует «спецраспределение»*). З-С, 1990, 4. **Спецраспределитель**. На смену участникам ВОВ

приходят ветераны труда, воины-интернационалисты, персональные пенсионеры. А не является ли такая дележка лицемерной крышей для всякого рода спецраспределителей и спецслужб, лазейкой для чиновников-проходимцев и бессовестных торгашей, распределяющих дефицит? Век XX, 1989, № 12), **спецстоловая** (На жаргоне номенклатурные должности назывались должностями «с корытом» – спецстоловая, «с авоськой» – в придачу паек домой. Огонек, 1991, № 3), **спецтюрьма** (Заключенные спецтюрьмы, лучшие представители нашей интеллигенции, и в самых тяжелых испытаниях не переставали верить в будущее, в конечное торжество справедливости. ИиР, 1988, № 3), **товарищ** (Одной из главных тем, вошедших в сборник произведений товарища Брежнева, пишет газета, является проблема защиты мира, углубления разрядки напряженности, развития международного сотрудничества. Правда, 29.08.80), **тунеядец** (тот, кто живет за счет чужого труда, на чужой счет; бездельник), **ударник** (ударник коммунистического труда), **ударный**¹ (ударная вахта), **уровниловка** (уровниловка в оплате труда), **ускорение** (Лозунг «ускорение» как бы логически вырос из праздновавшегося в первые дни правления Горбачева юбилея стахановского движения – яркого мифа сталинской эпохи. Век XX, 1990, № 6), **чекист** (В город на усиление охраны границы прибыла из Москвы ударная группа чекистов по борьбе с бандитизмом. Беляев В. Старая крепость), **шарага** (Ляг. жарг. Атомная шарага, работать в шараге).

II. ТК «Номинации понятий из сферы общественной жизни»

ТГ-1 «Наименования общественных организаций»

Агитпункт (На вечерах избирателей, которые проходят сейчас в многочисленных агитпунктах, идет речь и о будущем омской окраины. Сов. Россия, 25.02.1969), **ВЛКСМ** (Офиц. Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи. Вступить в ряды ВЛКСМ, исключить из ВЛКСМ, ВЛКСМ –

	<p><i>верный помощник партии, ВЛКСМ работает под руководством КПСС), ВЦСПС (Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов. Спортивный флаг ВЦСПС), ДНД (Добровольная народная дружина), ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии и флоту. Взносы в ДОААФ, вступить в ДОСААФ), исправительно-трудовой (исправительно-трудовое учреждение), комсомол (Коммунистический союз молодежи. Вступить в комсомол), лечебно-исправительный (лечебно-исправительное учреждение), лечебно-трудовой (лечебно-трудовой профилакторий (ЛТП), ЮДП (Юные друзья пограничников. На одном из южных участков границы член отряда ЮДП Тениз Абанидзе, возвращаясь из школы, увидел, как неизвестный человек сошел с дороги и укрылся в зарослях. ВШ, 1971, № 1).</i></p>
<p>ТГ-2 «Наименования лиц по социальной принадлежности»</p>	<p>Аллилуйщик (<i>нов. газет. презрит. Человек, неумеренным восхвалением существующего положения вещей прикрывающий отрицательные явления и тем мешающий борьбе с ними</i>), антиперестроечник (<i>Тот, кто ратует, чтобы убрать шестую статью [о руководящей роли КПСС в обществе и государстве] из конституции, – антиперестроечник</i>), антисоветчик (<i>«Помилочки» у нас не новость. Случались они и в брежневскую эпоху. Широкой волной прошли во времена горбачевской перестройки. Тогда освобождали в основном заключенных по 70-й 190-й статьям – антисоветчиков и «хулиганов». Огонек, 1991, № 43</i>), безбожник-2 (<i>ячейка безбожников. Официально Володя значился в то время в должности «безбожника» при избе-читальне, то есть, видимо, пропагандиста по антирелигиозным вопросам. Солоухин В. Капля росы</i>),</p>

блатной¹-1 (*блатное место, блатная должность, блатная школа, попасть на работу в министерство блатным путем*), **блатной¹-2** (*блатные студенты*), **блатной²-2** (*ложка для блатных, партия машин распределена среди блатных*), **ваучерист** (*Разг. Профессиональных ваучеристов лучше искать даже не у метро, а на торговой бирже. Смена, 30.07.1994*), **ваучерник** (*Речь о тех, кто слоняется у станций метро, повесив себе на шею табличку «Куплю ваучер» ... Некоторые из этих «топтунов» работают с валютой, ... но есть и чистые ваучерники. Смена, 30.06.1994*), **ваучеродержатель** (*Офиц. Кроме вложения ваучера по месту своей работы, у ваучеродержателей был огромный выбор объектов. НВ, 09.07.1994*), **Герой** (*Герой Социалистического Труда*), **дружинник** (*обеспечить общественный порядок с помощью дружинников, красные нарукавные повязки для дружинников, рейд дружинников по улицам города*), **единоличник** (*Неодобр. Художник писал деревенских девушек, пионеров, пришедших агитировать единоличника вступить в колхоз. Гор Г. В утреннем мире*), **затейник** (*массовик-затейник*), **индивидуал** (*Разг. Он перепродавал вещи, сшитые нелегальными индивидуалами. Смена, 08.01.1991*), **интернационалист-1** (*сторонник интернационализма*), **интернационалист-2** (*воин-интернационалист*), **исполкомовец** (*Разг. Работник исполкома*), **кандидат** (*кандидат в члены КПСС*), **коллективист** (*Советские люди – коллективисты по своему духу, с раннего детства они впитывают глубоко человеческую коммунистическую мораль. Гагарин Ю., Лебедев В. Экипаж межпланетного корабля*), **колонизатор** (*Колонизаторы принесли нигерийцам 300 лет духовного и умственного мрака, физического варвар-*

ства и человеческой деградации в невиданных в Африке размерах. Долетов Ю. Узелок на память), **комсорг** (выборы комсорга, комсорг класса, курса), **контролер** (народный контролер), **крайкомовец** (Расталкивая локтями темноту первой в их жизни целинной ночи, комсомольцы дружно поторапливались за крайкомовцем Виктором Сажиным. Тельпугов В. Тринадцать), **ленинец** (торжественное обещание юного ленинца), **лимитчик** (Надька нервничала: обворуют. Но уважающие себя воры ходят туда, где японская техника и твердая валюта. А в общежитиях для лимитчиков им делать нечего. Огонек, 1991, № 10), **милитарист** (Долгосрочная программа вооружений НАТО, решение о размещении в Западной Европе новых видов американского ракетно-ядерного оружия, пресловутая новая ядерная стратегия США – все это явное выражение претензий милитаристов на достижение военного превосходства над социалистическими странами. Правда, 27.08.1980), **невозвращенец** («Невозвращенец» Виктор Кравченко, опубликовавший на Западе первый антисталинский бестселлер «Я выбрал свободу», раскрывал на суде удивительные факты о жизни советских людей при тоталитарном режиме. КО, 19.04.1991), **обкомовец** (Разг. Мои взгляды на Ленина и его роль в истории, мягко говоря, не совпадают со взглядами обкомовцев. Огонек, 1991, № 26), **обэхаэсовец** или **обэхээсник** (Разг. Является Латышев, молодой, усатый, экспансивный. С ходу в крик: «Это что, и в накладной не будет указана точная цена? ... Не поеду! Меня первый же обэхээсник за шкуру возьмет. Мне свобода еще не надоела». ЛГ, 1986, № 50), **октябренок** (Имя «октябренок», красная звездочка с изображением юного Володи Ульянова, красный

октябратский флажок, пять правил октябрат – все это олицетворяет неразрывную связь трех поколений, верность революционным идеалам. Народное образование, 1974), **особист** (Некоторые особисты пытались ухватиться за духовное образование Власова. Да вынуждены были отпустить эту зацепку. Сам «вождь» учился в духовной семинарии. Волкогон Д. Триумф и трагедия), **отказник-1** (Даже несправедливо строгий Карабичевский не «выговорил» Трифонову за то, что он не описал «спецпсихушки» еврейских «отказников», платных стукачей и осведомителей, деятельность структур КГБ, допросы арестованны на Лубянке и тому подобное. Огонек, 1992, № 10), **перестроечник** или **перестройщик** (Разг. Как просты и как трудны ответы на эти вопросы... Для нахождения их, как говорят иные перестроечники, может потребоваться даже гражданская война. Огонек, 1991, № 19), **плановик** (В плановом отделе объединения сказали, что я не учитываю объективных различий между комбинатами, а они, плановики, учитывают таковые. Изв., 28.08.1970), **политинформатор** (В райкомовском кабинете партпросвещения только что закончилось совещание политинформаторов города. Ардаматский В. Райцентр), **пропагандист** (семинар пропагандистов), **райкомовец** (Разг. Горкомовцы и райкомовцы косяком потянулись в загодя созданные для «отмывания» денег малые и средние предприятия. Огонек, 1992, № 6), **социалист** (У течения новых социалистов, кстати, есть аналоги в Восточной Европе – например, объединенные левые в Восточной Германии. МК, 30.05.1990), **спекулянт-1** (Неодобр. Спекулянты жирели, как свиньи на отрубях. Они лезли во все поры, строили одноэтажные фли-

	<p>гельки, торопливо вешали вывески. Диковский С. Столица пролетариата победившего), талонщик (Долг универсама прикрепленным к нему талонщикам растет из месяца в месяц. Огонек, 1992, № 2), утюг (Жарг. Поставлять тем же фарцовщикам и «утюгам» товар, взимая с них народ с оборота. Еще тысяча. Огонек, 1991, № 23), юнармеец (Тысячи юнармейцев прошли дорогами героев; были открыты сотни новых музеев, комнат боевой и трудовой славы советского народа. Изв., 17.01.1971), юнкор (Второй год при редакции подмосковной городской газеты «Калининградская правда» работает школа-клуб юнкоров. Журналист, 1977, № 2), юннат (Юннаты хлопотали около огородных гряд, разглядывали яблони, проверяли весенние свои посадки – смородину и «викторию». Воронкова Л. Алтайская повесть).</p>
<p>III. ТК «Номинации понятий из сферы экономики»</p>	
<p>ТГ-1 «Наименования, связанные с бытовым сектором экономики»</p>	<p>«Березка» (Собираясь на русское чаепитие, американка купила в «Березке» заокеанское печенье и конфеты. СиШ, 1991, № 2), бескарточный (Ввести бескарточную систему торговли товарами первой необходимости. Разг. Бескарточные товары), выбить (выбить металл, сырье, запчасти, путевку в санаторий, дополнительную ставку, подпись, резолюцию, визу, недостающую сумму), выбросить или выкинуть (Разг. Выбросить сапоги, кофточки, гречу), двушка (Монета достоинством в две копейки. Разг. С мусором в урну падает засохшая крошка сыра, прошлогодний талон на жизнь, ключ, двушка, и фотокарточка. Юность, 1990, № 6), дефицит-1 (дефицит то-</p>

варов и услуг, дефицит продуктов питания, преодоление дефицита на пути к рынку), **дефицит-2** (Разг. Достать дефицит, переплатить за дефицит), **достать**¹ (Перен. Разг. Достать нужное лекарство, достать билеты в театр, достать мебельный гарнитур), **записаться**² (Разг. на что-л. – Скажите, пожалуйста, где записываются на ковры? Семенов М. Неделя в газетном киоске), **карточка-2** (продовольственная карточка, продажа дефицитных товаров по карточкам), **карточный** (карточная система), **копеечник** (Разг. Попробуй усомниться в честности того же продавца, так непременно найдется защитник, который пренебрежительно бросит тебе: «Копеечник!» СР, 1972, № 17), **копеечный** (Разг. Стоящий ничтожно мало, очень дешевый. Копеечный перстенец, платочек, копеечные свечи), **копейка**¹ (**копеечка**)-**1** (дорожить копейкой, копейка рубль бережет (посл.), **копейка-1-2** (свои, кровные, государственные копейки, беречь народную копейку), **купон-2** (Как, оказывается, легко и просто его [апокалипсиса] избежать – надо лишь ввести в стране купоны, то есть нецелевые карточки-купоны и одновременно снизить цены на сверхдорогие и сверхдефицитные товары длительного пользования. ВП, 19.09.1991), **купонно-талонный** (Наконец, несколько слов о попытке избежать катаклизма, как это предлагается, при помощи купонно-талонной системы. ВП, 19.09.1991), **медь** (После того, как он только что расплатился за ужин ... у него в кармане осталось два двугривенных и немного меди — на сигареты и на метро. Березко Г. Необыкновенные москвичи), **медяки = медяшки** (Разг. А ты... пока еще никто, хоть и инженер. Видел, как ты вчера в столовой медяки считал. Какая у тебя зарплата? Небось какая-нибудь

несчастливая сотня. Сторожева М. Под Москвой), **отоварить** (отоварить карточку, талон), **пятак** = **пяточок** (Разг. [Толик] занял у нее пяточок и отправился на почту. Цветных открыток продавалась там уйма. Лиханов А. Лабиринт), **пятерка**¹ = **пятерочка** (Разг. — Вот штрафану я тебя на пятерку, будешь знать, — беззлобно проговорил сержант. Штемлер И. Универмаг), **рублевка** = **рублевочка** (Разг. Дядя Саша поспешно вложил свою рублевку в изуродованную руку калеки. Ладонь тут же сжалась в неполный кулак, сминая рублик. Горбовский Г. Снег небесный), **рублевый-4** (противоп. копеечный. [Петр Петрович]: Пряниками не рублевыми шиковать, а по девяносто копеек. Рощин М. Девочка, где ты живешь?), **талон** (продуктовые, винные талоны, талоны на сахар, на чай, на колбасу, на масло, на мясо, на водку, на сигареты, на мыло, на пасту, на стиральный порошок, на белье), **трешка** = **трешник**, **трешница**, **треха**, **трояк** (Разг. Парадоксальная судьба! Бессребреник., «стреляющий» всю жизнь трешки в долг, вскоре после смерти Зверев стал вдруг модным, у него появились подражатели, работы идут с аукционов; за фантастические суммы. Иск., 1991, № 9), **четвертак** = **четвертной** (Изначально было оговорено, что будут только сторублевые банкноты. На деле же оказалось, что почти вся сумма была набрана «четвертаками». АиФ, 1995, № 5), **червонец-1** (Устар. Золотая монета (в 5 или 10 руб.). Пятаков пригоршни трои червонца на обмен крестьянину дают. И.А. Крылов.] Устар. Вообще монеты, золото, деньги. И червонцы твои не украдены у сирот беззащитных и вдов. Н.А. Некрасов), **червонец-2** (Нов. Денежный билет десятирублевого достоинства. Советский червонец, разменять три червонца).

<p>ТГ-2 «Наименования, связанные с государственным сектором экономики»</p>	<p>Агропром = агропромышленный комплекс (<i>Агропромышленный комплекс в лице председателей колхозов и деятелей местных Советов в последнее время даже упрочил свои позиции: единственными кормильцами народа, судя по последнему урожаю, остаются колхозы и совхозы. СПбЭхо, 28.10.1992</i>), антикооперативный (<i>Это далеко не первая антикооперативная акция наших ведомств... Начал работать Верховный Совет РСФСР. Кому, как не ему, остановить бурную антикооперативную деятельность бюрократического аппарата?! ЛГ, 28.06.1989</i>), билет (<i>рублевый билет</i>), блошинный (<i>блошинный рынок</i>), валютчик-1 (<i>Разг. Уличный валютчик</i>), ваучер (<i>получить ваучер по месту жительства, купить, продать ваучер, курс скупки ваучеров, владелец ваучера, колебания курса ваучеров, вложить ваучер в акции, приобрести акции на ваучер, владелец ваучера</i>), ваучеризация (<i>Несмотря на заявления об успешном шествии ваучера по российским долинам и взгорьям, общественное мнение .. относится к сплошной ваучеризации россиян достаточно скептически. Смена, 29.06.1994.</i>), встречный (<i>встречный план</i>), госплан (<i>Государственный комитет по планированию. Мы обращаемся к Госплану СССР с тем, чтобы он в 1991 году распространил госзаказ на производство учебно-лабораторного оборудования. Труд, 03.01.1991</i>), госпредприятие (<i>Государственное предприятие. Закон о госпредприятии</i>), госприемка (<i>Государственная приемка (комиссия контроля за качеством). Вести госприемку, пройти госприемку, работать в госприемке</i>), госснаб (<i>Государственный комитет по снабжению. На месте некоторых министерств создавались концерны и тресты. Госснабы и торги преобразовывались в торговые дома, совмест-</i></p>
--	---

ные предприятия (СП) и биржи. Медведев Р. Здоровье и власть в России), **госторговля** (Государственная торговля (как противоположность коммерческой). *Большое скопление людей — это или несанкционированный митинг оппозиции, или госторговля яйцами по старым ценам.* Огонек, 1991, № 34), **госцена** (Государственная цена. *Продавать по госцене*), **план-2** (план развития страны на VII пятилетку), **планово-убыточный** (*Добиться повышения оптовых цен на уголь. Без этого наша планово-убыточная отрасль вряд ли станет приносить прибыль.* КП, 23.12.1987), **приписки** (Обычно в отчетах. *Наблюдается заметный рост бесхозяйственности, вседозволенности, безнаказанности, процветание на этой почве приписок и искажений отчетности.* Нед., 01.10.1990 — 07.10.1990), **разнарядка** (*партийная разнарядка, получить книги по разнарядке, разнарядка на цех. «Все — на выборы!» Лозунг этот привычен с давних времен, когда мы выбирали одного кандидата из одного, когда депутатами становились по разнарядке.* АиФ, 1990, № 11), **распределение** (*Теперь объемы производства планируются самими предприятиями. Ни Госплан, ни министерства им уже не указ. Но пока прямые связи между поставщиками и потребителями не гарантируют снабжения населения всем необходимым. Приходится действовать с помощью старых структур распределения.* Огонек, 1991, № 7), **сверхплановый** (*сверхплановое государственное задание, социалистические обязательства по сверхплановой продаже хлеба государству*), **соцзаказ** (*Социальный заказ. Художники, привыкшие к мощному государственному прессингу, соцзаказам, немыслимым изыскам цензуры и редакторскому произволу, на вольном воздухе стали задыхаться.*

Иск., 1991, № 2), **хозрасчет** (*И готов дать больше, если школу переведут на хозрасчет. АиФ, 1990, № 32*), **шеф-2** (*Практика комсомольского шефства над всесоюзными ударными показывает, что когда каждый объект имеет своего шефа, то это во многом обогащает стройку, придает всей комсомольской деятельности живой и конкретный характер. Мол. комм., 1977, № 1*), **шефство** (*опыт комсомольского шефства над ключевыми объектами народного хозяйства страны*).

IV. ТК «Номинации понятий из сферы техники»

Аудиокассета (*поставить аудиокасsetу*), **аудиоплеер** (*слушать аудиоплеер*), **аудиотекст** (*записать аудиотекст*), **видак = видик** (*Жарг. Видеоманитофон. Видаки фирмы «Toshiba» довольно надежны. Хотя по схемотехнике — это вчерашний день. АиФ, 1992, № 21*), **видеобар** (*Мы за полтора месяца... построили уютные видеозалы и видеобар, в которых установили три видеоустановки. ЛГ, 1988, № 1*), **видеодиск** (*продажа видеодисков, видеодиски фирмы «Филлипс»*), **видеозал** (*Открылся первый в нашем городе видеозал... В небольшом помещении установлено два десятка кресел, цветной телевизор и видеоманитофон. ГР, 11.01.1987*), **видеокассета** (*чистая видеокассета, переписать видеокасsetу, обмен и прокат видеокасset, производство, продажа видеокасset, коллекция видеокасset, видеокассета с популярным фильмом*), **видеокафе** (*В Саратове организовано несколько видеокафе, где демонстрируются .. фильмы. ЛГ, 1987, № 47*), **видеокооператив** (*открыть, создать видеокооператив, работать в видеокооперативе*), **видеолента-1** (*Видеопленка. Записать на видеоленту, стереть с видеоленты, цветной фильм на видеоленте*), **видеолента-2** (*Видеофильм. Просмотр новой видеоленты*), **видеомагнитофон** (*бытовой, кассетный, портативный видеоманитофон, продажа, ши-*

рокий выбор видеоманитофонов, купить отечественный видеоманитофон, ремонт видеоманитофонов), **видеоплеер** (Продаю новый пишущий видеоплеер «Акай-Р9». Пятница, 24.01.1992), **видеоленка** (снять, записать на видеоленку, порвать видеоленку), **видеопронат** (запустить фильм в видеопронат, легализация проблемы видеопроната, запрещен видеопронат порнографических фильмов), **видеореклама** (видеореклама на телевидении, лучшая видеореклама года), **видеоточка** (В Ленинграде работает около 1000 видеоточек. ЛП, 12.02.1989), **двухкассетный** (двухкассетный магнитофон = двухкассетник), **дискета** (системная дискета, отформатировать дискету, хранить информацию на дискетах), **кассета-1** (Сегодня Виктор Бабаев принес магнитофонные кассеты: ... профессор Григорий Михайлович Игнатъев надиктовал научные комментарии, подробно описав острова, куда заходило наше судно до прибытия в Окленд. Игнатъев О. Путешествие на «Каллиосто»), **кассета-2** (Видеокассета. Кассеты с видеофильмами), **кассетник** (Разг. Кассетный магнитофон. — Хочешь, включи телевизор. Или кассетник. Есть приличные записи. Клепиков Ю. Незнакомка. В вагоне завели кассетник. МК, 30.05.1990), **компакт-кассета** (вставить в магнитофон компакт-кассету, записи на компакт-кассетах, в магазинах исчезли компакт-кассеты), **магнитоальбом** (Ждем гастролей. Ну и работаем в студии, конечно, готовим к выпуску наш четвертый магнитоальбом. Пульс, 1991, № 3), **микро-ЭВМ** (Успехи развития микроэлектроники позволили в начале 70-х гг. создать настольные микро-ЭВМ. Крайзмер Д., Кулик Б. Персональный компьютер на вашем рабочем месте).

Пролетарій – бобыль, бездомокъ или безземельный, безпріютный, захребетникъ; пролетаріать, пролетарство – состоянье, быть и сословье пролетаріевъ; бобыльство, бездомничество, безземелье, захребетничество.

Бобыль – пролетарій; крестьянинъ не владѣющий землею, не потому чтобы занимался промыслами или торговлей, а по бѣдности, калѣчеству, одиночеству, небрежению; безтягольный, нетяглый; одинокій, бездомокъ, безпріютный; бобыль, живетъ въ людяхъ захребетникомъ или въ батракахъ, сторожахъ, пастухахъ.

Бездомный – у кого нѣтъ своего дома, крова, пристанища, пріюта; бездомокъ – кто безъ своего дома, без крова, жилища; шатунъ; бобыль.

Безземельникъ – безземельный крестьянинъ, безтягольный, не тягловой, нетяглый, бобыль.

Безземельный – не имѣющій вовсе земли, или менѣе необходимаго.

Безпріютный – бездомокъ, бездомный, безкровный, безпріютный, безпритупный, безпричальный, безпристанищный.

Захребетникъ – бобыль, безтягольный, плохой рабочий; дармоедъ, приставший къ пирушкѣ на помочи, не работавъ, а со своими работавшими. Зовутъ бесхребетниками и людей, купленныхъ въ былое время крестьянами, на имя помѣщика; они исправляли барщину за хозяевъ своихъ и работали на нихъ; батракъ, работникъ.

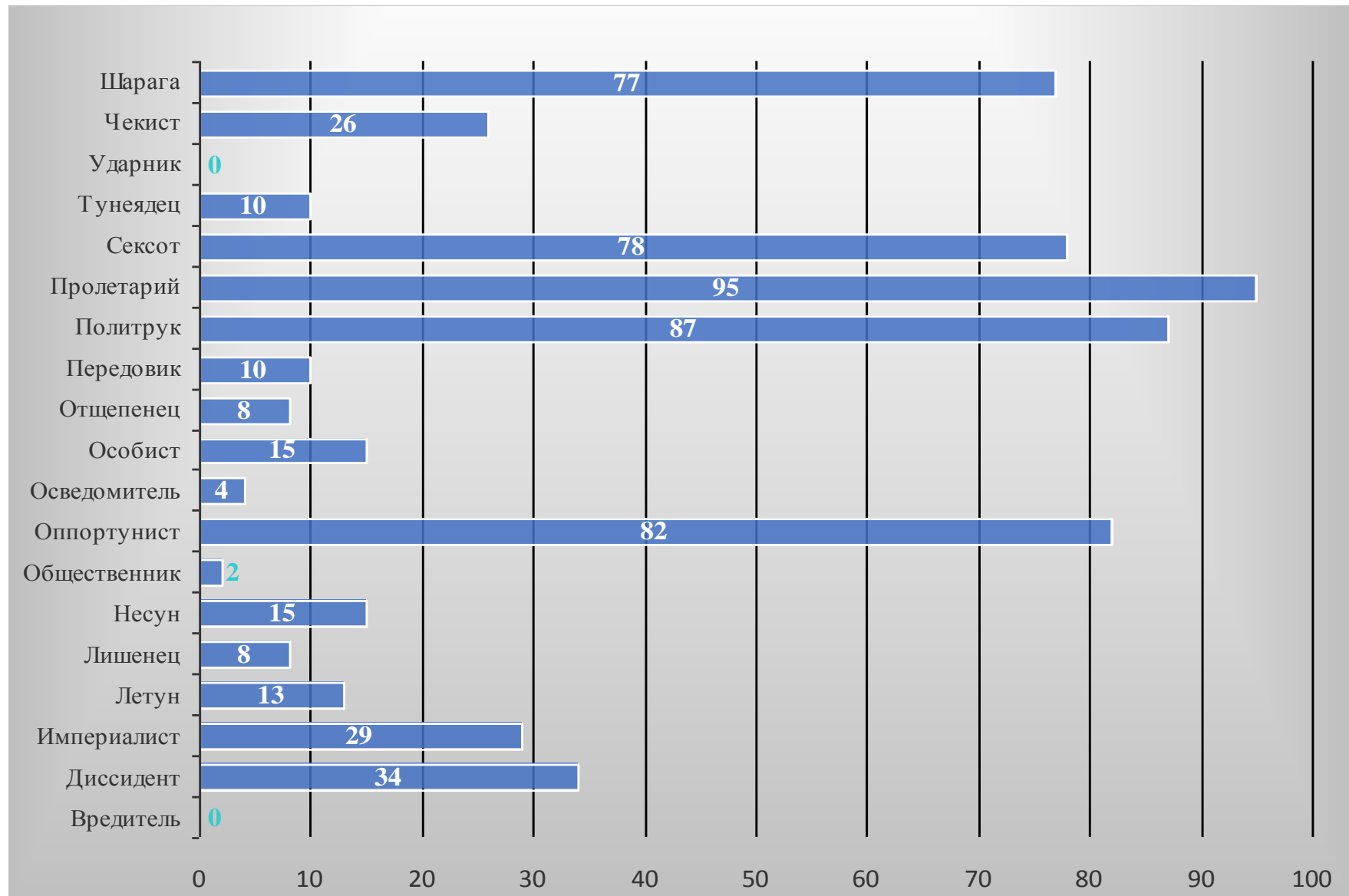
Безтягольный, безтяглый, нетяглый, нетягловой – свободный отъ тягла, отъ обработки чужой земли и сопряженныхъ съ этимъ повинностей. Безтягольными обычно часлятся: молодые парни до женитьбы; бобыли, калѣки, также старики отъ 60-ти лѣтъ.

Нетяглый – мужикъ, на которомъ нѣтъ тягла, по молодости, старости, болѣзни, калѣчеству; иногда по бѣдности, маламочію, по недостатку рабочего скота; или же дворовый, или мастеровой, не пашущий земли, хотя и оплачивающий повинности; хилый, слабый, плохой работникъ.

Нетягъ, нетягуша – неработникъ, міроѣдъ, дармоѣдъ.

Нетяга – слабость, недостатокъ силъ; хилость, дряхлость.

Приложение 3. Количество отказов на слова, предложенные информантам при проведении лингвистического эксперимента

Приложение 4. Количество респондентов, отреагировавших на слова-стимулы

